

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2014

№ 1(5)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.

*Номер посвящается 90-летию Виктора Петровича Астафьева
с глубокой признательностью за дружбу и поддержку
томской лексикографической школы*

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск) –
председатель
О.И. Блинова (Томск) –
зам. председателя
Д.А. Катунин (Томск) –
отв. секретарь
Н.Д. Голев (Кемерово)
В.Е. Гольдин (Саратов)
А.Д. Жакупова (Кокчетав)
Е.В. Иванцова (Томск)
В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург)
З.И. Резанова (Томск)
О.В. Фельде (Красноярск)
Л.И. Шелепова (Барнаул)
Е.А. Юрина (Томск)

Editorial Board of the ***Journal of
Lexicography***

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk) –
Chairperson
Olga I. Blinova (Tomsk) – Deputy
Chairperson
Dmitry A. Katunin (Tomsk) –
Executive Editor
Nikolai D. Golev (Kemerovo)
Valentin Ye. Gol'din (Saratov)
Aygul D. Zhakupova (Kokshetau)
Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk)
Valery M. Mokienko
(Saint-Petersburg)
Zoya I. Rezanova (Tomsk)
Olga V. Felde (Krasnoyarsk)
Lyudmila I. Shelepova (Barnaul)
Yelena A. Yurina (Tomsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии	5
Лукашанец Е.Г. Вариативность как специфическая черта онлайн-словарей сленга и разговорной лексики	16

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Захарова Л.А., Огаркова Т.В. Принципы построения словаря современных томских фамилий.....	32
Ружицкий И.В. Атопоны Достоевского: к проекту словаря.....	56
Савенко А.С. Проект «Мотивационно-сопоставительного словаря русского, английского и чешского языков: фитонимы»	76

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЙ

Рыгалина М.Г. Русские фамилии как объект лингвокультурографии	92
--	----

ПЕРСОНАЛИИ

Блинова О.И. Виктор Астафьев о слове и словарях.....	108
---	-----

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Резанова З.И. Уникальный проект томских лексикографов. Рец. на книгу: Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск, 2006 – 212.	120
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	129
----------------------------------	-----

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Kozyrev V.A., Chernyak V.D. Modern orientations of Russian lexicography	5
Lukashanets Ye.G. Variability as a specific feature of online dictionaries of slang and colloquial lexicon.....	16

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Zakharova L.A., Ogarkova T.V. The principles of <i>The Dictionary of Modern Tomsk Surnames</i> (based on Tomsk Telephone Directory, 2007)	32
Ruzhitskiy I.V. Dostoevsky's atopons: on the Dictionary Project	56
Savenko A.S. A project of <i>The Motivological Comparative Dictionary of Russian, English and Czech: Names of Plants</i>	76

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Rygalina M.G. Russian surnames as an object of linguistic culturography	92
--	----

PERSONALIA

Blinova O.I. Viktor Astafiev on the word and dictionaries	108
--	-----

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Rezanova Z.I. A unique project of Tomsk lexicographers. Review of <i>The Complete Dictionary of a Dialect Language Personality</i> edited by Ye.V. Ivantsova	120
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	129
--	-----

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК: 82.085

В.А. Козырев, В.Д. Черняк

СОВРЕМЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассматриваются наиболее заметные тенденции в развитии отечественной лексикографии в последние два десятилетия, с одной стороны, это тенденция к системному представлению языковых единиц разных уровней, с другой – антропоцентрические ориентации современной лингвистики. Отмечается особая значимость фактора адресата в развитии словарного дела. В условиях лексикографического бума особую актуальность приобретает типология словарей.

Ключевые слова: современная лексикография, типология словарей, фактор адресата, системоцентризм и антропоцентризм лексикографии.

Не подлежит сомнению особое место словарей в социокультурной ситуации конца XX – начала XXI в. Оно определяется многими причинами: это и отчетливая ориентация всех направлений современной лингвистики на обнародование результатов своей деятельности в словарной форме, и возросшая роль различных источников информации, и усилившееся внимание общества к речевой культуре (на фоне явного снижения уровня последней). Словари откликаются на все изменения в жизни и в обществе, в статичной форме демонстрируя картину динамических языковых процессов.

Период острого словарного дефицита 70–90-х гг. XX в. в последние два десятилетия сменился своеобразным лексикографическим бумом, который отмечается многими исследователями как один из ключевых признаков современной языковой ситуации. Очертания современной лексикографии существенно изменились в связи с внедрением компьютерных технологий: с одной стороны, появились реальные возможности осуществления в обозримые сроки масштабных лексикографических проектов, с другой – расширилось пространство для деятельности компиляторов. Не случайно М.А. Кронгауз назвал один из своих очерков в книге «Русский язык на грани нервного срыва» «Лексикографический невроз, или Сло-

варь как способ поговорить» [1]. Н.Ю. Шведова, размышляя об ответственности лексикографа, сформулировала своего рода «кодекс чести» составителя словаря: «Что такое ответственность лексикографа? Она не одна: автор словаря ответствен, во-первых, перед наукой о языке и тем самым перед лингвистами, обращающимися к словарю как произведению, необходимо отвечающему требованиям современной науки; во-вторых, перед читателем-нелингвистом, доверяющим словарю и ищущим в нем нужную ему точную и достоверную справку; в-третьих, перед традицией, которую он продолжает и развивает; в-четвертых, наконец, перед самим собой как специалистом и автором труда, выходящего под его именем» [2. С. 13].

К большому сожалению, многие из издаваемых сегодня словарей этим критериям не соответствуют, что проявляется и в отборе лексикографируемого материала, и в принципах его представления. Некоторые издания могут претендовать на статус словаря только по формальным признакам. Нередки случаи, когда читатель просто не находит фамилии составителя – вся ответственность за компиляцию при этом ложится на издательство. Приведем лишь один пример. Примечательной характеристикой современного «лексикографического пространства» является присутствие в нем десятков словарей, имеющих на титульных листах имена В.И. Даля, Д.Н. Ушакова или С.И. Ожегова. Эти имена выдающихся лексикографов не только обрели статус прецедентных феноменов, занимающих определенное место в тезаурусе современной языковой личности, но и стали своего рода коммерческими брендами. К сожалению, сегодня, беря в руки «словарь Даля» или «словарь Ушакова», рядовой пользователь не может определить, что перед ним – авторитетный словарь, его более или менее квалифицированная современная адаптация или подделка, «лексикографическая пустышка», которую с именем лексикографа связывают лишь отдельные элементы словника. Так, в библиографическом указании к книге *«В.И. Даль. Толковый словарь русского языка. Современное написание. – М. : Астрель, АСТ, 2000. – 784 с.»* издатели не указали лишь формат книги (60 x 40 мм). Хотя безымянный составитель и отмечает в предисловии, что «нынешний читатель впервые получает современную версию бессмертного собрания Владимира Ивановича Даля», познавательная ценность этого карманного издания очень сомнительна. К сожалению, многие составители современных словарей и словариков к лексико-

графии как в науке или как к научно обусловленной практике имеют весьма опосредованное отношение. Целый ряд словарных изданий последних лет является не результатом серьезного труда лингвистов, а простой компиляцией; в ряде случаев перепечатываются старые издания без какого-либо комментария, так что для неискушенного читателя они выглядят как словарные произведения последних лет; в некоторых случаях вообще отсутствует имя редактора или составителя, что сразу должно вызвать серьезные сомнения в добросовестности издателей.

Между тем бурное развитие словарного дела требует осмысления накопленного опыта, необходимого для осуществления новых лексикографических проектов. За последние 15–20 лет отечественная лексикография сделала огромный шаг вперед: сформировались новые типы словарей, обогатился и усовершенствовался метаязык словарных описаний, разработаны новые принципы диалога «словарь – читатель» с учетом многообразных целевых установок адресатов словарной продукции. Создатели словарей стремятся к постоянному обновлению «лексикографического пространства», отвечая тем самым на все новые и новые вопросы, возникающие у читателей – пользователей словаря. Подчеркивая значимость «фактора адресата», Т.И. Бытева отмечает, что именно представление лексикографа о потенциальном адресате определяет дифференциальные признаки словаря [3. С. 17].

«Настроенность» современной лексикографии на потребности пользователя обуславливает различные векторы в развитии словарного дела. В.Г. Гак, размышляя о коммуникативной значимости словарей, пишет: «Лексикограф <...> выступает как посредник между обществом – коллективным носителем речи – и индивидуумом, который, обращаясь за справкой к словарю, как бы задает вопрос лексикографу. Ответы лексикографа (носителя коллективного знания) воспринимаются как более или менее обязательные предписания для читателя словаря, поскольку словарь предназначен для того, чтобы устранить расхождение между индивидуальным знанием и знанием всего коллектива» [4. С. 12]. Эта чрезвычайно значимая установка на диалог лексикографа с потенциальным пользователем словаря обуславливает особое расширение некоторых зон «лексикографического пространства».

Сегодня появилось огромное количество новых лексикографических изданий, различных по типу, объему, адресной направленности. Составленный нами список отечественных словарей русского языка на сегодняшний день насчитывает более 2600 единиц (сюда не входят двуязычные и терминологические словари), причем лишь около 10% от этого числа относятся к «доушаковскому» периоду (напомним, что в книге «Вселенная в алфавитном порядке» [5], где мы стремились максимально полно отразить достижения отечественной, прежде всего советской, лексикографии, было описано лишь 700 изданий). Такое очевидное количественное увеличение словарной продукции, безусловно, объясняется не только развитием лексикографической науки и стремлением отразить все достижения лингвистики в словарной форме, но и внешними социокультурными причинами: всё возрастающей значимостью различных источников информации, попыткой авторов максимально учесть фактор адресата, а также несомненной коммерческой составляющей в современном словарном деле. Лексикография из сугубо академической сферы в последние десятилетия превратилась в сферу социально мобильную, быстро отвечающую на запросы общества, но в этой мобильности нередко утрачивающую изначально присущие ей качества. И.А. Зайковская отмечает, что «образ словаря» в наивной картине мира, в представлении рядовых пользователей оказывает существенное влияние и на развитие словарной продукции (установка на упрощение и универсальность словаря), и на выбор многими современными авторами словарной формы как способа организации текста, далекого от словаря в его классическом понимании [6. С. 14].

Отмеченная ситуация делает чрезвычайно актуальным вопрос о максимально полной фиксации существующих словарей, обобщении, классификации всех достижений отечественной лексикографии. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о типологии словарей, который всегда был одним из ключевых вопросов теории лексикографии. Типология словарей при всем многообразии подходов призвана выполнять и классифицирующую, и прогностическую функции.

Р.М. Фрумкина соотносит типологию словарей с моделью языкового сознания, отмечая, что «словари общего типа должны быть своего рода моделью действительно наивного языкового сознания, то есть языкового сознания нерелефлирующего индивида, а слова-

ри научные – быть адекватными и наивному слою языкового сознания профессионала, и более глубинной части этого сознания, то есть особому профессиональному чутью» [7. С. 45]. В современной лексикографии это разделение на словари научные и словари, ориентированные на «наивного», лингвистически неискушенного пользователя, просматривается весьма отчетливо. Особое место в современном «лексикографическом пространстве» занимают учебные словари. Их востребованность обнаруживается в том, что более 250 единиц из общего списка словарей содержат в своем названии слово *школьный*, около 150 – *учебный* (появился даже своеобразный жанр «словарь-учебник»).

Лексикографический бум не в равной степени затрагивает словари различных типов. В последние два десятилетия чрезвычайно разрослись некоторые типы, по тем или иным причинам особенно востребованные пользователями. Так, например, в составленном нами списке, с одной стороны, более 200 ортологических словарей (орфографических, орфоэпических, словарей трудностей), с другой – более 150 словарей, отражающих жаргонизацию речи. Если первая цифра отвечает на потребность пользователей в нормативных словарях «скорой помощи», то вторая – отклик на либерализацию современной речи (можно отметить также чрезвычайный количественный рост словарей иностранных слов и фразеологических словарей).

На книжных прилавках и библиотечных полках появилось множество словарей с броскими названиями: «большой», «полный», «новый», «новейший», «универсальный», «современный», «комплексный». Читателей привлекают также многочисленные «малые», «карманные», «школьные», «учебные» словари. Стремясь выделить в этом ряду «самых новых» словарей, составители готовы пойти даже на банальное нарушение грамматической нормы, соединяя, например, два способа образования суперлатива. Ср.: *Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: [около 1 500 слов]. – М.: АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2011.* На обложке этого словаря представлена рекламная надпись: «Слова, не имеющие аналогов в русском языке, без которых сегодня невозможно жить и работать, понимать и читать, смотреть и слушать», в полной мере раскрывающая коммерческие устремления издателей.

Хотя коммерциализация словарного дела в значительной степени определяет наполнение совокупной «словарной полки», находя-

щиеся на ней наиболее заметные произведения демонстрируют серьезный научный прорыв в отечественной лексикографии и соотносятся с двумя ведущими тенденциями. С одной стороны, реализованы значительные лексикографические проекты, ориентированные на системоцентризм словарного описания. Назовем лишь некоторые из них. Так, событием в отечественной лексикографии стало появление «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», созданного коллективом авторов под руководством Ю.Д. Апресяна [8]. Этот словарь является принципиально новым лексикографическим изданием – словарем активного типа, согласованным с определенным грамматическим описанием русского языка. В словаре реализована идея *интегрального лингвистического описания*, предусматривающего максимальную согласованность грамматических и лексических характеристик. Принципиально важно, что словарь опирается на богатейший (свыше 5 миллионов словоупотреблений) корпус текстов разных функциональных стилей и жанров.

Целостная языковая картина мира воссоздается в «Русском семантическом словаре», созданном под руководством Н.Ю. Шведовой [9]. Каждый функциональный класс слов (в основе семантического членения, представленного в разных томах словаря, лежат части речи – носители самой обобщенной лексической семантики) является разветвленным лексическим древом. Лексические подмножества выполняют важную конструктивную и информативную роль, представляя, по словам Н.Ю. Шведовой, языковые «картинки жизни». Составителям удалось осуществить в пределах одного лексикографического издания сочетание важнейших качеств толкового и семантического словаря: естественно соединенными на основе семантической связи оказываются ядерные и периферийные лексические единицы.

Конкретные результаты работы по систематизации и идеографическому описанию русской лексики воплотились в комплексе словарей, созданных уральскими лексикографами [10, 11, 12]. В многофункциональных, концептуально целостных изданиях, востребованных и лингвистами разных специальностей, и методистами, и переводчиками, воплотились достижения лексикологии последней четверти XX – начала XXI в. В идеографических словарях, позволяющих интерпретировать лексическую систему, преломив ее через призму восприятия человека, и облегчающих продвижение по пути

«от мысли к слову», обнаруживается принцип антропоцентризма, органично сочетающийся с системоцентризмом лексикографии.

Словари антропоцентрического типа, по мнению Г.Н. Складневской, описывают «не абстрактную систему, а живой язык, данный в реальном употреблении и ориентированный на языковое сознание современников» [13. С. 130]. Антропоцентризм лексикографии обнаруживается и в стремлении отразить существенные черты речевого портрета современного человека, и в подчеркнутой ориентации на запросы пользователей, и в максимальном учете фактора адресата. Словари позволяют получить объективное представление об организации лексикона человека, о совокупности знаний, хранящихся в его памяти, интерпретировать лексическую систему, преломив ее через призму восприятия человека, соотносить теоретические разыскания в области изучения словарного состава с конкретными коммуникативными запросами пользователей словарной продукции.

Особое место среди словарей, воплощающих идеи антропоцентрической лексикографии, занимают ассоциативные словари [14, 15], дающие богатейший материал для исследования лексикона и тезауруса современника.

Следует подчеркнуть, что во многих словарях ориентация на системное представление лексики и фразеологии органично сочетается со стремлением представить живой речевой портрет языковой личности. Прекрасным образцом таких лексикографических изданий является «Полный словарь диалектной языковой личности» [16].

Симптоматичным и отвечающим запросам пользователя является соединение во многих современных словарях содержательного потенциала двух типов лексикографических изданий – лингвистических и энциклопедических словарей, к которому у науки был долгий путь (от интуитивного объединения, которое наблюдается, например, в «Словаре Академии Российской», к обоснованному разделению и – уже в последние десятилетия – к объединению на новой основе). Такое соединение обеспечивает значительный информационный и прагматический эффект при решении различных коммуникативных и познавательных задач носителем языка. «Словарь и энциклопедия ликвидируют лакуны, заделывают дыры, рассеивают туман в индивидуальных тезаурусах как в приемных устройствах, от качества которых зависит глубина, тонкость и избирательность понимания индивидом мира и людей» [17. С. 70].

Слово находится в постоянном движении, его сегодняшние характеристики, его восприятие говорящим могут не совпадать с теми, которые наблюдались не только в прошлые века, но и в предшествующие одно-два десятилетия. Поэтому, стремясь отразить все особенности функционирования слова, лексикограф должен обладать способностью видеть будущего читателя словаря, должен разглядеть существенные характеристики за теми, которые характерны для сугубо синхронного восприятия слова. Характеристика слова в различных словарях с учетом времени их создания, прагматической установки на адресата неразрывно связана с идеологией словаря, проявляющейся и в составе словника, и в характере дефиниций, и в оценочных пометах, и в иллюстративном материале. Интенсивная работа по описанию новой лексики как в собственно неологических словарях, так и в словарях иностранных слов и толковых словарях в последнее десятилетие отражает бурные социально-политические и экономические изменения в российской жизни рубежа веков. Перелистывая страницы словарей, читатель получает представление о том, какие сферы науки, техники, культуры развивались особенно активно, стимулируя соответствующий «лексический отклик». В.В. Морковкин, оценивая язык как социальное явление, пишет, что отдельными своими частями он «постоянно “процеживается” через всех говорящих на нем людей, что, собственно говоря, и позволяет ему развиваться. Те же фрагменты совокупного языка, которые остаются невостребованными и, следовательно, перестают пропускаться через сознание носителей, постепенно уходят в небытие» [18. С. 132].

В заключение подчеркнем, что современное «наполнение» каждого типа словарей заслуживает специального рассмотрения. Совокупность лексикографических изданий последнего времени отражает языковой облик эпохи, представляет наиболее существенные изменения в лексиконе современной языковой личности; именно словарям принадлежит исключительное место в сохранении культурной памяти народа, в формировании лингвистически компетентного члена языкового коллектива.

Литература

1. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. – М. : Знак : Языки славянских культур, 2007. – 223 с.
2. Шведова Н.Ю. Автор или составитель?: (Об ответственности лексикографа) // Словарь и культура русской речи. – М., 2001. – С. 13–16.

3. Бывева Т.И. К уточнению некоторых лексикографических понятий // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 9. – С. 13–17.
4. Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – 356 с.
5. Гак В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М., 1977. – С. 11–27.
6. Зайковская И.А. Ассоциативно-семантический потенциал и текстовые реализации лексической парадигмы «словарь»: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 236 с.
7. Фрумкина Р.М. Лингвист как познающая личность // Язык и когнитивная деятельность. – М., 1989. – С. 38–46.
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
9. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник: Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук, 2002–2007. – Т. 1–4.
10. Большой толковый словарь русских глаголов: свыше 10 000 глаголов: идеографическое описание, синонимы, антонимы, английские эквиваленты / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 576 с.
11. Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание, синонимы, антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. – 2-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 864 с.
12. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург, 2012. – 864 с.
13. Скляревская Г.Н. Антропоцентрическая лексикография: идеи и практика // Лексикография. Язык. Речь: сб. ст. памяти Анны Липовской. – София, 2013. – С. 95–104.
14. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1–11 классов: в 2 т. / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартянов. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2011. – Т. 1–2.
15. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – Т. 1–2.
16. Полный словарь диалектной языковой личности / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. – Т. 1–4.
17. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Рус. яз., 1993. – 245 с.
18. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М.: Наука, 1988. – С. 131–136.

MODERN ORIENTATIONS OF RUSSIAN LEXICOGRAPHY.

Tomsk State University Journal of Lexicography, 2014, 1 (5), pp. 5–15.

Kozyrev Vladimir A., Chernyak Valentina D., Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: 47kozyrev@rambler.ru / vdcher@yandex.ru

Keywords: modern lexicography, typology of dictionaries, factor of recipient, systemocentrism and anthropocentrism of lexicography.

The article describes the most noticeable tendencies in the development of Russian lexicography in the last two decades. The most complete fixation of the existing dictionaries, generalization and classification of all lexicography achievements are an important question. More than 2600 editions of the Russian language dictionaries are being considered in the article. A large number of the dictionaries were created in the last two decades. It allows us to make a conclusion about the tendencies of lexicography development.

The special significance of the factor of the recipient is being emphasized in the paper. The orientation of modern lexicography towards needs of a user determines different vectors of lexicography development. "The image of the dictionary" in the naive world picture, in the conception of native speakers depends on the development of the dictionary production (attitude towards simplification and omnitude of the dictionary).

In the last decades lexicography transformed from an academic sphere into a socially mobile sphere that can quickly react to social requests.

The outlines of modern lexicography have significantly changed because of the introduction of computer technologies. On the one hand, there are real possibilities to accomplish large-scale lexicographic projects in foreseeable time, on the other hand, the space for compilers' activity has expanded. In the paper we give examples of compilers' dishonesty, manipulation with names of outstanding lexicographers – V.I. Dal and D.N. Ushakov.

Pragmatic requests of dictionary users define especially intensive development of some types of lexicographic publications (orthological dictionaries, dictionaries of foreign words, dictionaries of slang and neologisms, phraseological dictionaries). The typology of dictionaries in all the diversity of approaches is to perform both classifying and predictive functions. Commercial orientations determined the growth of certain types of dictionaries. A large number of exuberantly titled dictionaries have appeared: "large", "full", "new", "the newest", "universal", "modern", "multipurpose". Many "small", "pocket", "school", "educational" dictionaries attract readers.

The state of modern lexicography is determined, on the one hand, by the tendency of the system representation of the language units of different levels, on the other hand, by the anthropocentric orientations of modern linguistics.

Anthropocentrism of lexicography is also found in an effort to reflect the essential features of the speech portrait of a modern person and in the emphatic focus on the needs of users as well as in the maximum account of the factor of the recipient.

References

1. Krongauz M. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Znack Publ., Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. 223 p.
2. Shvedova N.Yu. *Avtor ili sostavitel'? (Ob otvetstvennosti leksikografa)* [The author or the compiler? (On the responsibility of the lexicographer)]. In: *Slovar' i kul'tura russkoy rechi* [The dictionary and the culture of the Russian language]. Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 13-16.
3. Byteva T.I. K utocnениyu nekotorykh leksikograficheskikh ponyatiy [On clarifying some lexicographic concepts]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, no. 9, pp. 13-17.
4. Kozыrev V.A., Chernyak V.D. *Vseleonnaya v alfavitnom poryadke* [The universe in the alphabetical order]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2000. 356 p.

5. Gak V.G. *O nekotorykh zakonomernostyakh razvitiya leksikografii (uchebnaya i obshchaya leksikografiya v istoricheskom aspekte)* [Some regularities of lexicography development (educational and general lexicography in the historical aspect)]. In: *Aktual'nyye problemy uchebnoy leksikografii* [Topical problems of educational lexicography]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1977, pp. 11-27.
6. Zaykovskaya I.A. *Assotsiativno-semanticheskiy potentsial i tekstovyye realizatsii leksicheskoy paradigmy "slovar'"*. Diss. kand. filol. nauk [Associative and semantic potential and text implementation of the lexical paradigm "dictionary". Philol. Cand. Diss.]. Saint Petersburg, 2011. 236 p.
7. Frumkina R.M. *Lingvist kak poznayushchaya lichnost'* [Linguist as a cognitive personality]. In: *Yazyk i kognitivnaya deyatel'nost'* [Language and cognitive activity]. Moscow, 1989, pp. 38-46.
8. Apresyan Yu.D. (ed.) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [The New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ.; Vienna, Wiener Slawistischer Almanach, 2004. 1488 p.
9. Shvedova N.Yu. (ed.) *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [The Russian Semantic Dictionary. An explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings]. Moscow, Azbukovnik Publ., In-t rus. yaz. Ros. akad. nauk Publ., 2002-2007. Vols. 1-4.
10. Babenko L.G. (ed.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh glagolov: svyshe 10 000 glagolov: ideograficheskoye opisaniye, sinonimy, antonimy, angliyskiye ekvivalenty* [The Big Explanatory Dictionary of Russian Verbs: over 10,000 verbs: ideographic description, synonyms, antonyms, English equivalents]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2007. 576 p.
11. Babenko L.G. (ed.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: ideograficheskoye opisaniye, sinonimy, antonimy* [The Big Explanatory Dictionary of Russian Nouns: ideographic description, synonyms, antonyms]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2008. 864 p.
12. Babenko L.G. (ed.) *Slovar'-tezaurus prilagatel'nykh russkogo yazyka* [Thesaurus of Russian Adjectives]. Ekaterinburg, 2012. 864 p.
13. Sklyarevskaya G.N. *Antropotsentricheskaya leksikografiya: idei i praktika* [Anthropocentric lexicography: ideas and practice]. In: *Leksikografiya. Yazyk. Rech'* [Lexicography. Language. Speech]. Sofia, 2013, pp. 95-104.
14. Gol'din V.E., Sdobnova A.P., Mart'yanov A.O. (eds.) *Russkiy assotsiativnyy slovar': assotsiativnyye reaktsii shkol'nikov 1–11 klassov: v 2 t.* [The Russian Associative Dictionary: associative reactions of students of 1-11 grades. In 2 vols.]. Saratov, Saratov Chernyshevsky State University Publ., 2011.
15. Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. (eds.) *Russkiy assotsiativnyy slovar': v 2 t.* [The Russian Associative Dictionary. In 2 vols.]. Moscow, AST-Astrel' Publ., 2002.
16. Gordeeva O.I., Gyngazova L.G., Ivantsova Ye.V. *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Complete Dictionary of a Dialect Language Personality]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2006-2012. Vols. 1-4.
17. Denisov P.N. *Leksika russkogo yazyka i printsipy yeye opisaniya* [The vocabulary of the Russian language and the principles of its description]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1993. 245 p.
18. Morkovkin V.V. *Antropotsentricheskii versus lingvotsentricheskii podkhod k leksikografirovaniyu* [Anthropocentric versus linguocentric approaches to lexicographing]. In: *Natsional'naya spetsifika yazyka i yeye otrazheniye v normativnom slovare* [National specifics of a language and its reflection in a normative dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 131-136.

Е.Г. Лукашанец

ВАРИАТИВНОСТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЧЕРТА ОНЛАЙН-СЛОВАРЕЙ СЛЕНГА И РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ

Статья посвящена анализу вариативности в русскоязычных онлайн-словарях сленга и разговорной лексики, постоянно пополняемых пользователями Интернета. Вариативность, как сущностное свойство онлайн-словарей, проявляется в вариативности лексикографического описания и в значительно развитой вариантности описываемых в словарях единиц. Как специфическое проявление вариативности лексикографического описания отмечено дублирование словарных статей, в основе которого лежит стремление уточнить толкование значения и выразить отношение к обозначаемому словом понятию. Рассматриваются фонетические и морфологические варианты. Выявлена лексико-семантическая вариативность, проявляющаяся в наличии омонимов и полисемичных слов.

Ключевые слова: онлайн-словари, социолект, сленг, варианты, словарная статья, дефиниция, полисемия, омонимия.

Последние 20 лет русская лексикография переживает, безусловно, настоящий бум своего развития [1. С. 588]. Причин тому немало. Так, в частности, помимо общих закономерностей интеграции русской лингвистики в мировую науку о языке, способствовавшей развитию новых лексикографических направлений и разработке новых типов словарей, положительную роль сыграло также и использование в лексикографических исследованиях и практической деятельности лексикографов достижений информационных технологий, что позволило в значительной степени упростить обработку больших массивов языковой информации при формировании базы словаря. Активизация деятельности создателей словарей русского языка в немалой степени связана также и с отменой в начале 1990-х гг. негласного запрета на социолектологические исследования, что повлекло за собой появление в конце XX – начале XXI в. большого числа словарей сленга, жаргонной и арготической лексики. Эти лексикографические издания, составленные крупными русскими социолектологами (В.М. Мокиенко, М.А. Грачев, В.Б. Быков, Т.Г. Никитина и др.), несмотря на некоторые недочеты, все же дают относительно полное представление о соответствующих социальных подсистемах русского языка.

Изобретение Интернета явилось новым стимулом для развития русской социолектной лексикографии. Однако дело здесь не столько в том, что словари лексики социолектов, уже изданные традиционным способом, появляются в электронном виде, хотя это и немало важно. Суть в том, что новая форма коммуникации сделала возможным появление так называемых онлайн-словарей – словарей принципиально нового типа, существование которых было невозможно ранее. Мы имеем в виду созданные по подобию англоязычных (www.wordspy.com и www.urban-dictionary.com) и франкоязычных (www.laparlure.com/ и www.dictionnaire-urbain.fr/) словари русской сленговой лексики, размещенные на сайтах www.slovonovo.ru, www.teenslang.su и www.slovoborg.su. Общий принцип возможности пополнения словаря любым пользователем Интернета (изобретенный еще для неязыковых словарей типа Википедии) соблюдается и здесь, с той лишь разницей, что языковой материал, вводимый пользователем, вовсе не обязательно должен иметь некий источник (хотя это и не исключается). Поэтому чаще всего сленговые и разговорные слова, включаемые в эти словари, отражают в основном только личный языковой опыт носителей русского языка.

Указанная специфика онлайн-словарей – возможность постоянного пополнения лексикона, отсутствие редакторской правки статей со стороны профессиональных лексикографов – заставляет относить эти словари к особому типу «самодеятельных» [2] словарей, к образцам «народной» лексикографии [3]. Все это, в свою очередь, порождает и такую отличительную черту этих словарей, как *вариативность*, раскрытию которой и посвящена данная статья.

Вариативность признается многими лингвистами за сущностное, глубинное свойство человеческого языка [4. С. 72; 5. С. 8–9; 6. С. 1; 7. С. 31–32]. При этом наряду с термином *вариативность* в таком широком смысле нередко используется лингвистами и термин *вариантность* (см. работы В.Г. Гака, В.М. Солнцева и др.). Однако нам кажется более целесообразным разграничивать эти термины: не претендуя на точные терминологические определения, укажем, что *вариативность* – более общее понятие, почти сближающееся с понятием изменчивости и т.п., в то время как *вариантность* – лишь способность языковой единицы (прежде всего, слова) иметь варианты, отличающиеся друг от друга некоторыми характеристиками (похо-

жее понимание отражено, в частности, в работах В.С. Храковского, В.М. Лейчика, см.: [8. С. 108–109, 140–142]).

Вариантность в высшей степени присуща лексическому уровню языка. Однако в разных социальных подсистемах она проявляется по-разному. Лексикографические описания литературного языка во многих случаях имеют дело скорее с инвариантами, чем с вариантами, и это вытекает из целей и задач таких словарей и основных принципов лексикографии: одна из основных задач лексикографа – сбор материала, заключающийся, в том числе, в «ограничении необходимой для словаря информации» [9. С. 62] (курсив мой. – Е.Л.), и тем самым словари «оперируют языком, а не речью – стихией языка» [Там же. С. 16]¹. Если, как считают некоторые ученые, «ведущая тенденция в литературном языке, связанная с регулирующим действием нормы, заключается в последовательном уменьшении числа вариантов» [10. С. 53], то в социолектах, напротив, число вариантов бывает очень значительно: например, в изученном нами современном русском криминальном арго некоторые слова представлены в 5, 6 и даже 8 фонетических вариантах [11. С. 139–140]. Поэтому неудивительно, что в онлайн-словарях хорошо отражены те типы вариантности, которые обычно выделяются в жаргонах и сленгах: фонетическая и морфологическая.

Фонетическая вариантность и в литературном языке, и в социолектах, как правило, связана с освоением иноязычных слов. Так появились варианты типа *кейген/киджен* ‘(от англ. key-gen(erator)) небольшая хакерская программка, используемая для генерации серийных номеров и т.п.’, *дангион/данжон/денджен/денжен* ‘разновидность ролевых игр’. В других случаях возможно разное морфонологическое оформление исконных слов: *мазёво/мазово* ‘очень хорошо’ (от *маза* ‘везение’) – или просто вариации произнесения слова: *млин/млинь* ‘ругательство’, *нравицца/нраицца* ‘нравится’.

То, что мы относим к морфологическим вариантам, можно разделить на две группы. Прежде всего, в онлайн-словарях присутствуют типы вариантов, отмечаемые и для литературного русского языка. Так, может наблюдаться варьирование рода существительных: *номерная/номерной* ‘рецептурный бланк с номером’,

¹ Даже в «Словаре живого русского языка», еще не изданном и существующем лишь в проекте, лексика описывается «неизбежно как статический объект» [1. С. 604].

титл/титла ‘представитель «титульной национальности» в странах Прибалтики (ироничное прозвище)’, *шан/шанá* ‘гашиш’, числa существительных: *винда/винды* ‘операционная система «Windows»’, типа склонения прилагательных: *нулевой/нулевой* ‘новый’ (орфографические различия окончаний обусловлены акцентными особенностями). Кроме того, как и в случае с фонетической вариантностью, морфологическая вариантность может быть связана с различным освоением иноязычного слова: *коммóдити/коммодитиз* ‘товары, на которые есть фьючерсы; товарные фьючерсы’.

В другом случае морфологические варианты возникают как результат разного оформления автором заглавного слова статьи. Так, в качестве заглавного слова интернет-пользователь может выбрать не только начальную форму слова (форму именительного падежа единственного числа для существительных, инфинитив для глаголов и т.д.), но и другие формы: формы множественного числа существительных, формы изъявительного и повелительного наклонения глаголов. Ср.: *кегля* ‘пешеход, не соблюдающий правила дорожного движения и лезущий под колеса’ – *кегли* ‘пешеходы, не соблюдающие правила дорожного движения и лезущие под колеса’, *пакша* ‘рука’ – *пакши* ‘руки’, *забить* ‘сменить тему, забыть’ – *забей* ‘забудь, не обращай внимания’, *надыбать* ‘найти что-либо’ – *надыбал* ‘нашёл’, *торчать* ‘задолжать, быть должным’ – *торчит* ‘должен’. В этих случаях можно говорить о вариантности лексикографического описания, которая характерна и для социолектных словарей на бумажных носителях, если они составлены непрофессионалами.

Такой вид вариантности, как графическая, является новым для сленга. Дело в том, что поскольку сленг, жаргон, аргó всегда считались исключительно устным средством общения, то различное графическое оформление слов, встречающееся изредка в традиционных социолектных словарях, обычно объясняется либо непрофессионализмом составителей (которые к тому же не были, как правило, и носителями социолекта), либо, в редких случаях, невозможностью определить этимологию слова и тем самым указать его правильное написание.

Ситуация кардинально изменилась с изобретением Интернета. В настоящее время можно говорить о функционировании сленга как

в устной, так и в письменной форме, а значит – и о графических вариантах, фиксируемых самими его носителями. При этом, конечно, мы не склонны утверждать, что абсолютно все сленгизмы появляются как в устной, так и в письменной форме: выяснение этого вопроса требует отдельного серьезного изучения. Значение имеет сам факт возможности бытования графической формы слова в сленге.

Число графических вариантов значительно больше числа вариантов фонетических: от полутора раз в словаре Словоборг (22 фонетических и 31 графический вариант) до двух в словаре Словоново (соответственно 118 и 271) и даже до трех с половиной раз в словаре на сайте www.teenslang.su (соответственно 127 и 443).

Что представляет собой графическая вариантность в онлайн-словарях, рассмотрим на примере последнего из них – с наибольшим числом вариантов. Варьированию подвергаются разные стороны орфографического облика слов и выражений. Можно выделить группы с варьированием слитного, раздельного и/или дефисного написания: *до талого* ‘очень много’ – *доталого* ‘огромное количество’, *полюбэ* ‘непрерывно, так или иначе, в любом случае’ – *полюбэ* ‘по любому, в любом случае’, в ряде случаев такие варианты могут включать другие знаки препинания (точки, восклицательные знаки) и даже другие символы: *слово плюс слово* ‘(вид игры) – даны два определения. Нужно, угадав слова, составить из них третье’ – *слово+слово* ‘см. слово плюс слово’. Может варьироваться написание с удвоенной и неудвоенной согласной, причем один тип такого варьирования связан с освоением иноязычных слов: *блоггер* ‘человек, ведущий сетевой журнал (дневник)’ – *блогер* ‘см. блоггер’, а другой обусловлен, по-видимому, чисто экспрессивными причинами: *фигасе* ‘оценка ситуации как крайне необычной, удивительной’ – *фигассе* ‘ни фиги себе’.

Большая часть случаев графического варьирования связана с соблюдением или несоблюдением морфологического (фонематического) принципа написания слов, т.е. с обозначением звуков, находящихся в слабой позиции, – как согласных, так и гласных. Например: *падонаг* ‘см. падонак’ – *падонак* ‘носитель субкультуры падонкаф’, *в Бобруйск* ‘выражение крайне негативной оценки, обращенное в большей степени не к тексту, а лично к афтару’ – *ф Бабруйск* ‘см. В Бобруйск, животное’, *блондинка* ‘архетип попсового штампа – красивая и глупая женщина, фотомодел, поп-звезда и т.п.’ – *блон-*

динко ‘красивая и глупая женщина, см. блондинка’, *щемить* ‘при-
теснять, унижать, обижать, издеваться’ – *цимить* ‘ограничивать
права человека’; также *отстой* ‘нечто, не заслуживающее внимания
(сборище, фильм, анекдот)’ – *оцтой* ‘высказывание негативной
оценки, отрицательного отношения к ч.-л.’. Достаточно велико чис-
ло пар с варьированием Е/Э в иноязычных словах: *брейн/брэйн* ‘то
же, что и брейн-ринг’, *десу/дэсу* ‘частица, придающая фразе оттенок
вежливости, нередко с иронией’.

Подвержены варьированию и другие орфограммы, например на-
личие/отсутствие Ъ после шипящих: *жжюш* ‘выражение восхищения
афftarом и его креатиффом’ – *жжюшь* ‘выражение одобрения в
блоге Живой Журнал LiveLournal.com’; правописание гласных И/Ы
после шипящих: *жирно* ‘оценка ч.-л. как сверхдостаточного, поло-
жительного’ – *жырно* ‘классно, клево, супер’; графическое обозна-
чение [j] между гласными: *хаер* ‘длинные волосы, пышная непокор-
ная грива’ – *хайер* ‘причёска’ и некоторые другие.

Из вышеприведенного анализа видно, что, во-первых, одни вари-
анты, сходные по типу с вариантами литературного языка, возника-
ют как результат освоения иноязычных слов (*блоггер/блогер* и *де-
су/дэсу*). Во-вторых, небольшая часть вариантов связана с неясной
этимологической структурой социолектизмов: *берлять/бирлять*
‘есть, кушать’, варианты такого типа встречаются, как было сказано,
и в обычных, традиционных социолектных словарях как виды запи-
си непонятого слова. В-третьих, больше всего вариантов представ-
ляют собой явно неправильные написания, в которых не соблюда-
ются основные орфографические нормы русского языка. И здесь
возникает вопрос: является такое написание нарочитым нарушением
орфографических норм или оно возникает как следствие крайней
степени безграмотности пользователей Интернета?

С одной стороны, наличие большого числа орфографических и
пунктуационных ошибок – характерная черта интернет-
коммуникации на русскоязычных доменах; много таких ошибок и в
толкованиях слов в онлайн-словарях. С другой стороны, характер
многих орфографических неправильностей заставляет предполо-
жить, что речь здесь не может идти о непреднамеренной ошибке, о
незнании правил русской орфографии. Действительно, в случаях
написаний типа *блондинко*, *афftar*, *ниасилил* и т.д. мы сталкиваем-
ся с явлениями так называемого «олбанского (албанского) языка»

русского Интернета, построенного в основном на нарочитых (сознательных) орфографических искажениях русских слов и получившего уже отражение в научных работах (см., например, [12, 13]). В целом слова с такими написаниями можно отнести к графодериватам [14]. Графодеривация – новый способ образования слов в современном русском языке, полностью обусловленный зрительным характером восприятия лексики и использующий в качестве словообразовательных графические средства языка. В случае с «албанским языком» речь идет скорее о манере написания слов, чем о производстве отдельных лексем (ср. из комментариев «Целыми днями **нисчясные** америкосы гуглили **нипанятную** и, с их точки зрения, **слажнёёшую математическую** формулу...» или «Двое **салидных маладых чиллавека**, с суровыми лицами... **напряжонно вглядываюццо** в толпу журналюг, падких на **синсацыи** и прочую ерунду»), однако в рамках словаря как собрания слов можно говорить об отдельных лексемах, образованных этим способом. Это, в свою очередь, порождает целые группы вариантов: *зачёт/зачот/зочот/зочод*, *красавчик /красафчег/красавчег/красафчег*, *атстой/ацтой/отстой/оцтой*, *жжёшь/жжшош/ЖЖошь*, *до талого/доталого/доталова* и т.д. Не претендуя на окончательность решения этого вопроса, укажем, что в случае с графическими вариантами вариативность языковых единиц, по-видимому, переходит в вариативность лексикографического описания слов в онлайн-словарях.

Следующий вид вариативности, который отражен в онлайн-словарях, – вариативность семантическая. Такая вариативность в известной мере находит отражение и в традиционных толковых словарях – в наличии разных значений (лексико-семантических вариантов, оттенков значений) слов. Однако, естественно, термин «лексико-семантический вариант» в этом случае не означает различий в описании одного и того же.

Напротив, описание семантики слов в онлайн-словарях – принципиально вариативно, вариативно по самой своей сути. Варианты описания словарных единиц не только не отвергаются, но и приветствуются (например, на сайте «Словоново» около каждого (!) помещенного слова указывается: Вы можете добавить своё определение этого термина). И хотя добавленные сведения появляются на сайте только после их просмотра модератором, если судить по характеру добавляемого, влияние модерации минимально.

Итак, главное проявление вариативности в онлайн-словарях – это наличие нескольких статей с одним и тем же словом (назовем это свойство для краткости дублетностью статей). Число дублетных статей в трех словарях варьируется от 2 до 13 («Словоборг»), 14 («Тинсленг») и даже 33 («Словоново»)¹. Наиболее насыщенный дублетными статьями словарь – «Словоново»: в нем «уровень дублетности» (процентное соотношение числа групп дублетов к числу статей слов без дублетов) равен 18%, в то время как в остальных двух словарях – по 13%.

Больше всего, естественно, двойных дублетных статей: они составляют приблизительно по 75% всех статей в словарях «Словоборг» и «Тинсленг» и 63% – в «Словоново». Дублетных статей, содержащих по 3–4 дублета, в словарях гораздо меньше (соответственно по 16 и по 5% в двух первых словарях и 20 и 8% в «Словоново»), статьи же, дублирующиеся по 10 и более раз, представлены единичными случаями. Так, например, в словаре «Словоново» по 10 статей посвящены словам *барыга*, *хз*, *чикса*, *чмо*, по 11 – словам и выражениям *катать вату*, *пидерсия*, *хд*, по 13 – *лох* и *мажор*; 15 дублетных статей имеет слово *пендовка*, 16 – *задрот*, 17 – *додик*, 18 – *ББ*, 22 статьи посвящены слову *упячка* и 33 статьи – слову *ололо*.

В связи с дублетностью статей возникают два закономерных и взаимосвязанных вопроса. Первый: в чем она заключается? То есть можно ли, в частности, сказать, что дублетность статей действительно является отражением многозначности слова? Второй вопрос: в чем причины дублирования статей?

Следует отметить, что многозначность слова может быть зафиксирована и в самой статье. Например, в словаре «Тинсленг» многозначны слова (не имеющие дублетных статей!): *колбасятник* – 7 значений, *бразильничать* – 5, *боярский* и *дерзкий* – по 4 и т.п. Во многих других случаях, действительно, многозначность отражается именно в дублетных статьях. Так, в словаре «Словоново» *энка* ‘микрорайон Краснодара, выстроенный в 1994 г. турецкой фирмой для военнослужащих’ и ‘популярная городская игра Encounter’, *движок* ‘двигатель автомобиля’, ‘занятия по сцен. движению

¹ Поскольку словари являются постоянно пополняемыми, все цифры в статье приводятся на дату окончания обработки данных: «Словоново» – 24.04.2012, «Словоборг» – 20.02.2012, «Тинсленг» – 02.03.2012.

в театральных вузах', 'сердце человека' и 'ЦМС, набор скриптов для управления содержанием сайта'.

Если проанализировать дублетные пары статей словаря «Тинсленг» (1374 пары), то увидим: то, что обычно понимается в лексикографии под многозначностью, отражено более чем в 40% статей. Это, в частности, такие значения, которые явились результатом а) метафорических и б) метонимических переносов наименования: а) *зависать* 'об электронном устройстве или программе) останавливаться, не реагировать на действия оператора' – 'подолгу находиться где-либо', *хавать* 'кушать, есть' – 'понимать, верить тому, что говорят, слушать'; б) *домик* 'съёмочная площадка телеклуба «Что? Где? Когда?»' – 'телевизионная версия ЧГК', *синька* 'крепкий алкогольный напиток, водка' – 'процесс и событие потребления спиртных напитков'. Во многих случаях связь между значениями прослеживается через соответствующее производящее слово, т.е. как результат либо а) множественных словообразовательных актов, либо б) актов заимствования. Так, например, английский глагол *ask* 'просить, спрашивать' был заимствован в сленг со значением 'процесс выпрашивания денег у прохожих на улице', которое может быть воспринято как уточнение, конкретизация семантики исконного английского слова, но оно также развило значение 'да', связанное со значением русского *спрашиваешь!* (т.е. 'еще бы, конечно!'). Множественность актов деривации находим в случаях типа *вертушка* 'проигрыватель для виниловых пластинок' и 'вертолёт' или *железячник* 'ай-тишник, специализирующийся на ремонте, сборке и отладке аппаратной части компьютеров – железа' и 'направление среди любителей ролевых игр и спортивного исторического фехтования, использующее стальной доспех и оружие (не железячники используют менее опасное деревянное или пластиковое оружие). Также используется как обозначение тех, кого интересует только бой, а не игра или историческая реконструкция'.

Примерно в 8% случаев отношения между словами в дублетных статьях, по сути, являются омонимическими. Омонимия может быть порождена образованием слов от разных производящих в случае аббревиации или усечения: *бэха* 'автомобиль BMW' и *бэха* 'биохимия – учебный предмет в вузах', *жига* 'зажигалка' – *жига* 'автомобиль завода «ВАЗ» – «Жигули» и другие бренды этого завода', а также формальным совпадением разных заимствованных слов: *бага*

‘неисправность, ошибка. Как правило, о программах, но употребляется и в других случаях глюков’ (англ. *bug*) и *бага* ‘сумка, как правило, тяжёлая’ (англ. *bag*) и некоторыми другими процессами: *влад* ‘румын’ (ср. Влад Цепеш (Дракула) – господарь Валахии) и *влад* ‘город Владивосток’. Подчеркнем, что различие омонимии и многозначности, столь важное для толковых словарей, составляемых профессиональными лексикографами, в особенности – для словарей литературного языка, авторами анализируемых онлайн-словарей полностью игнорируется.

Наконец, чуть меньше чем в половине дублетных статей наблюдается либо совпадение значений (реже), либо (чаще всего) значительная их близость. При всем осознании субъективности понятия «близость значений» рискнем предположить его релевантность для рассматриваемых случаев. Так, в некоторых случаях находим толкования с помощью синонимичных слов и выражений: *захавать* ‘сожрать’ – ‘съесть’. Как видно из этого примера, в дефинициях могут варьироваться литературные и просторечные или жаргонные слова, ср. также *слипер* ‘тупица’ – ‘непродвинутый чувак, «не втыкающий»’.

Иногда добавляемое в дефиницию слово, по сути, ничего не прибавляет к его значению, так как соответствующий семантический компонент хотя бы имплицитно, но присутствует в семантике: *демократизатор* ‘милицейская дубинка’ – ‘резиновая милицейская дубинка’.

Гораздо чаще описания значений очень сильно различаются по форме, так что две дефиниции почти не содержат общих слов: *троллинг* ‘публикация анонимных провокационных сообщений в Интернете, см. тролль’ – ‘написание в Интернете провокационных сообщений с целью вызвать между участниками флейм, конфликты, холивары и т.п.’, *страна мертвых* ‘физическое место на территории полигона, где находятся условно-мертвые – игроки, персонажи которых в ходе игры погибли’ – ‘место в игре, где некоторое время находятся условно погибшие игроки’. Интересно, что в дефинициях дублетных статей иногда встречаются прямые отсылки к другому толкованию. Авторы могут как бы вступать в заочную дискуссию по поводу значения того или иного слова, ср.: *щипши* ‘мозги’ (автор London_girl) – ‘лицо (а никакие не мозги!)’ (автор не назвался). Характерно, что встречается дублирование статей даже у одного и того же автора (в случае если он назвал себя), например, некий пользова-

тель Интернета под ником *Евгений Поникаров* в 13 случаях приводит по две статьи на одно и то же выражение: *ведущий* ‘лицо, читающее на турнире вопросы и ответы, а также оглашающее результаты’ – ‘человек, с помощью дикции убивающий остатки смысла вопроса’, *генератор идей* ‘специализация игровая. Как и в мозговом штурме, необходим во время минуты обсуждения. Лучше иметь в команде двух или трех генераторов’ – ‘специализация игровая. Производит навозные кучи в надежде, что кто-то другой найдет там жемчужное зерно. Последнее происходит крайне редко’, *критик* ‘специализация игровая. Выдвигает резонные возражения против прозвучавших версий’ – ‘специализация игровая. Объясняет остальным членам команды, что среди навоза жемчуг обычно не встречается’.

При увеличении числа дублетных статей в целом сохраняются вышеописанные тенденции. Возможно полное совпадение дефиниций (например, при слове *дниуха* 5 статей с одним и тем же значением ‘день рождения’), встречаются и очень близкие толкования с синонимичными словами (*шнурки в стакане* – 5 статей ‘родители дома’ и 1 статья ‘родоки дома’; *фиолетово* – 3 статьи ‘всё равно’, 2 ‘безразлично’ и 1 ‘без разницы, всё равно’). Имеются и многочисленные случаи данных авторами близких, но не тождественных дефиниций, ср.: *дуаль* ‘вопрос, имеющий два (иногда более) формально-логически правильных ответа’ – ‘метод макания знатоков носом в грязь — ответ «бегемот» при правильном ответе «гиппопотам»’ – ‘ответ на вопрос, альтернативный авторскому, однако полностью соответствующий тексту вопроса’ – ‘ответ, удовлетворяющий тексту вопроса, но не предусмотренный Автором вопроса; фактически постороннее (паразитное) решение поставленной задачи’; также слово *лол*, отмеченное в 10 статьях и либо выражающее абстрактное понятие (‘громкий смех (слово «лол» никакого отношения к слову лох не имеет и не является ничем другим, как громкий смех). Употребляется в чатах, форумах где автор пытается показать свой смех’ – ‘письменный указатель смеха’ – ‘смех над кем-либо’ – ‘смех, хохот. Используется как выражение эмоций’ – ‘смех’), либо называющее человека (‘бестолковый, никчемный, неумелый, бездарный, простецкий человек’ – ‘неумелый, тупой, глупый, иногда в смысле неудачник’ – ‘очень смешной, ржачный, стёбный’ – ‘Смешной чудик. Даже не просто смешной, а «Hahahahhahahahahahahahahhahahh...eha ha h ha XDDDDDDDD D=))))))))://///»’ – ‘тупой, недопонимающий чего-либо’).

Именно при большом числе дублетных статей чаще встречаются попытки авторов поспорить относительно определения семантики слов. Наиболее насыщен такими случаями словарь «Словоново». Приведем, например, некоторые из толкований слов, имеющих по несколько дублетных статей: *пидовка* 1) 'Пидовка – это подросток, который подражает разным стилям, например эмо кидам, скинам, рэперам, гламур ну и т. д' – 2) 'Это совсем не обязательно человек, подражающий каким-то стилям. Люди могут странно одеваться, но если у одних это – свой собственный стиль, то у педовок это просто кошмарное несочетание вещей, цветов и т.д. Не надо путать пидовок со стилягами (людьми, имеющими свой стиль); *школота* 1) 'Происходит от слов «школа», «школьник» и «хуита». Уничижительное обозначение школьника. Используется в основном в интернете. Применяется чаще всего к человеку, чьё поведение, высказывания кажутся другому моветоном и свойственными детям и юношам школьного возраста. Употребляются в отношении лиц, явно или предположительно являющихся школьниками' – 2) 'Не совсем правильное определение. Школота от возраста не зависит, ею могут быть вполне взрослые люди. Но действительно в основном в это понятие входит молодёжь так называемого «поколения Пепси»'; *химарь* 1) 'Наркотик химического происхождения' – 2) 'Конопля, «приготовленная» особым способом с добавлением хим веществ. Очень отличный эффект и неплохая «убойная» сила' – 3) 'Кароче, пацаны, нагреваем спирт (медицинский ваще любой) в балоне который опускаем в кастрюлю с горячей водой... (далее следует достаточно подробное описание процесса приготовления наркотика, которое мы не приводим по этическим соображениям. – Е.Л.) на дне остается осадок – химарь'; *мажор* 1) 'Богатый юноша, «папенькин сынок»' – 2) 'в наше время – это молодой человек, который имеет богатых родителей, таких как: высокопоставленные чиновники, олигархи, высокооплачиваемые звезды шоу-бизнеса, бизнесмены высшего порядка, или просто люди имеющие огромный капитал. Мажор – представитель золотой молодежи, чаще всего он тусуется с подобными ему или с представителями яппи. Имеет дорогую машину и кучу денег в кармане' – 3) 'Человек, который умеет жить красиво и не обязательно богатые родители' – 4) 'По моему – это человек, который дешёвыми понтами и ложью (то есть придумывает себе положительные качества, которых у него и быть не мо-

жет) зарабатывает себе славу, вследствие чего его считают лучше, чем он есть на самом деле' – 5) 'Это такие уроды с богатыми родителями. Они сами не зарабатывают. Они не знают голода, холода, им не ведам страх у них же есть папины деньги... Я думал если я стану богатым то отдам детей с рождения на воспитание какой-нибудь не богатой семье... вот так то!'

Такие дефиниции, как видно из примеров, носят специфический характер: в них не только уточняется семантика слова, но и дается характеристика понятия, а иногда – и описание самой реалии, т.е. предмета, явления, процесса, что несколько сближает онлайн-словари со словарями нелингвистическими – энциклопедиями; в то же время иногда выражено отношение автора статьи к данному понятию или явлению. Толкования могут содержать также оценку чужой дефиниции, вследствие чего сближаются с метакоммуникативным дискурсом. Считаем, что онлайн-словари служат не только и не столько хранилищами слов – они удовлетворяют потребностям общения внутри коллектива анонимных авторов словарей.

Таким образом, основное отличие рассмотренных русскоязычных онлайн-словарей от традиционных словарей на бумажных носителях – повышенная степень вариативности, как формальной (наличие графических, фонетических, морфологических вариантов), так и – что более важно – содержательной, находящей проявление в вариативности толкований в дублетных статьях. Вариативность толкований, в свою очередь, обусловлена не столько социолектным характером отраженной в словарях лексики, сколько «онлайн-формой» существования словаря, принципиальной открытостью для любых новых пополнений его лексикона. Исследование нового типа словаря, создаваемого самими носителями, – при всех его недостатках, происходящих в основном из непрофессионализма создателей онлайн-словарей, – позволит, с одной стороны, пополнить сведения о субстандартных подсистемах языка, с другой – возможно, пересмотреть некоторые кажущиеся незыблемыми принципы типологии словарей в современной лексикографии.

Литература

1. Складаревская Г.Н. Современная русская лексикография: достижения и лакуны // Славянская лексикография / отв. ред. М.И. Чернышова. – М. : Азбуковник, 2013. – С. 579–615.

2. Бойко Б.Л. Самодеятельный онлайн-словарь современной лексики, жаргона и сленга «Словонovo» как форма общения в Интернете // *Вопр. психолингвистики*. – 2010. – №2 (12). – С. 64–70.
3. Лукашанец Е.Г. Интернет и язык: народная лексикография // *Вестн. Нижегород. гос. ун-та*. – 2011. – № 6, ч. 2. – С. 378–381.
4. Гак В.Г. Языковая вариантность в свете общей теории вариантности (к проблеме факторов и роли вариантности в языке) // *Вариантность как свойство языковой системы: тез. докл. : в 2 ч. / отв. ред. В.М. Солнцев*. – М. : Наука, 1982. – Ч. 1. – С. 72–75.
5. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. – Л.: Наука, 1978. – 239 с.
6. Крысин Л.П. Социолингвистическое исследование вариантов современного русского литературного языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1980. – 30 с.
7. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // *Вопр. языкознания*. – 1984. – №2. – С. 31–42.
8. *Вариантность* как свойство языковой системы : тез. докл. : в 2 ч. / Ин-т востоковедения АН СССР; отв. ред. В.М. Солнцев. – М., 1982. – Ч. 2.
9. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – М.: Наука : Флинта, 2009. – 432 с.
10. Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности // *Вопр. языкознания*. – 1965. – №1. – С. 48–55.
11. Лукашанец Е.Г. Словообразование в аргю: система способов и типов деривации. – Saarbrücken : LAP LAMBERT AcademicPublishing, 2012. – 428 с.
12. Шаповалова Н. ОРФО-арт как пример карнавального общения в виртуальной реальности // *Филол. этюды : сб. науч. ст. молодых ученых : в 3 ч.* – Саратов, 2008. – Вып. 2, ч. 2. – С. 292–295.
13. Снигирев А.В., Снигирева Е.В. Албанский язык русского Интернета // *Rossica Olomucensia XLVI-II: sborník příspěvků z mezinárodní conference*. – Olomouc, 2008. – С. 137–141.
14. Попова Т.В. Русские графодериваты в современном языковом сознании (по данным ассоциативного эксперимента) // *Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности: материалы Междунар. научн. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»*, Екатеринбург, 24–26 апреля 2008 г. – Екатеринбург, 2008. – С. 141–147.

VARIABILITY AS A SPECIFIC FEATURE OF ONLINE DICTIONARIES OF SLANG AND COLLOQUIAL LEXICON.

Tomsk State University Journal of Lexicography, 2014, 1 (5), pp. 16–32.

Lukashanets Yelena G., Minsk State Linguistic University (Minsk, Belarus). E-mail: elukashanets@rambler.ru

Keywords: on-line dictionaries, sociolect, slang, variants, dictionary entry, definition, polysemy, homonymy.

The article examines the specific features of a new type of lexicographical sources – online slang and colloquial lexicon dictionaries that represent collections of words and expressions constantly renewed and enlarged by Internet users. The article aims at revealing the variability in these dictionaries. The object of the research is represented by Russian online dictionaries at www.slovonovo.ru, www.teenslang.su and www.slovoborg.su.

The article considers different types of variability. First, the dictionaries abound in phonetic and morphological variants due to the sociolect nature of the described lexicon. Similarly to the traditional printed dictionaries of such type, the majority of these variants can be explained by adopting borrowings from other languages.

Second, online dictionaries are marked by the presence of graphic variants of lexical units. It is regarded as their specific feature since printed dictionaries contain mostly the vocabulary of oral communication. Graphic variants outnumber phonetic and morphological ones, which can be attributed to the functioning of modern youth slang in its written form in the Internet. The peculiarities of the graphic presentation of such units make it possible to regard graphic derivation as a method of derivation new for sociolects.

Third, the research elicits lexico-semantic variability. As in other dictionaries, it is represented by lexico-semantic variants, though in online slang and colloquial lexicon dictionaries they do not differentiate between polysemy and homonymy. In contrast to traditional dictionaries, lexico-semantic variants are not included in a single dictionary entry, most often they are described in separate entries with the same headword. Thus, duplicate entries are not only accepted but also appreciated. The fact that a word or an expression may have 2-10 and sometimes many more duplicate entries (as many as 33 for *ололо* (ololo) in the *slovonovo* dictionary) is the most vivid manifestation of variability of the so-called "folk lexicography", i.e. creation of online slang dictionaries of this type. The character of lexicographic description in duplicate entries suggests that the above described duplication is facilitated by the desire to provide another meaning of the word or expression or specify it as well as to express a personal attitude to the notion in question or even to argue over the semantics of a word with other dictionary users.

References

1. Sklyarevskaya G.N. *Sovremennaya russkaya leksikografiya: dostizheniya i lakuny* [Modern Russian lexicography: achievements and gaps]. In: *Slavyanskaya leksikografiya* [Slavic lexicography]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013, pp. 579-615.
2. Boiko B.L. A collaborative web-based dictionary of contemporary vocabulary, jargon and slang "slovonovo" as a form of online communication. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2010, no. 2 (12), pp. 64-70. (In Russian)
3. Lukashanets Ye.G. The internet and the language: popular lexicography. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2011, no. 6(2), pp. 378-381. (In Russian)
4. Gak V.G. [Language variation in the light of the general theory of variance (on the problem of factors and the role of variance in language)]. *Variantnost' kak svoystvo yazykovoy sistemy: tez. dokl.: v 2 ch.* [Variance as a feature of the language system. Abstracts of reports. In 2 parts]. Moscow, Nauka Publ., 1982. Pt. 1, pp. 72-75.
5. Gorbachevich K.S. *Variantnost' slova i yazykovaya norma: na materiale sovremennogo russkogo yazyka* [Variance of the word and language norm: on the material of the modern Russian language]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 239 p.
6. Krysin L.P. *Sotsiolingvisticheskoye issledovaniye variantov sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [A sociolinguistic study of variants of the modern Russian literary language. Abstract of Philol. Doct. Diss.]. Moscow, 1980. 30 p.

7. Solntsev V.M. Variativnost' kak obshcheye svoystvo yazykovoy sistemy [Variability as a general feature of the language system]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1984, no. 2, pp. 31-42.
8. Solntsev V.M. (ed.) *Variantnost' kak svoystvo yazykovoy sistemy: tezisy dokladov: v 2 ch.* [Variance as a feature of the language system. Abstracts of reports. In 2 parts]. Moscow, 1982. Pt. 2.
9. Dubichinskiy V.V. *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian Language]. Moscow, Nauka-Flinta Publ., 2009. 432 p.
10. Semenyuk N.N. Nekotoryye voprosy izucheniya variantnosti [Aspects of the study of variation]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1965, no. 1, pp. 48-55.
11. Lukashanets Ye.G. *Slovoobrazovaniye v argo: sistema sposobov i tipov derivatsii* [Word formation in the argot: system of types and methods of derivation]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 428 p.
12. Shapovalova N.G. [Orthography art as an example of carnival communication in virtual reality]. *Filologicheskiye etyudy: Sb. nauch. st. molodykh uchenykh: V 3-kh ch.* [Philological Essays: Collection of papers of young scientists. In 3 parts]. Saratov, Saratov University Publ., 2008, pt. 2, vol. 2, pp. 292-295. (In Russian)
13. Snigirev A.V., Snigireva Ye.V. [The Albanian language of the Russian Internet]. *Rossica Olomucensia XLVI-II: sbornik příspěvků z mezinárodní conference*. Olomouc, 2008, pp. 137-141. (In Russian)
14. Popova T.V. [Russian graphic derivatives in modern linguistic consciousness (by the results of the association experiment)] *Sovremennaya yazykovaya situatsiya v svete lingvokreativnoy deyatel'nosti: mat-ly Mezhdunar. nauchn. konf. "Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa"* [Modern linguistic situation in the light of linguo-creative activity. Proceedings of the International scientific conference "Language. System. Personality: Linguistics of creativity"], Ekaterinburg, 2008, pp. 141-147. (In Russian)

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81.374.3

Л.А. Захарова, Т.В. Огаркова

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННЫХ ТОМСКИХ ФАМИЛИЙ

Статья посвящена принципам построения современного регионального словаря фамилий, который создается на базе телефонного справочника г. Томска за 2007 г. В статье представлены теоретические положения о лексикографировании имен собственных, в частности фамилий, приводится фрагмент словаря на букву Ж, в заключение намечаются перспективы его использования.

Ключевые слова: антропонимы, фамилия, антропооснова, «ближняя и дальняя» этимология, словарь фамилий.

В языке имена собственные имеют особое положение. Главной функцией имен собственных является именование индивидуальных объектов, выделяемых из ряда других, т.е. функция идентификации. Фамилия – вид собственного имени, антропоним [1. С. 31], важнейший компонент именования человека, «семейное имя, передающееся от старшего поколения к младшему» [2. С. 13]. Фамилии складываются из потребности в добавочном именовании человека, из необходимости дать ему четкие координаты в обществе, более надежные и постоянные, чем давало прозвище в прошлом.

Актуальность работы определяется, во-первых, повышенным вниманием исследователей к сфере семантики любых лексических единиц вообще и к семантике имени собственного, антропонимов в частности. Антропоцентрическая парадигма настоящего времени подразумевает в центре своего исследования человека, следовательно, и его именование. В современной антропонимике остро стоит вопрос о семантике имен собственных, в том числе и фамилий. А.В. Суперанская предлагает говорить не столько о лексическом значении имени собственного, сколько о его информации (экстралингвистической, языковой, заключающейся в антропонимической основе, от которой имя образовано, в характере словообразовательных элементов, в его языковой, диалектной, территориальной принадлежности и т.д.) [3. С. 41–43]. На практике проблема лексическо-

го значения в ономастиконах сводится к проблеме этимологии онимического корня и онимических формантов [4. С. 70]. Через фамилии до нас дошли слова, исчезнувшие из современного языка или сохранившиеся только в местных говорах. Нередко в основах фамилий лежат слова, не зафиксированные ни в одном из исторических и современных словарей. Реконструкция таких лексем позволит расширить, сделать богаче наши представления об определенной исторической эпохе, о наших предках, их взаимоотношениях, обычаях и верованиях. Результатом изучения современной антропонимики являются словари, в которых выявляется семантика основ фамилий. Во-вторых, в последнее время к изучению имен собственных подходят с междисциплинарных позиций. В языке всегда находит отражение культурный, бытовой, религиозный и социальный опыт народа, изучающийся различными дисциплинами. В-третьих, сейчас, когда ономастика выделилась в самостоятельную дисциплину, расширились аспекты ее исследования, углубилась разработка общей теории имени собственного, непременным условием для изучения ономастического пространства являются словари. Однако имена собственные либо совсем не включают в состав общелингвистических словарей, либо включают их в минимальном количестве. Поэтому для исследования ономастических систем необходимы словари, которые бы охватывали различные разряды онимов [5. С. 7]. Примером такого словаря может служить словарь современных фамилий.

Объектом настоящей статьи являются современные российские фамилии жителей г. Томска. **Предмет** исследования – принципы создания Словаря современных томских фамилий. **Цель** – разработать принципы создания Словаря современных томских фамилий, представить фрагмент этого Словаря.

Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**: 1) из телефонного справочника г. Томска за 2007 г. отобраны российские фамилии на букву Ж; 2) разработаны общие принципы создания словаря: его тип, объект лексикографирования, структура словаря и словарной статьи; 3) выявлены антропоосновы фамилий и их этимология; 4) написаны пробные словарные статьи словаря.

Новизна работы заключается в объекте исследования: во-первых, современные томские фамилии практически не изучались в лексикографическом аспекте; во-вторых, словарь современных томских фамилий включает не только русские фамилии, как это делает боль-

шинство исследователей, но и фамилии, бытующие на территории России (русские).

В изучении томских фамилий сделано пока немного. Томские антропонимы в большей степени изучены в историческом плане. Написаны и опубликованы одна монография (Л.А. Захарова [6]), статьи, посвященные истории томских фамилий, выявлению их семантики, структуры, источниковедческих возможностей (В.В. Палагина [7], Л.А. Захарова [8], А.В. Конюк [9]), предпринята попытка сформулировать принципы создания исторического регионального словаря томских фамилий, написаны пробные статьи этого словаря (Л.А. Захарова, А.В. Конюк [10]). Современные томские фамилии пока представлены в дипломных работах (М.Н. Слепынина, Т.В. Огаркова) и в нескольких опубликованных статьях (М.Н. Слепынина [11] и некот. др.).

Несмотря на имеющийся в России опыт составления словарей русских фамилий, единого словаря русских фамилий пока нет. Изучение русской антропонимики в значительной степени затруднено из-за отсутствия словарей разных эпох и разных регионов.

Нет до сих пор полного исторического словаря русских имен и фамилий, кроме известного «Словаря древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова [12]; «Славянского именослова, или Собрания личных собственных имен в алфавитном порядке» М. Морошкина [13] и «Ономастикона. Древнерусские имена, прозвища и фамилии» С.Б. Веселовского [14]. В последние десятилетия XX – начале XXI в. лингвисты большое внимание уделяют исторической ономастической лексикографии. Об этом свидетельствует обращение к региональным историческим антропонимическим словарям. Однако необходимо отметить разную степень изученности истории русских фамилий по регионам России. Более других исследованы донские, вологодские, воронежские, московские, пермские, смоленские, украинские, белорусские и некоторые другие фамилии. На историческом материале в последние десятилетия созданы: уральский исторический ономастикон [15], региональные исторические словари вологодских [16], пермских [17], смоленских фамилий [18], фамильных прозваний и прозвищ северо-западной Руси [19], русских фамилий Зауралья [20] и некот. др.

Современные русские фамилии, распространенные на территории России, представлены небольшим количеством словарей. Наи-

более известны в настоящее время следующие: «Словарь современных русских фамилий» И.М. Ганжиной [21], содержит свыше 8000 фамилий, этимологических справок; «Словарь русских фамилий В.А. Никонова [22]; фундаментальная монография-словарь «Русские фамилии» Б.О. Унбегауна [23] и популярный этимологический словарь «Русские фамилии» Ю.А. Федосюка [24], включающий более 2500 фамилий. В 2000 г. вышла «Энциклопедия русских фамилий Е.А. Грушко и Ю.М. Медведева [25]. Огромное количество русских фамилий осталось за пределами этих словарей. Поэтому составление региональных словарей фамилий России – необходимое условие для появления единого общерусского словаря русских (российских) фамилий. Однако пока региональных словарей современных фамилий России считанные единицы. Авторам статьи известен лишь «Словарь фамилий Смоленского края» И.А. Королёвой [18], в составе которого третий раздел – фамилии современной Смоленщины. Отсутствие региональных словарей современных фамилий, боязнь называть их «этимологическими» объясняются прежде всего недостаточной разработанностью теоретических основ лексикографирования собственных имен, отсутствием убедительной методики составления подобных словарей. К числу наиболее полных собраний русских фамилий в настоящее время могут быть отнесены лишь адресные книги, телефонные справочники больших городов, каталоги крупных библиотек и материалы загсов.

Так как многие томские фамилии берут свое начало от фамилий XVII в., то необходимо несколько слов сказать о Томске. Томск основан в 1604 г., когда отряды русских казаков и промышленников за полвека присоединили к России часть Северной Азии. Город, являясь военной пограничной крепостью, спасал русских жителей и коренное население от набегов кочевых народов. В конце XVII в. набеги прекратились, и Томск утратил свое военное назначение. В XVIII–XIX вв. усилилась его роль в качестве центра управления Средней Сибирью, торгово-промышленного и транспортного пункта. Территорию уезда постепенно заселяли русские крестьяне. В 1804 г. Томск становится центром одной из самых населенных губерний России. В течение XIX в. город стал не только значительным торгово-промышленным центром, но и центром интеллектуальным: уже к началу XX в. в Томске функционировали Императорский университет, технологический институт, Высшие женские курсы, а

также учительский институт, духовная семинария, несколько гимназий и училищ, публичная библиотека, театр Е.И. Королева [26. С. 116–158].

Рассмотрим общие принципы построения анализируемого словаря.

1. Тип словаря. Основным в теории лексикографии является вопрос о типе словаря. Наиболее продуктивный тип словарей фамилий – этимологические словари, так как этимология фамилий считается одной из основных задач словаря. Предлагаемый словарь не является исключением. В нем прежде всего выявляется антропооснова фамилии, затем проводится ее этимологизация. Этимологизация онима и апеллятивной лексики несколько отличается. В зависимости от характера антропооснов этимология может быть «ближней» и более «дальней» [16. С. 7]. Для этимологии фамилии достаточно выявления апеллятива или первичного имени собственного, лежащего в основе фамилии, при условии, если антропоосновой является общеупотребительное слово русского языка – в этом случае устанавливается только исходная антропооснова фамилии – приводится так называемая «ближняя» этимология. Но если антропоосновой является устаревшее, диалектное или заимствованное слово, то приводится «дальняя» этимология. Ономастическое этимологизирование тесно связано со словообразовательным и структурным анализом, которые применяются при выделении антропоосновы и суффикса фамилии. Поскольку в Словарь включаются фамилии определенного региона – в данном случае г. Томска, словарь является региональным. Таким образом, предлагаемый словарь можно назвать лингвистическим этимологическим региональным словарем.

2. Источники словаря. Источником анализируемого материала послужил телефонный справочник г. Томска «Желтые страницы» за 2007 г. Выбор источника и его датировка объясняются его доступностью, несмотря на то, что он недостаточно полно отражает состав фамилий города, и началом составления словаря (2007 г.).

3. Принципы отбора фамилий. В имеющихся в настоящее время словарях современных фамилий анализируются в основном русские фамилии. Но что такое русские фамилии? Вопрос этот достаточно дискуссионный.

О.Н. Трубочев в «Трудах по этимологии» поставил вопрос о том, что такое «русская фамилия». Фамилии, для которых характерны

форманты *-ов/-ев, -ин*, реже *-ский/-ской, -ых/-их*, не всегда являются именно русскими. Нередко такие «...наиболее типичные показатели русских фамилий оформляют огромное множество совершенно нерусских фамильных и родовых прозваний, в частности, в русской передаче» [27. С. 104]. Например, такие фамилии, как Жанхотов, Жебелев, Жалыбин, будучи оформлены по модели русской фамилии, русскими не являются, так как антропоосновы их – иноязычные лексемы. По утверждению О.Н. Трубачева, «русской фамилией следует называть фамилию, образованную упомянутым словообразовательным способом от исконно русской основы» [Там же]. Но и такой подход к определению русских фамилий оказывается слишком узким. По мнению О.Н. Трубачева, при исследовании фамилий, бытующих на территории России, необходимо учитывать не только русские фамилии, но и фамилии генетически нерусские, но исторически привившиеся на русской почве. Таким образом, фамилии России (в дальнейшем, российские фамилии) – это как собственно русские фамилии, так и фамилии, устойчиво бытующие в России. И в предлагаемый словарь входят, таким образом, как русские фамилии, так и нерусские, но устойчиво функционирующие на территории России, в данном случае в Томске. В настоящее время исследователи называют такие фамилии российскими.

Антропоосновами анализируемых фамилий чаще всего являются прозвища (в основном личные имена, со временем перешедшие в прозвища; реже – имена, заимствованные из других славянских, тюркских и других языков), названия профессий, топонимы и календарные имена. Первые три группы последовательно включаются в словарь. Фамилии, образованные от календарных имен, традиционно включаются в словарь, но не все, а лишь те, в основе которых лежат разговорные формы календарных личных имен, например: Женин < Женя < Евгений.

У выделенной антропоосновы обязательно указывается, имелось ли такое др.-рус. личное собственное имя (это устанавливалось по словарю Н.М. Тупикова [12]), затем приводится апеллятив, от которого образовано личное собственное имя, и его значение, если это необходимо. Например: **Жабин** от др.-рус. личного собственного имени *Жаба* из нарицат. *жаба*¹ – 1) сходное с лягушкой бесхвостое земноводное с бородавчатой кожей [28]; в говорах злая баба, неотвязный докучливый человек (Пенз.) [29].

4. **Структура словарной статьи.** Словарные статьи содержат сведения об антропонимических основах томских фамилий. Во фрагменте словаря помещены фамилии на букву Ж, расположенные в алфавитном порядке. Заглавное слово представлено фамилией в И.п., ед.ч., м.р., напечатано полужирным шрифтом. Варианты помещаются вслед за заглавным словом в одной словарной статье, как это делает И.М. Ганжина [21]. В большинстве случаев это лексико-фонетические варианты, различающиеся качеством или количеством корневых фонем, например: **Жалнин, Желнин; Желудев, Жолудев.** Также в одной словарной статье помещаются однокорневые фамилии на -ов и -овых (-ев и -евых), -ин и -иных, -ый и -ой, -ский и -ской в качестве общего заглавия, например: **Железнов, Железный; Жихарев, Жихарский.** Если однокоренные фамилии образованы от разных основ с разными значениями, то они даны отдельными статьями, так, например, к разным словарным статьям относятся фамилии **Жариков, Жарков, Жарихин**, поскольку фамилия **Жариков** образована от прозвища *Жарик* – уменьшит.-ласкат. к прозвищу *Жар* – горячий или тлеющий уголь [21]; **Жарков** от др.-рус. личного собственного имени *Жаркой* из прилагат. *жаркой* – красно-оранжевый, огненный (Перм., Смол., Волог.); цвет горящих углей; такое прозвище давали людям с огненно-рыжими волосами [21]; а **Жарихин** – от нарицат. *жариха* – жара, сильный зной, жариха [17]; возможно, человека так называли по времени его рождения. Близкие значения основы фамилии приводятся в одном лексико-семантическом варианте, но под разными литерами, например: **Жабин** – 5) от нарицат. *жаба*² – а) острая инфекционная болезнь, характеризующаяся воспалением зева и небных миндалин, ангина; б) болезнь сердца, стенокардия [29].

Одной из важных частей словарной статьи является интерпретация фамилий. Она начинается с установления прозвища или древнерусского имени, лежащего в основе фамилии и образованного от любого нарицательного существительного, известного в русском языке. Например, **Жаворонков** от др.-рус. личного имени *Жаворонок* из нарицательного *жаворонок* – «ближняя» этимология. Если выделенная основа неизвестна в современном русском языке, то для рассматриваемого именованного приводится «дальняя» этимология. Например: **Жадан** 1) от др.-рус. личного имени *Жадан* – желанный. Родители так могли назвать желанного ребенка [24]; 2) от глагола

жадать: а) жадничать; брать чужое (Влад., Смол., Ряз.) [30], б) жадно, много есть (Оренб., Челяб.) [31].

Этимология фамилий определяется по современным антропони-мическим словарям (И.М. Ганжиной [21], В.А. Никонова [22], Б.О. Унбегауна [23], Ю.А. Федосюка [24], А.В. Суперанской [32], по «Большому словарю прозвищ» Х. Вальтера, В.М. Мокиенко [33], а также по имеющимся историческим антропони-мическим словарям: «Словарю некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных про-званий Северо-Западной Руси XV–XVII вв.» И.А. Кюршуновой [19], Словарю пермских фамилий Е.Н. Поляковой [17], Словарю вологод-ских фамилий Ю.И. Чайкиной [16] и др. Если в указанных словарях анализируемой фамилии нет и антропооснова неизвестна современ-ному русскому литературному языку, в этом случае значение основы устанавливалось по диалектным и этимологическим словарям: пре-жде всего, по «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля [34], «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера [30], а также по «Словарю русских народных говоров» [31]. При установлении этимологии ряда фамилий возникали труд-ности: если антропооснова фамилий вовсе не отмечена в словарях, приходилось обращаться к однокоренным словам, имеющимся в словарях. В интерпретациях со словами «возможно», «вероятно», «по-видимому» отражается мнение составителей словаря; чаще все-го высказывается предположение об отношении значения выделен-ной основы к человеку, например: **Жалонкин** – от уменьшит. *жа-лонка* – из фр. нарицат. *жалон* – «веха» – один из шестов, втыкае-мых в землю, для указания прямой черты [34]; возможно, о высоком худощавом человеке. Если значение основы определить не удава-лось, ставилась помета «этимология не ясна». В скобках после эти-мологии фамилии указана территория распространения диалектного слова, от которого образован антропоним. В том случае, когда в раз-ных словарях давалась разная интерпретация основы, в словарных статьях приводились все гипотезы со ссылкой на словари. Напри-мер: **Жаравин, Жеравин** 1) от др.-рус. личного собственного имени *Жарав* из нарицат. *жарав* – то же, что журавль. Возникновение име-ни связано с культом птицы. Журавль в некоторых традициях вы-ступает как вестник плодородия, приносящий дождь [19]; 2) от при-лагат. *жаравый* – высокий, стройный человек (Волог., Сиб., Оренб.)

[31], Смол. [19]; 3) от нарицат. *жарав, жерава* – клюква (Олон., Костром., Пск.) [31].

Первыми приводятся лексико-семантические варианты антропонимов, образованных от др.-рус. личных имен или прозвищ, значения которых тесно (прозрачно) связаны с номинацией человека. Последующие значения основы, не имеющие видимой в настоящее время связи с названием человека, в словарной статье также даются, поскольку мотивировку многих современных именовании человека в настоящее время установить крайне сложно. Например: **Жало** 1) от др.-рус. личного собственного имени *Жало* из апеллятива *жало* [17]; по-видимому, имя острого на язык, ядовитого на слова человека; 2) от др.-рус. личного собственного имени *Жало* из нарицательного *жало* – суконец, скряга (Пск.) [31]; 3) от нарицат. *жало* – палка, колышек, прут; употребляется для плетения запруд, устройства ловушек для рыбы (Свердл., Урал.) [31]; 4) от глаг. *жалить* – жалеть кого-либо, беречь; не давать в обиду [34].

Ниже приведен фрагмент Словаря современных томских фамилий на букву Ж.

Жабин от др.-рус. личного собственного имени *Жаба* из нарицат. *жаба*¹ – 1) сходное с лягушкой бесхвостое земноводное с бородавчатой кожей [28]; в говорах злая баба, неотвязный докучливый человек (Пенз.) [34];

2) от нарицат. *жаба*¹ – рот (Олон.) [31];

3) от нарицат. *жаба*¹ – растение сем. мотыльковых; клевер пашенный [31];

4) от нарицат. *жаба*¹ – пренебреж. кое-что, ерунда, пустяки (Верхне-Кет., Том.) [31];

5) от нарицат. *жаба*² – а) острая инфекционная болезнь, характеризующаяся воспалением зева и небных миндалин; ангина [29]; б) болезнь сердца, сердечно-сосудистой системы; стенокардия [29];

6) от нарицат. *жаба*² – болезнь, которую напускают, наводят; порча (Арх.) [31];

Жабкин, Жапкин, Жабко от прозвища *Жабка* из нарицат. *жабка* – злой, сердитый, брюзгливый человек (Влад.) [31].

Жабров 1) от прозвища *Жаброй* – диалектного слова, образованного от глагола *жабрить (жабровать)* – жрать, пожирать. Про-

звище человека, любящего плотно, обильно поесть, слово *жабрун* в говорах – обжора [21];

2) от глаг. *жабровать* – жалеть [34].

Жаворонков, Жайворонок, Жаворонок от др.-рус. личного собственного имени *Жаворонок* (укр. *жайворонок* [30] из апеллятива *жаворонок*; 1) возможно, о хорошо поющем человеке;

2) о человеке, у которого период творческой активности падает на первую половину дня [29];

3) от др.-рус. личного собственного имени *Жаворонок* из апеллятива *жаворонок* – скворец (Пск.) [31]; по-видимому, о хорошо поющем человеке;

4) от др.-рус. личного собственного имени *Жаворонок* из апеллятива *жаворонок* – небольшая птичка – о мужчине небольшого роста (Пск.) [33];

5) от нарицат. *жаворонок* – день девятого марта, когда прилетают жаворонки (Сарат.) [31]; возможно, именование связано со временем рождения ребенка.

Жадан 1) от др.-рус. личного собственного имени *Жадан* – желанный. Родители так могли назвать желанного ребенка [24];

2) от глаг. *жадать* – а) жадничать; брать чужое (Влад., Смол., Ряз.) [31]; б) от глаг. *жадать* – жадно, много есть (Оренб., Челяб.) [31].

Жадобин 1) от нарицат. *жадоба* – а) милый, любимый; возлюбленный (Пск., Новгород.) [31]; б) удовольствие, радость (Олон.) [31];

2) от прозвища *Жадоба* – прожорливый, ненасытный человек (Курск., Тверск.) [31]; 3) от нарицат. *жадоба* – скупость, алчность, жадность (Новгор.) [31], по-видимому, о человеке жадном, скупом.

Жадовский от глаг. *жадовать* – скучать, тосковать (Урал.) [31].

Жак 1) от прозвища *Жак*¹ из нарицат. *жак* – а) младший сын церковного причта, ученик католической церкви [21]; б) служители и певчие в православной церкви [24];

2) от нарицат. *жак*¹ – ученик, студент (Смол.) [31];

3) нов. календ. имя из фр. *Жак*² – Яков [32];

4) в укр. яз. слово *жак* – бурсак, певчий [31].

Жалнин, Желнин, Желнов 1) от прозвища *Желна, Жолна* из нарицат. *желна* – большой черный дятел; в говорах – назойливый человек, надоедливо просящий чего-либо; бойкий человек [21];

2) от прозвища *Желна* – тот, кто беспрестанно ест [21];

3) от прозвища *Жална* – ядовитый на словах человек; скупой человек [34].

Жало 1) от др.-рус. личного собственного имени *Жало* из апеллятива *жало* [17]. По-видимому, имя острого на язык, ядовитого на словах человека;

2) от др.-рус. личного собственного имени *Жало* из нарицат. *жалло* – скупец, скряга (Пск.) [31];

3) от нарицат. *жало* – палка, колышек, прут; употребляется для плетения запруд, устройства ловушек для рыбы (Свердл., Урал.) [31];

4) от глаг. *жалить* – жалеть кого-либо, беречь; не давать в обиду [34].

Жалонкин от уменьшит. *жалонка* – из фр. нарицат. жалон – «веха» – один из шестов, втыкаемых в землю, для указания прямой черты [34]. Возможно, о высоком худощавом человеке. Возможно, от *жалена* – желанный, милый (Пск.) [34].

Жаравин, Жеравин 1) от др.-рус. личного собственного имени *Жарав* из нарицат. *жарав* – то же, что журавль. Возникновение имени связано с культом птицы. Журавль в некоторых традициях выступает как вестник плодородия, приносящий дождь. В смол. говорах прозвище *Журавль* могли дать худому, высокому человеку [19];

2) от прилагат. *жаравый* – высокий, стройный человек (Волог., Сиб., Оренб.) [31]; 3) от нарицат. *жарав, жерава* – клюква (Олон., Костром., Пск.) [31].

Жарик, Жариков от прозвища *Жарик* – уменьшит.-ласкат. от прозвища *Жар* из нарицат. *жар* – горящий или тлеющий уголь [34]. Очевидно, о человеке с золотистым, рыжим цветом волос.

Жарихин от нарицат. *жариха* – жара, сильный зной, жариха (Прионеж.) [31]. По-видимому, о человеке, родившемся в жару, в сильный зной.

Жарков, Жаркий, Жарких 1) от др.-рус. личного собственного имени *Жаркой* – от прилагат. *жаркой* – красно-оранжевый, огненный (Перм., Смол., Волог.) [31]; цвета горящих углей. Такое прозвище давали людям с огненно-рыжими волосами [21];

2) от прилагат. *жаркий* – производимый летом, в жаркое время (Астрах., Волж.) [31]. Возможно, о человеке, родившемся в жаркое время.

Жарников 1) от прозвища *Жарник* из нарицат. *жарник* – костер, который разжигают в поле во время осенней молотьбы, особенно по ночам (Северо-Вост.) [31]. Горячий, вспыльчивый человек [33];

2) от нарицат. *жарник* – глиняная посуда для жаренья мяса, рыбы, картошки (Арх., Том.) [31]. Возможно, о человеке, фигурой похожем на такую посуду; 3) от нарицат. *жарник* – углубление в передней части русской печи, куда сгребают угли и золу (Волог., Арх.) [31].

Жаров, Жарин, Жаровских 1) от прозвища *Жар* из нарицат. *жар* – огонь [24]; румянец на лице (Олон., Арх.) [31]; 2) от прозвища *Жар* из нарицат. *жар* – золотистый или рыжий цвет волос [21].

Жбанков, Жбанов, Жбановский от нарицат. *жбан*, *жбанок* – род кувшина с крышкой [1]. Возможно, о человеке с фигурой, напоминающей жбан.

Жданкин, Жданов, Жданович от др.-рус. личного собственного имени *Ждан* из нарицат. *ждан* – ожидаемый ребенок [23].

Жевжик 1) от прозвища *Жевжик* из нарицат. *жевжик* – а) маленький ребенок; ребенок малого роста (Курск., Южн., Зап.); б) проворный, подвижный человек небольшого роста (Смол.) [31].

Жеглов от нарицат. *жегала* – крапива (Тверск., Яросл.) [31]. Возможно, об остроумном человеке, ядовитом на язык.

Желан, Жилан, Жиланов от др.-рус. личного собственного имени *Желан* – желанный [32].

Желваков 1) от нарицат. *желвак* – черепаха, черепаший череп, щит, броня [34]; 2) от нарицат. *желвак* – шишка на теле, опухоль [34];

3) от нарицат. *желвак* – бранное слово в значении язва, злодей [31];

4) от нарицат. *желвак* – яйцо (Моск.) [34]. Возможно, о человеке, голова которого похожа на яйцо.

Железников, Железняк, Железняков 1) от др.-рус. личного собственного имени *Железник*, *Железняк* от нарицат. *железник*, *железняк* – а) тот, кто изготавливает изделия из железа и торгует ими [23]; б) кузнец (Урал.) [31];

2) от нарицат. *железняк* – рыба, разновидность сельди [24];

3) от нарицат. *железняк* – металлический лом [31]; возможно, ассоциация по сходству характера; негибачый;

4) от нарицат. *железняк* – растение сем. губоцветных (Рост.) [31].

Железнов, Железный от прозвища *Железный* из прилагат. *железный* – о скупом или жестоком человеке (Волог.) [31].

Железов от др.-рус. личного собственного имени *Железо* из нарицат. *железо* [17]. Возможно, ассоциация по сходству характера.

Желтиков 1) от нарицат. *желтик* – желтый песок, песчаная земля (Арх., Тверск., Новгород.) [31]. Возможно, о человеке со светлыми волосами;

2) от нарицат. *желтик* – гриб, масленок (Влад., Арх., Иртыш.) [16]. По-видимому, о человеке светловолосом, приземистом, как гриб-масленок;

3) от нарицат. *желтик* – женская одежда, род рубахи (Зап., Ряз.) [31]. Возможно, о человеке, носившем такую одежду.

Желтышев от нарицат. *желтыш* – желтое ядро в яйце [34]. Возможно, о светло-русом человеке.

Желтоногов, Желтоножка от др.-рус. личного собственного имени *Желтоногий* – композита: сложение основ *желт-* и *ног-*; дано по желтому цвету кожи ног [Т.В.О.].

Желтухин 1) от прозвища *Желтуха* из нарицат. *желтуха* – а) гепатит; прозвище Желтуха мог получить ребенок, болеющий желтухой, либо тот, кого родители хотели уберечь от желтухи [24]; б) туберкулез легких; чахотка (Новгор.) [31];

2) от прозвища *Желтуха* из нарицат. *желтуха* – женщина с желтым лицом (Калуж.) [31];

3) от нарицат. *желтуха* – растение сем. крестоцветных (Новг.) [31].

Желудев, Жолудев 1) от др.-рус. личного собственного имени *Желудь* из нарицат. *желудь* – плод дуба [28]. Возможно, имя дано крепкому, как желудь, человеку.

2) плод картофеля (Ср. Урал) [31].

Жемчугов от прозвища *Жемчуг* из нарицат. *жемчуг*. О человеке, возможно торговавшем жемчугом, или о ювелирном мастере по жемчугу [21].

Женевский от топонима *Женева* – город на юго-западном берегу Женевского озера в Швейцарии [35].

Женин 1) от христ. имени *Женя* < *Евгений* – др.-церк. имя из греч. [21];

2) от притяжат. прилагат. к нарицат. *жена* – замужняя женщина (по отношению к своему мужу) [28].

Женихов от прозвища *Жених* из нарицат. жених.

Жердев, Жердин, Жердецких от нарицат. *жердь* – длинный тонкий ствол срубленного дерева, очищенный от веток [28]. Вероятно, так могли назвать высокого худощавого человека.

Жеребцов, Жеребятьев 1) от др.-рус. личного собственного имени *Жеребец* из нарицат. *жереребец* (*жереребятя*). Нехрист. имя *Жеребец* могло быть дано рослому, сильному мужчине [19];

2) от нарицат. *жереребец* – птица, балабан, вид сокола (Сиб.) [31]. Возможно, имя дано человеку в связи с культом птиц у русских в древности;

3) от нарицат. *жереребец* – растение сем. мотыльковых; клевер средний (Курск.) [31].

Жерлицын 1) от уменьшит.-ласкат. *Жерлица* из др.-рус. личного собственного имени *Жерло* от нарицат. *жерло* – рот (Урал.) [31]; возможно, о человеке с большим ртом;

2) от нарицат. *жерлица* – рыболовная снасть [28];

3) от нарицат. *жерло* – ключ, родник (Южн., Зап.) [31].

Жернаков возможно, от нарицат. *жерноков* – наковывающий жернова дужистыми полосками [34].

Жерноклеев композита: сложение основ *жерн* – (ручной жернов) и *клей*, то же, что Жернаков [Т.В.О., Л.А.З.]

Животов, Животягин 1) а) от нарицат. *живот* – часть тела у человека и животных, в которой расположены органы пищеварения [28]; б) простор. *животяга* – большой живот; возможно, о человеке с большим животом; б) от нарицат. *живот* из ст.-сл. – жизнь [28];

2) от нарицат. *живот* – имущество, пожитки (Зауралье, Том., Перм.) [31];

3) от нарицат. *живот* – то же, что *живок* – маленькая живая рыбка, насаживаемая на крючок для ловли крупной рыбы (Том.) [31];

Жигалев, Жигалин, Жигалкович, Жигалов 1) от др.-рус. личного собственного имени *Жигал* из нарицат. *жигал* – рабочий, добывающий деготь путем сухой перегонки дерева (Вят.) [31];

2) от др.-рус. *жигало* – сорт крапивы [36]. Возможно, о человеке, остром на язык.

Жиганов 1) от прозвища *Жиган* из нарицат. *жиган* – а) человек, выпачкавшийся в угле, пыли, грязи (Вят., Ср. Урал) [31]; б) смуглый, с темным цветом кожи человек (Курск., Урал.) [31]; в) кочегар при печах на смоляных заводах (Вят.) [31];

2) от прозвища *Жиган* из нарицат. *жиган* – сухой, тощий человек (Перм., Урал.) [31];

3) от прозвища *Жиган* из нарицат. *жиган* – пройдоха, мошенник, плут, вор (Вят., Том., Вост.-Сиб.) [31];

4) от нарицат. *жиган* – бранное слово. Презрительный эпитет, даваемый главным образом бродягам (Том.) [31];

5) от глаг. *жигануть* – причинить вред, неприятность [19].

Жигулев, Жигулин, Жигулов, Жигульский от нарицат. *жигуль* – шалун, повеса, баловень (Арх.) [31].

Жидов, Жиденов, Жидецкий 1) от др.-рус. собственного личного имени *Жид* из нарицат. *жид* – презрительное название еврея (устар. и простор.) [29];

2) от нарицат. *жид* – воробей (Новгор., Курск.) [34]; возможно, о маленьком, подвижном человеке.

Жилан, Жиланов, Жиленко, Жилин, Жилинский, Жилкин 1) от др.-рус. собственного личного имени *Жила* из нарицат. *жила* – а) в севернорусских говорах скупой, жадный человек [16]; б) от нарицат. *жила*, жилка – скупой, прижимистый человек; скряга [23];

2) от нарицат. *жила* – жилое место (Сиб.) [31];

3) от нарицат. *жила* – кровеносный сосуд, а также сухожилие [28].

Жильцов, Жильченко 1) от нарицат. *жилец* – уездный дворянин, живший при царском дворе, временно, на царской службе [21];

2) от нарицат. *жилец* – работник, батрак, не приходящий, а живущий в доме хозяина [21];

3) от нарицат. *жилец* – скупой, прижимистый человек, охотник присваивать чужое (Пск.) [31];

4) от нарицат. *жилец* – нахлебник (Самар.) [31];

5) от нарицат. *жилец* – мальчик для прислуги, иногда работник (Перм.) [31];

6) от нарицат. *жилец* – мелкая рыба, насаживаемая на удочку при ловле крупной рыбы, живец (Влад.) [31];

7) от нарицат. *жилец* – небольшой рачок (Черном.) [34].

Жиляков от нарицат. *жиляка* – зловердный, язвительный человек (Тверск., Пск.) [31].

Жир, Жиров, Жиров, Жиряков 1) от прозвища *Жир, Жиряк* из нарицат. *жир* – о полном или богатом человеке [21];

2) от нарицат. *жир* – хорошая привольная жизнь [34];

3) от нарицат. *жир* – спесь, самонадеянность, привередливость от перенасыщения [34].

Жирков от др.-рус. личного собственного имени *Жирок* из нарицат. *жирок* – уменьшит.-ласкат. к *жир* [36]. Возможно, о полном или богатом человеке.

Жиронкин – этимология не ясна.

Житомирский от топонима *Житомир* – старейший город Киевской Руси. В настоящее время город находится на севере Украины [35]. Возможно, предки носителя фамилии были выходцами из этого города.

Жихарев, Жихарский от др.-рус. личного собственного имени *Жихарь* из нарицат. *жихарь* – 1) житель, обыватель; владелец, глава (обычно крестьянского) хозяйства, домохозяин (Пск., Новгор., Пестерб.) [31];

2) скупой человек (Перм.) [31];

3) насмешник, обидчик [34];

4) а) смелый, лихой парень (Ряз., Арх.) [27]; б) плясун (Арх.) [31];

5) от др.-рус. личного собственного имени *Жихарь* из нарицат. *жихарь* – злой дух, обитающий в жилище человека, домовый (Олон., Арх.) [31];

6) от др.-рус. личного собственного имени *Жихарь* из нарицат. *жихарь* – ребенок, рожденный вне брака (Новгор.) [31];

7) от др.-рус. личного собственного имени *Жихарь* из нарицат. *жихарь* – долгожитель [19];

8) от др.-рус. личного собственного имени *Жихарь* из нарицат. *жихарь* – (фольклорн.) птица (Перм.) [31];

9) от др.-рус. личного собственного имени *Жихарь* из нарицат. *жихарь* – только что народившееся, слабое, маленькое существо [19].

Жлобов 1) от прозвища *Жлоб* из нарицат. *жлоб* – (разг.-сниж.) о физически сильном, но грубом, невоспитанном мужчине [19];

2) от прозвища *Жлоб*, *Жлоба* из нарицат. *жлоб* – скупой человек (Новорос.) [31].

Жлудко 1) от прозвища *Жлуда* из нарицат. *жлуда* – жадный человек (Пенз.) [31]; 2) от нарицат. *жлуда* – слюда (Колым.) [31].

Жмур, Жмуровский 1) от прозвища *Жмур* из нарицат. *жмур* – скупой человек, скряга (Тверск., Калинин., Новгород.) [31];

2) от нарицат. *жмур* – умерший человек, покойник (Краснояр.) [31].

Жмыхов 1) от прозвища *Жмых* из нарицат. *жмых* – скупой человек, скряга (Твер., Калинин., Новгород.) [31];

2) от нарицат. *жмых* – приманка, наживка (Курск.) [31].

Жокин 1) от прозвища *Жок* из нарицат. *жок* – необразованный, грубый человек; мужлан (Тверск.) [31];

2) от прозвища *Жок* из нарицат. *жок* – жулик, плут, воришка, карманник [34];

3) от прозвища *Жок* из нарицат. *жок* – молдавский танец (южн. Даль) [30].

Жоховский 1) от др.-рус. личного собственного имени *Жох*, *Жех* из нарицат. *жох*, *жех* – грубый человек, плут [24];

2) от др.-рус. личного собственного имени *Жох*, *Жех* из нарицат. *жох*, *жех* – бестолковый или неумный человек (Влад.) [31].

Жуков, Жуковец, Жуковский 1) от др.-рус. личного собственного имени *Жук*, а также производных от него *Жуковец*, *Жучка* из нарицат. *жук* – а) насекомое с жесткими крыльями [19]; б) скворец – о смуглом, черноволосом человеке (Вят., Волог., Смол.) [31];

2) от др.-рус. личного собственного имени *Жук*, а также производных от него *Жуковец*, *Жучка* из нарицат. *жук* – о лстеце (Смол.) [16].

Жуликов, Жулькин 1) от прозвища *Жулик*, *Жулько* из глаг. *жулить* – плутовать, обманывать [31];

2) от прозвища *Жулик* из нарицат. *жулик* – вор, занимающийся мелкими кражами [19];

3) от нарицат. *жулик* – чернорабочий (Влад.) [34];

4) от нарицат. *жулик* – маленький острый нож [30];

5) от нарицат. *жулик* – маленькие, продолговатые пеклеванные хлебцы (Смол.) [31]; 6) от нарицат. жулик – птичка из породы куликов (Поморье) [31].

Журавель, Журавков, Журавлев, Журавов, Журавской от др.-рус. личного собственного имени *Журавель* из нарицат. *журавель, журав* – птица журавль (Яросл., Влад., Тул., Орл., Курск., Перм.) [31]. Возможно, о человеке с длинными ногами.

Жураков, Жураковский от нарицат. *журак* – птица журавль (Смол.) [16]. Возможно, о длинноногом человеке.

Фамилии – наиболее поздний и наиболее важный компонент официального именования русских людей. Основное назначение фамилии – быть официальным именем определенной семьи. В данной статье рассмотрено и представлено более 60 томских фамилий. У многих из них выявлена этимология. Наиболее частотными являются антропоосновы фамилий, значения которых соответствуют физическим, биологическим и психологическим проявлениям человека, явлениям природы, материальному миру, социальному положению и профессии. Данные группы ярко иллюстрируют особенности именования русских людей. Имена закрепляют характерные черты, физические недостатки человека, делают эти отличительные черты своеобразными «метками». Основы фамилий часто указывают на ассоциативный способ наименования, в основном с метафорическим переносом значения. Имена отражают морально-нравственные устои, принятые в обществе. Чаще всего фиксировались негативные черты характера человека (скупость, грубость, назойливость). Положительные качества, в том числе пожелания таких качеств, в русском менталитете считались нормой и не всегда отражались в языке. Любой вид человеческой деятельности, связь человека с окружающей средой, духовная и материальная сторона жизни, взаимоотношения людей в разные эпохи – все это нашло отражение в фамилиях. Материалы создаваемого словаря могут служить источником историко-культурного исследования жизни народа и быть использованы при создании единого словаря российских фамилий.

Условные сокращения

Арх. – Архангельская губерния (область)
Астрах. – Астраханская губерния (область)
Верхне-Кет. – Верхне-Кетский р-н Томской обл.
Влад. – Владимирская губерния (область)
Волж. – Волжское (по р. Волге)
Волог. – Вологодская губерния (область)

Сарат. – Саратовская губерния (область)
Свердл. – Свердловская область
Северо-Вост. – северо-восточное
сем. – семейства
Сиб. – сибирское
Смол. – Смоленская губерния (область)
Ср. Урал – Среднеуральское (по среднему течению р. Урала)

Вост.-Сиб. – Восточно-Сибирское	Перм. – Пермская губерния (область)
Вят. – Вятская губерния	Петерб. – петербургское
глагол. – глагол	пренебреж. – пренебрежительное
греч. – греческий язык	прилагат. – прилагательное
др. – другие	Прионеж. – Прионежье
др.-рус. – древнерусское	притяжат. – притяжательное
др.-церк. – древне-церковное	простор. – просторечное
Зап. – Западное	Пск. – Псковская губерния (область)
Иртыш. – Иртышское	разг.-сниж. – разговорно-сниженное
Калин. – Калининская область	р-н – район
Калуж. – Калужская область	Рост. – Ростовская область
Кемер. – Кемеровская область	Ряз. – Рязанская губерния (область)
Костром. – Костромская губерния (область)	Самар. – Самарская губерния (область)
Колым. – Колымское	ст.-сл. – старославянское
Краснояр. – Красноярский край	Тверск. – Тверская область
Курск. – Курская губерния (область)	Т.В.О. – Т.В. Огаркова
Л.А.З. – Л.А. Захарова	т.н. – так называемый
Моск. – Московская губерния (область)	Том. – Томская губерния (область)
нарицат. – нарицательное	Тул. – Тульская губерния (область)
некот. – некоторые	укр. – украинское, украинский
нехрист. – нехристианское	уменьшит.-ласкат. – уменьшительно-ласкательное
Новгор. – Новгородская губерния (область)	Урал. – Уральское
Новорос. – Новороссийский край	устар. – устаревшее
обл. – область	фольклорн. – фольклорное
Олон. – Олонецкая губерния	фр. – французское
Оренб. – Оренбургская губерния (область)	Челяб. – Челябинская область
Орл. – Орловская губерния (область)	Черном. – Черноморское
Пенз. – Пензенская губерния (область)	Южн. – южное
	яз. – язык
	Яросл. – Ярославская губерния (область)

Литература

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М. : Наука, 1988. – 187 с.
2. Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные русские фамилии – М. : Наука, 1981. – 176 с.
3. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М. : Наука, 1973. – 243 с.
4. Шрамек Р. Теоретические и методологические принципы составления славянских ономастических словарей // Перспективы развития славянской ономастики. – М., 1980. – С. 68–75.
5. Сталтмане В.Э. Ономастическая лексикография. – М. : Наука, 1989. – 116 с.
6. Захарова Л.А. Очерки по антропонимике Зап. Сибири XVII – начала XVIII вв. – Германия : Lap Lambert Academic Publishing, 2012. – 140 с.
7. Палагина В.В. Неканонические антропонимы томского населения // Вопр. ономастики. – Свердловск, 1974. – № 8–9. – С. 63–71.

8. Захарова Л.А. Проект «Словаря антропонимов первых жителей Томской земли XVII в.» // Проблемы русистики: материалы Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы русистики», посвящ. 70-летию проф. О.И. Блиновой. – Томск, 2001. – С. 40–42.
9. Конюк А.В. Историко-культурный аспект изучения фамильных прозваний лексического поля «Материальная культура» // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. – Ч. 2. – Екатеринбург, 2012. – С. 55–57.
10. Захарова Л.А., Конюк А.В. Проект «Словаря фамилий жителей Томского региона XVII – начала XVIII в. (на материале сибирского делового письма)» // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 5 (25). – С. 37–47.
11. Слепынина М.Н. Семантика томских фамилий, образованных от нехристианских имен: сравнительно-сопоставительный аспект (на материале телефонного справочника за 2007 г.) // Имя, социум, культура: материалы Междунар. 2-й Байкальской ономастической конф., 4–6 сентября 2008 г. – Улан-Удэ, 2008. – С. 41–42.
12. Туников Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – М. : Русский путь, 2004. – 891 с.
13. Морошкин М. Славянский именослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. – СПб., 1867. – 321 с.
14. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М. : Наука, 1974. – 382 с.
15. Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. – Екатеринбург, 2001. – 516 с.
16. Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: словарь. – Вологда : Русь, 1995. – 121 с.
17. Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь : Кн. мир, 2005. – 462 с.
18. Королева И.А. Словарь фамилий Смоленского края. – Смоленск, 2006. – 367 с.
19. Кюришнова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. – 672 с.
20. Парфенова Н.Н. Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII веков: (по арх. источникам Зауралья). – Сургут: Сургут. Гос. пед. ин-т, 2000. – 286 с.
21. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. – М. : АСТ : Астрель, 2001. – 191 с.
22. Никонов В.А. Словарь русских фамилий / сост. Е.Л. Крушельницкий. – М. : Школа-Пресс, 1993. – 224 с.
23. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – М. : Наука, 1989. – 441 с.
24. Федосюк Ю.А. Русские фамилии : Популярный этимологический словарь. – М.: Русские словари, 1972. – 223 с.
25. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русских фамилий. – М. : Эксмо-Пресс, 2000. – 591 с.
26. Томск. История города от основания до наших дней / под ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 431 с.

27. *Трубачев О.Н.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России (Русские фамилии и фамилии, бытующие в России) // Тр. по этимологии. – М., 2004. – Т. 2. – С. 103–153.
28. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. – М. : Оникс, 2011. – 736 с.
29. *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2008. – 1536 с.
30. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – М. : АСТ Астрель, 2004. – Т. 2. – 671 с.
31. *Словарь русских народных говоров*: в 39 т. / под ред. Ф.П. Филина и др. – М.; Л. : Наука. 1972. – Вып. 9: Е–З. – 362 с.
32. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. – М. : Эксмо, 2005. – 544 с.
33. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Большой словарь русских прозвищ. – М., 2007. – 704 с.
34. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Прогресс: Универс, 1994. – Т. 1 : А–З. – 912 с.
35. *Знаменитые столицы и города мира.* Ростов н/Д : Феникс, 2000. – 512 с.
36. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* : в 28 т. – Вып. 5. – М. : Наука, 1978. – 392 с.

THE PRINCIPLES OF THE DICTIONARY OF MODERN TOMSK SURNAMES (BASED ON TOMSK TELEPHONE DIRECTORY, 2007)

Tomsk State University Journal of Lexicography, 2014, 1 (5), pp. 32–54.

Zakharova Lyudmila A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), *Ogarkova Tatiana V.*, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: vikzah@yandex.ru / energua2009@mail.ru

Keywords: anthroponyms, surname, anthropological stem, interpretation, "close" and "distant" etymologies, dictionary of surnames.

The article is devoted to the problem of anthroponyms lexicalizing. It dwells on the organization of a modern regional dictionary of surnames taken from 2007 Tomsk yellow pages. The article consists of two parts. In the first part one will read about the timeline of such dictionaries, about the history of the term "surname" and about what the Russian surname is. The novelty of the article lies in the research object and subject: the anthroponyms (surnames) in question have never been studied in their modern state in the context of etymology; they have been studied within the historical context to a greater extent.

The study object is modern Russian surnames. The study subject is the etymology of Tomsk surnames anthropological stems. The main aim of the article is to work out the principles of compiling such a dictionary. In the work different research methods have been applied, both traditional (scientific and descriptive, etymological, lexicographic) and specific ones (finding surnames stems and their etymologizing). Onomastic etymologizing is closely connected with the derivational and structural analyses. The principles of the dictionary entry are described in the article: the surnames are given alphabetically with the headword in the singular masculine common case form. The variants follow the headword in the same entry as it is done in most anthroponymical dictionaries. In most cases these forms are lexical and phonetic variants as well as single-rooted surnames with different

suffixes: *-ов (ov)*, *-овых (ovykh)*, *-ев (yev)*, *-евых (yevykh)*, *-ин (in)*, *-иных (inykh)*, *-ый (yi)*, *-ой (oy)*, *-ский (skiy)*, *-ской (skoy)* and so on, for instance, *Жабрак (Zhabrak)*, *Жебрак (Zhebrak)*; *Желтов (Zheltov)*, *Жёлтый (Zheolty)*; *Жидовин (Zhidovin)*, *Жидовинов (Zhidovinov)*, *Жидовцев (Zhidovtsev)*; *Жихарев (Zhikharev)*, *Жихарский (Zhikharsky)*.

Another important part of a dictionary entry is surnames interpretation. In this respect "close" etymology is used if the anthropological stem exists in the modern standard Russian language. "Distant" etymology is used in cases when the anthropological stem is not known in the modern standard Russian language. The example of "close" etymology is as follows: the surname *Жаворонков (Zhavoronkov)* derived from the old Russian first name *Жаворонок (Zhavoronok)* which in its turn originated from the common name *жаворонок (zhavoronok)*, a lark. Here is an example of "distant" etymology: the surname *Жадан (Zhadan)* derived from the old Russian first name *Жадан (Zhadan)* which may be translated as "desired, long wished for", or it may as well have been formed from the dialect verb *жадать (zhadat')* which had two meanings: 1) to be greedy; 2) to eat hungrily, above measure.

The article contains an extract from *The Dictionary of Modern Tomsk Surnames* which represents more than 170 surnames beginning with letter "Ж" ("Zh").

In the final part of the entry the semantic typology of surnames is given. The most frequent are those anthropological stems whose meanings correspond with people's physical, biological and psychological qualities, with social statuses and occupations, with natural phenomena and the material world. Surname stems point at the Russian people's mentality peculiarities, they are socially accepted, reflect morals and may serve as a source of historical and cultural information.

References

1. Podol'skaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [The Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 187 p.
2. Superanskaya A.V., Suslova A.V. *Sovremennye russkie familii* [Modern Russian surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 176 p.
3. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of the proper name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 243 p.
4. Shramek R. *Teoreticheskie i metodologicheskie printsipy sostavleniya slavyanskikh onomasticheskikh slovarey* [Theoretical and methodological principles of compiling Slavic onomastic dictionaries]. In: *Perspektivy razvitiya slavyanskoy onomastiki* [Prospects for the development of Slavic onomastics]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 68-75.
5. Stal'tmane V.E. *Onomasticheskaya leksikografiya* [Onomastic lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 116 p.
6. Zakharova L.A. *Ocherki po antroponimike Zap. Sibiri XVII – nachala XVIII vv.* [Essays on the anthroponimics of Western Siberia of the 17th – early 18th c.]. Germany, Lap Lambert Academic Publishing, 2012. 140 p.
7. Palagina V.V. *Nekanonicheskie antroponymy tomskogo naseleniya* [Noncanonical anthroponyms of Tomsk residents]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 1974, no. 8-9, pp. 63-71.
8. Zakharova L.A. [The project of "The Dictionary of Anthroponyms of the First Inhabitants of Tomsk Land of the 17th Century"]. *Problemy rusistiki: Materialy Vseros. nauch. konf. "Aktual'nye problemy rusistiki"* [Problems of Russian Studies: Proceedings of

the All-Russian scientific conference "Topical problems of Russian Studies"], Tomsk, 2001, p. 40-42. (In Russian)

9. Konyuk A.V. [Historical and cultural aspect of the study of family names of the lexical field "material culture"]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya. Materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Proceedings of the II International scientific conference]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo universiteta Publ., pt. 2, p. 55-57. (In Russian)

10. Zakharova L.A., Konyuk A.V. [The project of "The Dictionary of Tomsk Region Surnames of 17th – early 18th Centuries (based on Siberian business letters)"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, no. 5 (25), 2013, pp. 37-47. (In Russian)

11. Slepynina M.N. [Semantics of Tomsk surnames formed from non-Christian names: the comparative aspect (based on the 2007 telephone directory)]. *Imya, sotsium, kul'tura. Materialy Mezhdunar. II Baykal'skoy onomasticheskoy konf.* [Name, society, culture. Proceedings of the International II Baikal onomastic conference]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta Publ., 2008, pp. 41-42. (In Russian)

12. Tupikov N.M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [The Dictionary of Old Russian Proper Names]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2004. 891 p.

13. Moroshkin M.Ya. *Slavyanskiy imenoslov ili sobranie slavyanskikh lichnykh imen v alfavitnom poryadke* [The Slavic Onomasticon, or the Collection of Names in the Alphabetical Order]. Saint Petersburg, Tipografiya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii Publ., 1867. 321 p.

14. Veselovskiy S.B. *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii* [Onomasticon. Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 382 p.

15. Mosin A.G. *Ural'skiy istoricheskiy onomastikon* [The Ural Historical Onomasticon]. Ekaterinburg, 2001. 516 p.

16. Chaykina Yu.I. *Vologodskie familii: Etimologicheskii slovar'* [Vologda Surnames: An Etymological Dictionary]. Vologda, VGPI Rus' Publ., 1995. 122 p.

17. Polyakova E.N. *Slovar' permskikh familii* [The Dictionary of Perm Surnames]. Perm', Knizhnyy mir Publ., 2005. 462 p.

18. Koroleva I.A. *Slovar' familii Smolenskogo kraya* [The Dictionary of Surnames of the Smolensk Region]. Smolensk, 2006. 367 p.

19. Kyurshunova I.A. *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvizhch i famil'nykh prozvanii Severo-Zapadnoy Rusi XV–XVII vv.* [The Dictionary of Non-Calendar Personal Names, Nicknames and Family Names in Northwest Rus' of the 15th-17th centuries]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2010. 672 p.

20. Parfenova N.N. *Slovar' russkikh familii kontsa XVI–XVIII vekov: (po arkh. istochnikam Zaural'ya)* [The Dictionary of Russian Surnames of the late 16th-18th centuries (by Trans-Urals archival sources)]. Surgut, SurGPI Publ., 2000. 286 p.

21. Ganzhina I.M. *Slovar' sovremennykh russkikh familii* [The Dictionary of Contemporary Russian Surnames]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2001. 191 p.

22. Nikonov V.A. *Slovar' russkikh familii* [The Dictionary of Russian Surnames]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1993. 224 p.

23. Unbegaun B.O. *Russkie familii* [Russian Surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 441 p.

24. Fedosyuk Yu.A. *Russkie familii. Populyarnyy etimologicheskii slovar'* [Russian Surnames. A Popular Etymological Dictionary]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1972. 223 p.
25. Grushko E.A., Medvedev Yu.M. *Entsiklopediya russkikh familiy* [The Encyclopedia of Russian Surnames]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2000. 591 p.
26. Dmitrienko N.M. (ed.) *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney* [Tomsk. The history of the city from its foundation up to the present day]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1999. 431 p.
27. Trubachev O.N. [From the material for an etymological dictionary of surnames of Russia (Russian surnames and surnames prevalent in Russia)]. *Trudy po etimologii* [Proceedings on etymology], Moscow, Nauka Publ., 2004, vol. 2, pp. 103-153.
28. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Oniks Publ., 2011. 736 p.
29. Kuznetsov S.A. (ed.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2008. 1536 p.
30. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Moscow, AST Astrel' Publ., 2004. Vol. 2, 671 p.
31. Filin F.P. et al. (eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov: v 39 t.* [The Dictionary of Russian Vernaculars. In 39 vols.]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965–2005. Vol. 9 (E–3), 1972, 362 p.
32. Superanskaya A.V. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [The Dictionary of Russian Names]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 544 p.
33. Val'ter Kh., Mokienko V.M. *Bol'shoy slovar' russkikh prozvizhch* [The Large Dictionary of Russian Nicknames]. Moscow, 2007. 704 p.
34. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Russian Language]. Moscow, Progress-Univers Publ., 1994. Vol. 1 (A–3), 912 p.
35. *Znamenitye stolitsy i goroda mira* [Famous and capital cities of the world]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 2000. 512 p.
36. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.: v 28 t.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th-17th Centuries. In 28 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1978. Vol. 5, 392 p.

И.В. Ружицкий

АТОПОНЫ ДОСТОЕВСКОГО: К ПРОЕКТУ СЛОВАРЯ¹

В статье рассматривается возможность создания словаря трудных для восприятия и понимания современным читателем единиц (атопонов), встречающихся в текстах Ф.М. Достоевского. В соответствии с трехуровневым строением языковой личности эти единицы подразделяются на атопоны-агнони́мы, атопоны-когне́мы и атопоны-прагме́мы. Основное внимание уделяется атопо́нам-агнони́мам, в том числе индивидуальным авторским образованиям, гапаксам, которые в текстах писателя чаще всего выполняют игровую функцию. Предлагается классификация агнони́мов и гапаксов.

Ключевые слова: Достоевский, словарь языка Достоевского, атопон, агноним, гапакс, когнема, прагмема.

В статье речь пойдет о тех лексических единицах, встречающихся в текстах Достоевского, которые являются непонятными или малопонятными для современного среднеобразованного читателя (конечно, категория «среднеобразованный читатель» весьма относительна). Материалом для отбора такого рода лексических единиц послужили комментарии к различным изданиям Достоевского, а также результаты проведенного пилотажного опроса, направленного на их выявление и верификацию адекватного понимания и восприятия. Задачей, таким образом, является обнаружение тех лексико-тематических областей в текстах Достоевского, которые могут привести к коммуникативному сбою, и их лексикографическое представление.

Один из основоположников современной герменевтики Г.-Г. Гадамер полагал, что все случаи понимания или непонимания связаны с языком, при этом он говорил о существовании определенных помех в понимании, и, если есть такие помехи, то понимание уже дано как предпосылка. Для таких помех в понимании Гадамер предлагает специальный термин: «У греков было прекрасное слово для обозначения ситуации, когда в понимании мы наталкиваемся на препятствие, они называли ее *атороп* (буквально – лишенный места), то есть то, что не укладывается в схемы наших ожиданий и потому озадачи-

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проекты № 12-04-12039в и НШ-3661.2012.6).

вает» [1. С. 45]. Этот термин – атопон – мы будем использовать для обозначения любого рода единиц непонимания, классифицируя их в соответствии с уровнями языковой личности, т. е. выделяя атопоны лексико-грамматического, когнитивного и прагматического уровней. Данные уровни языковой личности тесно взаимосвязаны, поэтому и тип атопонов часто сложно или вообще невозможно соотнести с каким-то определенным уровнем, что, в конце концов, зависит от функции этой непонятной или малопонятной единицы в тексте, от того, что приобретает большую для этого текста значимость – ее семантика, обыденное значение, знание о мире или заключенные в ней эмоции и оценка.

Атопоны первого уровня будем называть агнонимами (агноним – лексическая единица, которая неизвестна, непонятна или малопонятна одному или многим его носителям) (см. [2]), второго – культурными лакунами, или атопонами-когнемами, третьего – атопонами-прагмемами (непонятные мотивы, интенции, сдвиги в эмоционально-оценочном восприятии, неразличение стилистической маркированности лексической единицы и т. п.).

Атопонами, таким образом, могут являться слова, которые использовал только Достоевский (новообразования, транслитерации и др.), лексические единицы, которые не употребляются в современном русском литературном языке, слова, которые могут быть поняты современным читателем в другом значении, т. е. в значении слова произошел своеобразный сдвиг и др.

Если оперировать традиционными стилистическими терминами, то в зону непонимания или неполного понимания попадают такие группы лексических единиц, как жаргонизмы, арготизмы (слова и выражения разговорной речи, заимствованные из различных социальных и профессиональных диалектов), коллоквианизмы (слова или выражения, употребляющиеся только в разговорной речи), просторечные слова, устаревшие или устаревающие слова или значения слов, областные слова и выражения (экзотизмы, локализмы, диалектизмы), историзмы (слова и выражения, обозначающие реалии прошлого), архаизмы, семантические архаизмы, авторские неологизмы (гапаксы), терминологическая лексика, варваризмы (слова, заимствованные из других языков). Кратко прокомментируем некоторые из указанных групп лексических единиц.

Особое место не только у Достоевского, но и практически у всех писателей XIX в. занимают варваризмы. Подробнее о группах варваризмов речь пойдет ниже, сейчас сделаем лишь следующие замечания: (1) использование лексических средств нерусского языка в русском художественном тексте и в публицистике XIX в. является аксиологически значимым; (2) варваризмы в речи часто используются как прием выражения иронического или саркастического отношения к автору речи (классический пример – С.Т. Верховенский в «Бесах»), т. е., по сути, становятся не столько агнонимами, сколько атопонимами-прагмемами; (3) варваризмы часто служат способом создания языковой игры, в частности при карнавализации графических приемов – передаче русских слов во французской транскрипции (*un ouchitel, la baboulinka*), а французских – в русской (*эпузы*); возможны также русские вкрапления в устойчивые заимствованные речения и реплики диалога (*de мыслибус non est disputandum, Се Тушар*); (4) варваризмы у Достоевского могут быть «защищены» контекстом, т. е. контекст частично эксплицирует их значение: «Иван Ильич нагнулся и, посмотрев с любопытством, увидел, что тут стоят еще два блюда с каким-то заливным, да еще две формы, очевидно, с **бламманже** («Скверный анекдот»). <...> Был галантир, был язык под картофелем, были котлетки с зеленым горошком, был, наконец, гусь, и под конец всего **бламманже**» («Скверный анекдот»). Или контекст не поддерживает употребление этих единиц, и тогда их непонимание приведет к непониманию всего текста, нарушив его связность: «Я **вивер**, Аркаша, я рожден быть **вивером!** – кричал Вася, хохоча, заливаясь неслышным, мелким, нервическим смехом и обегая прохожих, которых всех разом подозревал в непрременном покушении измять его драгоценнейший чепчик!» («Скверный анекдот»).

Областные слова и выражения у Достоевского практически всегда используются для того, чтобы смоделировать языковую личность персонажа. Наиболее показательные примеры этого – арестанты в «Записках из Мертвого дома», Федька-каторжник в «Бесах», Мурин в «Хозяйке» и др. В случае употребления областных слов и выражений мы также можем говорить о защищенных и незащищенных контекстах.

Основную функцию обозначенных выше лексических единиц хорошо подчеркнул Ю.С. Сорокин: «Развитие реализма в литературе вело к постановке и разрешению <...> задач <...> отражения жизни

различных социальных слоев. Отсюда – вторжение в язык художественной литературы диалектных элементов, многие из которых, концентрируясь преимущественно при воспроизведении прямой или при создании различных форм несобственно-прямой речи, относились к речевому узусу лиц, не владеющих литературной нормой <...> речь идет не только о метеоритах из живой диалектной среды, но и об архаичных, пережиточных элементах, играющих в стилистике художественной литературы сходную роль <...>. Имеются в виду и прямые иноязычные вкрапления <...>» [З. С. 129–130]. Одновременно отклонение от русской литературной нормы проявляется и в том, что автор сознательно и интенсивно вводит в свои произведения неологизмы, понятные, как правило, только в контексте конкретного произведения.

Описание этих периферийных для лексической системы единиц позволяет проследить некоторые характерные процессы изменения русского литературного языка в период с 40-х по 80-е гг. XIX в., такие, как, например, усвоение западноевропейских заимствований, умножение интернационального терминированного лексического фонда, влияние публицистики в сложение и преобразование литературно-языковой нормы, формирование литературного просторечия, выработку индивидуальных стилей русского литературного языка и языка художественной литературы и др. (см. [З. С. 133]).

АТОПОНЫ-АГНОНИМЫ

Словарь агнонимов, встречающихся в текстах Достоевского, до сих пор не создан, а комментарии, как самостоятельных, так и к отдельным изданиям, явно недостаточно для того, чтобы снабдить современного читателя материалом, позволяющим адекватно понимать произведения Достоевского даже на начальном, семантическом уровне, не говоря уже о том, что практически отсутствуют справочные издания, различающие общие агнонимы, т. е. слова литературного языка XIX в., непонятные или малопонятные современному читателю, и агнонимы индивидуально-авторские.

Тематические группы агнонимов, представленные ниже, пересекаются друг с другом, что совершенно естественно: одна и та же лексическая единица может входить в несколько лексико-тематических полей, распределяться по разным уровням структуры языковой личности, и в этом проявляется некоторая условность

предлагаемой классификации, логика построения которой в самом общем виде состоит в следующем: от слов с конкретным предметным значением и терминологической лексики к стилистически маркированным лексическим единицам, в том числе заимствованиям.

В результате мы с достаточной степенью объективности выявляем те области непонимания в текстах Достоевского, где современный читатель может «споткнуться», что-то пропустить, а это «что-то» часто оказывается весьма актуальным для языковой картины мира Достоевского.

(1) слова с конкретным предметным значением – названия предметов быта, растений, причесок и т. п., в том числе и заимствованные: *бальзамин, бредень, бунты, веленевый, вервие, ветла, донцо...* (2) названия предметов и деталей одежды, головных уборов, обуви, а также ткани, пряжи: *азям, аксельбанты, армяк, бекеша, блонды, бурнус...* (3) названия вин, напитков и продуктов питания: *белые ишти, галантип, каша соковая, мамуровка, оршад, романя...* (4) слова, обозначающие различные средства передвижения, а также их части: *бричка, гитара, дилижанс, дрожки, облучок, омнибус...* (5) названия мер длины, площади, счета, веса: *аршин, верста, вершок, десть, десятина, полфунтик...* (Встречаются довольно сложные агнонимы этого типа: «Тот, кто крикнул “атанде”, был **малый очень высокого роста, вершков десяти**, не меньше, худощавый и испитой, но очень мускулистый <...>» («Подросток»). Рост человека измерялся в вершках (4, 45 см) сверх двух аршин (71 см), т. е. рост Андреева составлял примерно 1 м 86 см) (6) слова, обозначающие объем жидкости (в основном алкоголя): *косушка, полуштоф, икалик, штоф...* (7) обозначения денежных единиц: *алтын, ассигнация, голыши, гривна, гульден...* (8) названия пород собак, лошадей; названия животных, птиц, рыб: *клеппер, медеянский, мокка, тернеф, фиделька...* (9) другие редкие в современном русском языке слова, не относящиеся к словам с конкретной семантикой: *забубенный, золотильщик, извет, казистый, калашиница...* (10) различного рода терминология: (экономическая и торговая) *билет, депозитка, концессия, куртаж, податной, подать, прогон*; (медицинские термины) *магнитизер, мальц-экстракт, черепословие...* (карточная терминология, а также слова, специфичные для различного рода игр, включая их названия: *атанде, бабки, гальбик, горка, носки, обремизить, палки...* (архитектурная терминология, слова, обозначающие строе-

ния барского и крестьянского дворов, части дома, мебель и убранство комнат) *антика, анфилада, балясина, горница, дебаркадер, драпри, канане...* (театральная, музыкальная и танцевальная терминология, термины живописи и книгопечатания) *антраша, глisse-глisse, канканер, па-де-баск, тимпан, фарсер...* (юридическая, судебная терминология): *кассация, кассировать, протори, сутяга, хартия, ходок...* (технические и естественно-научные термины) *гальванизм, краниология, микрометризм, френология...* (философские и филологические термины) *аллокуция, аполог, несамодвижность, рацея, целокупность...* (военная терминология, в том числе названия различных видов оружия) *абвахта, абшид, аванпост, блокгауз, бруствер, зуав, кондотьери, люнет, мамелюк, цейхауз, шаспо...* (слова, обозначающие воинские звания и должности) *бригадир, гренадер, камер-паж, каптенармус, кондуктор, флигель-адъютант, шассер...* (11) стилистически маркированная лексика (религиозная и библейская): *абесса, агаряне, апокрифический, ареонаг, вериги, гернгутер, елей...* (отдельные слова книжного стиля и церковнославянская лексика) *аберрация, абсентизм, алкать, анахорет, антропофаг, ригоризм...* (некоторые слова, грамматические формы, расцениваемые с точки зрения современной литературной нормы как просторечные) *аде, ажно, али, блажня, допреж, изболезноваться, согласить...* [Вполне естественно, что частотность употребления лексических единиц данной группы определяется особенностями языковой личности персонажа: Астафий Иванович в «Честном воре», Федька-каторжник в «Бесах», каторжане в «Записках из мертвого дома», Макар Иванович и купец Скотобойников из его рассказа в «Подпростке» и др.] (жаргонная и диалектная лексика) *балясина, бухвостить, варнак, вахлак, гомозиться, зазнамо...* (12) лексика, связанная с административным делением России, других стран, а также названия органов государственной власти: *вечевой, волость, вотчина, гофкригсрат, казал, кантон, конвент, фюрстендум...* (13) наименования учреждений, заведений и их производные: *кухмистерская, петеришле, ресторация, цирюльня, часть...* (14) слова, обозначающие дворянские и другие титулы, чины и ранги, государственные должности, а также производные от этих слов: *ассессор, будочник, гофмедик, исправник, контесса-дюшесса...* (15) наименования сословий, групп населения и их производные: *гостинодворцы, дворяне, однодворцы, сертучники...* (16) слова, обозначающие ра-

ботников и прислугу в дворянском доме: *бонна, камардин, камеристка, компаньонка, чумичка...* (17) слова, связанные с мифологией (имена персонажей и др.), в том числе и в переносном значении: *Геккуба, Еркул, тифия, тифический, сэмпиреи, эол...* (18) названия народностей, племен: *кабилы, кипчаки, лезгины, мирной, пластун, текинцы, райя, чухонка...* (19) заимствования (иностранные слова, написание которых в современном русском языке не соответствует их написанию у Достоевского) *аглицкий* (английский), *амбиция* (амбиция), *антитез* (антитеза), *афишевание* (афиширование), *апогея* (апогей), *банкрутство* (банкротство), *воксал* (вокзал)... (иностранные слова или их производные, не употребляемые в современном русском языке) *бир-суп, бонбансник, бланбеки, бонбоньерка, буро, буффон...* (редко употребляемые в современном русском языке иностранные слова и их производные) *байгуш, башибузук, бедлам, бивачный, йок, лайдак, фраппировать, фрондировать...* (слова, большей частью заимствованные, употребляемые в современном русском языке в другом значении) *анрепренер, анрепренерский, барышник, баталия, бенефис...* (иностранные слова в искаженной русской речи) *вуй да нон, ганц, гер, гросфатер, майн, сен...* (иноязычная, чаще всего книжная лексика, употребляемая в разговорно-бытовом контексте) *абордировать, абрютировать, абструзно, авенантненький, аксессуарный, предоминирование...*

Отдельно сделаем несколько замечаний относительно иностранных слов в текстах Достоевского, на которого, естественно, как и на большинство писателей XIX в., очень сильно влияла сама языковая ситуация того времени – своеобразное двуязычие в дворянско-интеллигентской среде, выражающееся в основном в проникновении в русский язык французской лексики и грамматики. Отсюда и многочисленные фразы и даже монологи, написанные по-французски (значительно реже, чем у Л.Н. Толстого, но чаще, чем, например, у Н.С. Лескова), случаи злоупотребления иностранными словами, особенно в «Двойнике» (причем сам Достоевский иронизировал по этому поводу над другими авторами). Тем не менее мы не можем согласиться с мнением Г. Струве о том, что «свои словесные нововведения Достоевский нередко производил ненужно и неразборчиво, и этим объяснялось выпадение из языка столь многих его слов» [4. С. 616]. Во-первых, таких слов у Достоевского относительно немного, а во-вторых, об этом пишет тот же Г. Струве, Достоевский очень

внимательно относился к вводимым им транслитерациям, многие из которых в окончательную редакцию его произведений не вошли. Так, в подготовительных тетрадях к романам мы находим такие слова, как *пуантливост* (от фр. **pointilleux** – ‘придирчивый’), *эклерировал* (от фр. **éclairer** – ‘объяснять’), *аксантированный* (от фр. **accentué** – ‘акцентированный, подчеркнутый’) (см. [4. С. 615]).

Иногда Достоевский употреблял иностранные слова не в том роде, в котором они стали использоваться позднее. Например, в м. р.: *антитез*, *клоак*, *манер*, *мигрень*, *эскапад*, *пенсне* и др. И наоборот – ж. р. *апофеоза* вместо *апофеоз*. Заимствованные глаголы Достоевский обычно писал с суффиксом **-ир-**: *манкировать*, *пикировать*, *фрапировать*, *организовать*, *экономизировать*, *мистифицировать*, *энервировать*, *полькировать*, но встречается и *анализовать*, *цитовать*. Некоторые случаи употребления иностранных глаголов можно квалифицировать как языковую игру: *профильтроваться* в значении ‘проникнуть’, *фершпилииться* и *профершпилииться* (от нем. **ver-spielen** – ‘проигрывать’) (подробнее см. [4. С. 612–613]). Еще одна особенность – различия в написании заимствованного слова: *монструозный* и *монстроозный*, *анализировать* и *анализовать* и др.

Некоторые заимствованные слова у Достоевского употребляются не в том значении, в котором они используются в современном русском языке: *антерпренер*, *баталия*, *галантерейный*, *куртизанин*, *термин*, *тонировать*, *третировать*, *турнюра* и др. Встречаются и такие иностранные слова, которые стали активно употребляться в русском языке уже в Новейшее время, например *вотировать*.

Отдельным типом агнонимов следует считать гапаксы (от греч. **ἁπαξ** – ‘однажды’) Достоевского, т. е. индивидуальные авторские образования, которые часто можно квалифицировать как языковую игру. Эти слова есть в текстах Достоевского, но отсутствуют у его современников: *заневинно*, *занедолго*, *зараныше* и т. п.

Гапаксы могут преследовать разные задачи: 1) обозначение новых оттенков понятия; 2) экспрессивная функция (например, при создании нового синонима к уже существующему); 3) языковая игра.

При описании неологии следует учитывать следующее: 1) различие формальных и семантических неологизмов (новых слов и новых значений); 2) источники и мотивы неологии; 3) модусы существования неологизмов (их языковой и речевой статус); 4) прагматический фактор (отношение к новым словам).

Ниже перечислены основные словообразовательные модели, по которым в основном образуются гапаксы Достоевского. Отдельно выделим новообразования с суффиксами субъективной оценки:

(1) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -ИК- (-ТИК): *развратик* («Записки из подполья»), *экзаментик* («Село Степанчиково и его обитатели»), *педантик* («Дневник писателя») *гусарик* («Братья Карамазовы»)

(2) СУЩ. = СУЩ. + -ИШК-: *развратишко* («Записки из подполья»), *юнкеришка* (Село Степанчиково и его обитатели), *пансионнишко* («Подросток»), *аблакатишка* («Подросток»), *купчишка*, *авторишка* («Игрок»), *заговоришко* («Подросток»)

(3) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -ЧИК: *экземплярчик* («Бесы»)

(4) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -К(А): *немчурка* («Подросток»)

(5) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -ОЧЕК: *юнкерочек* («Братья Карамазовы»)

(6) СУЩ. = СУЩ. + -ОНОК(-ЕНОК): *кассиренок* (Публицистика)

(7) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -ЕЦ: *срамец* («Село Степанчиково и его обитатели»)

(8) СУЩ. = УСЕЧ. ОСНОВА ПРИЛ. + -ИСТИК-: *юридика* («Преступление и наказание»)

(9) СУЩ. = ПО- + СУЩ.: *покиватель* («Записки из подполья»)

(10) СУЩ. = ПРЕ- + СУЩ.: *предоминирование* («Идиот»)

(11) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -ЕЖ: *срамеж* («Дневник писателя»)

(12) СУЩ. = КОНТАМИНАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ + -К(А): *финтифлюшка* («Подросток»)

(13) ПРИЛ. = ОСНОВА ПРИЛ. + -ЕНЫК-: *дубоватенький* («Двойник»), *игривенький* («Преступление и наказание»)

Другие словообразовательные модели, по которым строятся гапаксы Достоевского:

(14) СУЩ. = ОСНОВА ПРИЛ. + -К-: *картавка* («Дневник писателя»)

(15) СУЩ. = РАЗ- + СУЩ.: *разарестант* («Записки из Мертвого дома»), *разбрюлов* («Записки из Мертвого дома»), *разгений* («Бесы»), *размиллионер* («Вечный муж»), *раскапиталист* («Идиот»)

(16) СУЩ. = ОСНОВА ГЛАГ. + -ИМОСТЬ: *раздвоимость* («Вечный муж»)

(17) СУЩ. = ОСНОВА ГЛАГ. + -Нј: *брандыхлыстничанье* < *брандыхлыстничать* < *брандыхлыст* («Подросток»)

(18) СУЩ. = ОСНОВА СУЩ. + -(ОТ)ОСТЬ: *комильфотность* («Дневник писателя»), *ярыжность* (Публицистика), *раскидчивость* («Подросток»), *сапожность* («Подросток»)

(19) СУЩ. = ОБЩЕ- + СУЩ.: *общебурлак*, *общечеловек* («Дневник писателя»)

(20) СУЩ. = ОСНОВА ГЛАГ.-КАЛЬКИ + -ЕР.: *парлер* < *parlé* («Скверный анекдот»)

(21) СУЩ. = НЕ- + СУЩ.: *нелитературность* (Публицистика) *некатолик* (Публицистика)

(22) СУЩ. = СУЩ.-ИМЯ СОБСТВЕННОЕ + -СТВ-: *кавурство* < *Кавур* (Публицистика)

(23) ГЛАГ. = РАЗ- + ОСНОВА ГЛАГ. + (Л)Я(ТЬ): *разгромлять* («Двойник»)

(24) ГЛАГ. = РАЗ- + ГЛАГ.: *размарать* («Село Степанчиково и его обитатели»; «Преступление и наказание»; «Братья Карамазовы»), *расклеветать* («Идиот»)

(25) ГЛАГ. = РАЗ- + ГЛАГ. + -СЯ: *разблагодотвориться* («Преступление и наказание»), *разблажиться* («Зимние заметки о летних впечатлениях»), *разголубиться* («Честный вор»), *распаясничаться* («Бесы»), *растанцеваться* («Подросток»)

(26) ГЛАГ. = РАЗ- + ОСНОВА СУЩ. + -И(ТЬ) + -СЯ: *раскапризиться* («Братья Карамазовы»)

(27) ГЛАГ. = РАЗ- + ОСНОВА ПРИЛ. + -И(ТЬ) + -СЯ: *рассчастливиться* («Идиот»)

(28) О- + ГЛАГ.: *опикироваться* («Бесы»)

(29) ГЛАГ. = У- + ГЛАГ.: *ужевать* («Записки из Мертвого дома»)

(30) ГЛАГ. = ОСНОВА ПРИЛ. + -ИЧА(ТЬ): *развязничать* («Подросток»)

(31) ГЛАГ. = ОСНОВА СУЩ. + -ИЗИРОВА(ТЬ): *экономизировать* («Братья Карамазовы»)

(32) ГЛАГ. = ОСНОВА СУЩ. + -ИФИРОВА(ТЬ): *санктифицировать* (Публицистика)

(33) ГЛАГ. = ОСНОВА ПРИЛ. + -ИЧА(ТЬ): *экспансивничать* («Братья Карамазовы»)

(34) ГЛАГ. = С- + ОСНОВА СУЩ. + -НИЧА(ТЬ): *сретроградничать* (Публицистика), *слакейничать* («Зимние заметки о летних впечатлениях»)

(35) ГЛАГ. = ОСНОВА СУЩ. + -И(ТЬ): *культурить* («Дневник писателя»)

(36) ГЛАГ. = ДА- + ГЛАГ.-ГАПАКС: *докультурить* («Дневник писателя»)

(37) ГЛАГ. = ДА- + ГЛАГ.-ГАПАКС + -СЯ: *докультуриться* («Дневник писателя»)

(38) ГЛАГ. = ОСНОВА ГЛАГ.-КАЛЬКИ + -СЯ: *экспатрироваться* < *expatrier* («Бесы»)

(39) ГЛАГ. = НА- + ГЛАГ.: *набухвостить* («Записки из Мертвого дома»), *нафискалить* («Село Степанчиково и его обитатели»)

(40) ГЛАГ. = ПО- + ГЛАГ.: *пофанфаронить* («Идиот»)

(41) ГЛАГ. = НА- + СУЩ.-ИМЯ СОБСТВЕННОЕ + -И(ТЬ): *наафонить* < *Афон* («Братья Карамазовы»), *нафонзонить* < *Фон Зон* («Братья Карамазовы»)

(42) ГЛАГ. = СУЩ.-ИМЯ + СУЩ.-ФАМИЛИЯ + -СТВ- + -ОВА(ТЬ): *фаддейбулгаринствовать* < *Фаддей Булгарин* (Публицистика)

(43) ГЛАГ. = СУЩ.-ИМЯ СОБСТВЕННОЕ + -ОВА(ТЬ): *теймствовать* < «*Теймс*» (Публицистика)

(44) ГЛАГ. = У- + ГЛАГ. + -СЯ: *увизжаться* («Зимние заметки о летних впечатлениях»)

(45) ПРИЛ. = РАЗ- + ПРИЛ. (ЫЙ): *раззадорный* («Бедные люди»)

(46) ПРИЛ. = ОСНОВА СУЩ. + -Н- (ЫЙ): *экстазный* («Братья Карамазовы»), *эпизодный* («Братья Карамазовы»), *кумирный* («Бесы»)

(47) ПРИЛ. = ОСНОВА СУЩ.+ -ЕНН- (ЫЙ): *юношественный* («Преступление и наказание»)

(48) ПРИЛ. = УСЕЧЕННАЯ ОСНОВА СУЩ.+ -ЕШН- (ЫЙ): *куцавешный* («Идиот»)

(49) ПРИЛ. = УСЕЧЕННАЯ ОСНОВА СУЩ.+ -ОЧН- (ЫЙ): *шавочный* (Публицистика)

(50) НАРЕЧ. = ОСНОВА ПРИЛ. + -Н- (О): *юношественно* («Село Степанчиково и его обитатели»), *ретроградно* («Братья Карамазовы»)

(51) НАРЕЧ. = ЗА- + НАРЕЧ.: *заневинно* («Идиот»), *занедолго* («Записки из Мертвого дома»), *зараньше* («Подросток»)

(52) РАЗЛИЧНЫЕ СЛУЧАИ КОНТАМИНАЦИИ: *шлепохвостница* < *шлепать* + *хвост* («Преступление и наказание»), *сверлива* < *сверлить* + *сварлива* («Скверный анекдот»), *фортотпяс* < *фортетьяно* + *плясать* («Братья Карамазовы»), *тупонравственный* < *тупой* + *нравственный* («Зимние заметки о летних впечатлениях»), *надодумываться* < *надо* + *думать* (Письма), *всемство* < *все* + *мы* («Записки из подполья»).

Гапаксы Достоевского разрушают гладкопись, подавляют автоматизм восприятия текста, увеличивают перцептивную значимость употребляемых в тексте лексических средств, заставляют вдумчивого читателя остановиться, задуматься. Неологизмы принадлежат тексту в соответствии с авторской установкой, они всегда сознательно внедряются автором в текст для выполнения той или иной функции. Создание словаря гапаксов Достоевского, выявление основных словообразовательных моделей, по которым они строятся, позволит решить проблему адекватного восприятия авторских интенций в случаях его сознательных отклонений от существующей языковой нормы.

Скажем несколько слов об атопонах других уровней языковой личности – когнемах и прагмемах.

АТОПОНЫ-КОГНЕМЫ

Атопоны данного типа выражаются различного рода когнемами. Слова, представленные выше в лексико-тематических группах агнонимов, также могут представлять собой атопоны – культурные лакуны. Происходит это в том случае, если возникающее у читателя непонимание связано с фоновым компонентом значения этих слов, что проявляется в их значимости для того или иного контекста. В зависимости от контекста слова, входящие в группу ‘названия предметов одежды, головных уборов, обуви, а также ткани, пряжи’, могут реализовывать свою когнитивную значимость, а могут оставаться непонятными только на семантическом уровне. Это, например, такие лексические единицы, как *сюртук* и *мундир*. Из других лексико-тематических групп – *аллегория*, *капитан*, *князь*, *пальмерстон*, *процентщица*, *трактир* и др., которые, в зависимости от контекста (иногда – всего произведения), могут приобретать концептуальную

или даже символическую значимость, участвуют в художественном моделировании языковой личности.

Другие атопоны-когнемы, встречающиеся в текстах Достоевского:

– непонятные или малопонятные современному читателю идиомы и устойчивые терминологические сочетания, а также образные сравнения: *аделаидин цвет, алтынная душа, арестантские роты, афинские вечера, бубновый валет...*

– поговорки: *Иван Таскун да Марья Икотишина, кока с локом...*

– пословицы: *Quand on parle d'une corde...* («Когда говорят о веревке...») Характерное для французских пословиц начало *Quand on parle*, связанное с пословицей *В доме повешенного не говорят о веревке*; *Nous revenons toujours* (Намек на фр. пословицу *On revient toujours à ses premières amours* – *Всегда возвращаются к своей первой любви*)

– иноязычные речения, устойчивые речевые формулы: *автос-эфа; de мыслибус non est disputandum; падам до ног; in vino veritas; Je suis gentilhomme avant tout et je mourrai gentilhomme! (Я прежде всего дворянин и дворянином умру!)*...

– отсылки к прецедентным текстам: *А годы идут – и все лучшие годы!; Антропочный; бутюшник; Невеста-девушка смышляла жениха, / Тут нет еще греха...*

Встречаются случаи, когда отсылка к прецедентному тексту одновременно является мнемой (о мнемее см. [5]):

[Аркадий Версилу] «Вы были в это утро в темно-синем бархатном пиджаке, в шейном шарфе, цвета сольферино, в великолепной рубашке с алансонскими кружевами, стояли перед зеркалом с тетрадью в руке и вырабатывали, декламируя, последний монолог Чацкого и особенно последний крик: | Карету мне, карету! | – Ах, боже мой, – вскрикнул Версиров, – ведь он и вправду!» («Подросток»)

– различного рода аллюзии (связанные с топонимами, онимами и др.): *Алансонские кружева; Анна (название ордена); ловлас; Лурля; пальмерстонство; петролейщик; пуасардка; селадон; тартюфство; Тогенбург; Трефандо...*

– непонятные или малопонятные фреймы и ключевые для культурно значимых фреймов слова: *распродажа имущества; принятие причастия; дуэль...*

– слова с ярко выраженной внутренней формой, которые, тем не менее, могут вызывать у современного читателя искаженный или

неправильный образ: *верхогляд, верхоглядка, непосед, своеручный, слезница, тяжкодум, убеление, фертом, халатник, хмара, чинобесие, читальник, чугунка, шупульник...*

– некоторые метафоры: *благорастворение возду́хов, в хомуте, ногти в трауре, размазня чувств, ум сердца...*

АТОПОНЫ-ПРАГМЕМЫ

К атопонам-прагмемам относится возможное непонимание авторских интенций, например в создании языковой игры или иронии, использование отсылок к прецедентным текстам в функции аргументации или в эмоционально-экспрессивной функции, изменившаяся стилистическая принадлежность слова, неадекватное восприятие лексических единиц с ярко выраженным эмоционально-оценочным компонентом (в основном частиц и междометий), в функционировании модальных операторов (*так называемый, так сказать*) и др.

Приведем некоторые примеры такого рода атопонов:

– редко употребляемая бранная лексика, прозвища: *балясина, басурман, бирюлина корова, варнак, виршенлет, зипунник, каналья, колбаса, колбасник, кошон, обскурант, обимыга, парх, паценок, пентюх, пехтерь, полишинель, пупырь, ракалья, фурия, халдей, хамлет, чума бендерская...*

– дразнилки: *монах в гарнитуровых штанах; морген-фри нос утри; Гришка-голанец съел померанец...*

– модальные частицы и междометия: *ба, га, словоерс, те-те-те...* Атопоном-прагмемой может явиться и степень насыщенности модальными частицами и междометиями дискурса определенного персонажа: [Татьяна Павловна Аркадию] «**Ах** **боже мой!** **Ох**, тошно мне! – закружилась и заметалась она по комнате. – И они там с ним распоряжаются! **Эх**, грозы-**то** нет на дураков! И с самого с утра? **Ай да** Анна Андреевна! **Ай да** монашенка! **А ведь** та-**то**, Милитриса-**то**, ничего-**то** **ведь** и не ведает! | – Какая Милитриса? | – **Да** царица-**то** земная, идеал-**то!** **Эх, да что ж** теперь делать?» («Подросток»)

– звукоподражания: *фру-фру...*

– формулировки бытовых правил и правил этикета, в том числе речевого: [Аркадий] «Это ты про Васина говоришь *их*, Лиза? Надо сказать *его*, а не *их*. Извини, сестра, что я поправляю, но мне горько, что воспитанием твоим, кажется, совсем пренебрегли» («Подросток»).

СЛОВАРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АТОПОНОВ

Описание атопонов проводится с учетом следующих параметров: 1) слово в начальной форме или устойчивое словосочетание; 2) дефиниция; 3) иллюстрация (как правило, дается один пример, на остальные указывают ссылки-адреса; два или несколько примеров даются только в том случае, если возникает необходимость показать оттенки значения); 4) по отношению к заимствованиям в большинстве случаев дается этимологическая справка; 5) помимо иллюстрации из текстов Достоевского описание значения слова часто сопровождается примером из произведений других авторов XVIII–XIX вв.; отсутствие примера может говорить об уникальности данного слова, например о том, что оно является гапаксом.

Такое лексикографическое представление атопонов, на наш взгляд, поможет преодолеть возможный коммуникативный сбой при чтении текстов Достоевского, причиной которого являются эти непонятные или неправильно понятые современным читателем лексические единицы. Иногда, казалось бы, какая-то незначительная деталь, неправильное понимание значения одного слова может привести к искажению восприятия произведения в целом, к невозможности проникнуть в авторский художественный замысел.

В словарной статье мы в виде результата металингвистической рефлексии на малознакомые или вообще незнакомые (обычно редкие) слова уточняем, в каком смысле употреблена внешне известная, а по сути непонятная лексическая единица, предоставляем информацию о словах и выражениях, которые могли бы быть не поняты или поняты неправильно при чтении художественных и не только художественных текстов. Таким образом компенсируется неориентированность читателя в репертуаре периферийных лексических средств языка в их функциональных, например комбинаторных, особенностях в разных по жанру и времени создания текстах.

Примеры словарных статей:

Абструзность

– Непонятность, неясность.

– Вот вы [«Русский вестник»], например, говорите свысока и даете уроки, а ведь все это такая пропись – ваши уроки, такая тупая отвлеченность, такая **абструзность** (о милое словечко! где это вы его достали? по делу виден художник) (Публицистика) [Пародия на стиль публицистики М.Н. Каткова. Прилагательное *абструзный*

(вместо *абстрактный*), употребленное в «Элегической заметке» Каткова, цитируемой Достоевским в статье «По поводу элегической заметки „Русского вестника“», вызвало со стороны писателя множество насмешек.]

Абшид

– Отставка, увольнение со службы. *От нем. Abschied* – прощание; отставка.

– Хотя бы теперь сам экзекутор явился в квартире и лично за вольнодумство, буянство и пьянство объявил бы **абшид** Семену Ивановичу, он, может быть, и пальцем не удостоил бы пошевелить теперь при подобных известиях («Господин Прохарчин»). Ср. у Дениса Давыдова: «Сегодня вечером увижусь я с тобою, / Сегодня вечером решится жребий мой, / Сегодня получу желаемое мною – / Иль **абшид** на покой» («Решительный вечер»).

Авенантенький/преавенантенький

– Красивый, пригожий. *От фр. avenant*.

– [Разумихин Раскольникову] Ну так вот, брат, чтобы лишнего не говорить, я хотел сначала здесь электрическую струю повсеместно пустить, так чтобы все предрассудки в здешней местности разом искоренить, но Пашенька победила. Я, брат, никак и не ожидал, чтоб она была такая... **авенантенькая**... а? («Преступление и наказание»); [Разумихин Зосимову о Дуне] Тут, брат, стыдливость, молчаливость, застенчивость, целомудрие ожесточенное, и при всем этом – вздохи, и тает как воск, так и тает! Избавь ты меня от нее, ради всех чертей в мире! **Преавенантенькая**!.. Заслужу, головой заслужу! («Преступление и наказание»).

Аделаидин цвет

– От **Аделаида** (др.-герм. ‘благородный’ + ‘состояние, положение’) – имени героини одноименной песни Бетховена на стихи Ф. Матиссона; красный оттенок синего или лилового цвета, близкий к пурпурному; название было чрезвычайно модным в середине XIX в.; в оригинале текста Матиссона речь идет о пурпурном цвете (purpur), с которым связывается грустное, меланхолическое настроение.

– [Видоплясов Сереже] **Аделаидина цвета** изволите галстук надеть или этот, с мелкими клетками? <...> | – Так этот галстук **аделаидина цвета**? – спросил я, строго посмотрев на молодого

лакея. | – Аделаидина-с, – отвечал он с невозмутимой деликатностью. | – А аграфенина цвета нет? | – Нет-с. Такого и быть не может-с. | – Это почему? | – Неприличное имя Аграфена-с. | – Как неприличное? почему? | – Известно-с: Аделаида, по крайней мере, иностранное имя, облагороженное-с; а Аграфеной могут называть всякую последнюю бабу-с. («Село Степанчиково и его обитатели») Ср. у И.С. Тургенева: «Одет он был в старенький, изорванный сюртук **цвета аделаида**, или, как у нас говорится, оделлонида» («Контора»).

Алтынная душа

– То же, что **копеечная душа** – очень мелочный, скупорасчетливый.

[М.М. Достоевскому] След<овательно>, книгопродавец поймет, когда ты придешь к нему с своим напечатанным товаром, что он может прижать тебя донельзя. Вот дело какое! А книгопродавец, – **алтынная душа**, прижмет непременно, и я сяду в болото, непременно сяду (Письма).

Антик

– Произведение античной скульптуры или декоративно-прикладного искусства или его фрагмент в оригинале или в слепке.

– Так точно мы ставим в наши комнаты и сады раздетые совершенно статуи, именно потому, что это мифологические, а следовательно и классические, **антики** <...>. (Публицистика) Ср. у К.Н. Батюшкова: « – Вот наши сокровища, – сказал художник Н., указывая на Аполлона и другие **антики**» («Прогулка в Академию художеств»).

Атанде

– *От фр. attendre* – в карточных играх: ‘погодите, не мечите, я ставлю’; *перен.* ‘подождите, довольно’.

– Тот, кто крикнул «**атанде**», был малый очень высокого роста, вершков десяти, не меньше <...>. («Подросток»). Ср. у Н.С. Лескова в зн. ‘довольно, достаточно, хватит’: « – Нет, – закричал он, – нет, **атанде-с**; не говорить-то вы мне о своих намерениях не говорили, это точно <...>» («Детские годы»).

В заключение отметим, что Словарь атопонов Достоевского является частью лексикографической серии «Словарь языка Достоевского», базовым словарем которой является Идиоглоссарий (см. [6–

8]). На настоящий момент работу над первой частью Словаря атопонов Достоевского (Словарь агнонимов), включающую в себя описание порядка 900 единиц, можно считать завершенной. Вторая и третья части Словаря – Словарь атопонов-когнем и атопонов-прагмем (в общей сложности около 1000 единиц) – находится на стадии выполнения (обработано порядка 400 единиц).

Литература

1. Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Актуальность прекрасного. – М. : Искусство, 1991. – С. 43–59.
2. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М. : Астра семь, 1997. – 414 с.
3. Сорокин Ю.С. О принципах исторического описания лексики русского языка нового времени (XVIII–XX вв.) // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. – М., 1981. – С. 125–134.
4. Струве Г. Кое-что о языке Достоевского: употребление Достоевским заимствованных слов и злоупотребление ими // Revue des etudes slaves. – 1981. – Т. 53, fascicule 4. – Р. 607–618.
5. Ружицкий И.В. Мнемы в картине мира писателя // Языковая личность: текст, словарь, образ мира: К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова: сб. ст. – М., 2006. – С. 118–123.
6. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В) / Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова и др.; под ред. Ю.Н. Караулова. – М. : Азбуковник, 2008. – 962 с.
7. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З) / Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова и др.; под ред. Ю.Н. Караулова. – М. : Азбуковник, 2010. – 1049 с.
8. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (И–М) / Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова и др.; под ред. Ю.Н. Караулова. – М. : Азбуковник, 2012. – 847 с.

DOSTOEVSKY'S ATOPONS: ON THE DICTIONARY PROJECT.

Tomsk State University Journal of Lexicography, 2014, 1 (5), pp. 56–74.

Ruzhitskiy Igor' V., Lomonosov State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: konnitie@mail.ru

Keywords: Dostoevsky, Dostoevsky's language dictionary, atopon, agnonym, hapax, cogneme, pragme.

The paper discusses the possibility of creating a dictionary of units that are difficult for the modern moderately educated reader to read and understand (atopons) in F.M. Dostoevsky's texts. The material for selection of this kind of lexical units was commentaries to various editions of Dostoevsky's works as well as the results of the experiment. The task was to identify the lexical and thematic areas in the texts of Dostoevsky that can lead to communication failure and their lexicographic representation.

In accordance with the three-tiered structure of the language personality atopons are divided into atopons-agnonyms, atopons-cognemes and atopons-pragmemes. Atopons may

be words that only Dostoevsky used (innovation, transliteration, etc.), lexical units not used in the modern Russian literary language, words that the modern reader can know in a different meaning, etc.

Main attention is paid to atopons-agnonyms including individual author's formations, hapaxes. We suggest a classification of agnonyms and hapaxes.

Agnonym classification is based on the allocation of thematic groups. One and the same lexical unit can belong to several lexical-thematic fields distributed at different levels of the structure of the language personality. These atopons include words with a specific subject matter: names of household items, plants, hairstyles, etc., including borrowed ones; names of items and parts of clothing, headwear, footwear, fabrics, yarn; names of wines, drinks and food; names of length, area, count, weight, etc.

Hapaxes are a different type of agnonyms that are individual author's formations frequently classified as a language game. These words appear in the texts of Dostoevsky, but his contemporaries do not use them: zanevinno, zanedolgo, zaranshe, etc. This article lists the word-formation models of Dostoevsky's hapaxes.

The dictionary description of the atopons is made by the following mandatory and optional parameters: 1) the word in its basic grammatical form or a set phrase; 2) definition; 3) illustration; 4) notes; 5) etymological reference; 6) examples from works by other authors of the 18th-19th centuries.

At present, the work on the first part of The Dictionary of Dostoevsky's Atopons (The Dictionary of Agnonyms) is complete. It includes a description of about 900 units. The second and third parts of the Dictionary (on cognemes and pragmemes) with the total of about 1,000 units are in progress (with about 400 units processed).

References

1. Gadamer H.-G. *Die Aktualität des Schönen*. Stuttgart, Philipp Reclam Jun., 1977. 77 p. (Russ. ed.: Gadamer G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo*. Moscow, Iskuststvo Publ., 1991, pp. 43–59.).
2. Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. *Russkiye agnonimy (slova, kotoryye my ne znayem)* [Russian agnonyms (words that we do not know)]. Moscow, Astra sem' Publ., 1997. 414 p.
3. Sorokin Yu. S. *O printsipakh istoricheskogo opisaniya leksiki russkogo yazyka novogo vremeni (XVIII–XX vv.)* [On the principles of historical description of the Russian lexicon of modern time (18th-20th centuries)]. In: *Russkiy yazyk. Problemy khudozhestvennoy rechi. Leksikologiya i leksikografiya* [The Russian language. Problems of belles-lettres. Lexicology and lexicography]. Moscow, 1981, pp. 125–134.
4. Struve G. [On the language of Dostoevsky: Dostoevsky's use and abuse of borrowings]. *Revue des études slaves*, tome 53, fascicule 4, 1981, pp. 607–618.
5. Ruzhitskiy I. V. [Mnemes in the writer's world image]. *Yazykovaya lichnost': tekst, slovar', obraz mira. K 70-letiyu chl.-korr. RAN Yuriya Nikolayevicha Karaulova: Sb. statey* [Language personality: text, dictionary, image of the world. On the 70th anniversary of the corresponding member of the Russian Academy of Sciences Yuri N. Karaulov. Collection of papers]. Moscow, 2006, pp. 118–123. (In Russian)
6. Ginzburg Ye.L., Karaulov Yu.N., Korobova M.M., Osokina Ye.A., Ruzhitskiy I.V., Tsyb Ye.A., Shepeleva S.N. *Slovar' yazyka Dostoyevskogo: Idioglossariy (A-B)* [The

Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary (A-B)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 962 p.

7. Ginzburg Ye.L., Karaulov Yu.N., Korobova M.M., Osokina Ye.A., Ruzhitskiy I.V., Tsyb Ye.A., Shepeleva S.N. *Slovar' yazyka Dostoyevskogo: Idioglossariy (Г-З)* [The Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary (Г-З)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 1049 p.

8. Ginzburg Ye.L., Karaulov Yu.N., Korobova M.M., Osokina Ye.A., Ruzhitskiy I.V., Tsyb Ye.A., Shepeleva S.N. *Slovar' yazyka Dostoyevskogo: Idioglossariy (И-М)* [The Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary (И-М)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2012. 847 p.

А.С. Савенко

ПРОЕКТ «МОТИВАЦИОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ: ФИТОНИМЫ»

В статье представлен лексикографический опыт осмысления явления мотивации слов в сопоставительном аспекте на материале тематической группы наименований растений русского, английского и чешского языков. Предложенные образцы словарных статей словаря трех языков рассматриваются с источниковедческих позиций. Структура словарной статьи содержит информацию о мотивированности/немотивированности фитонима, его внутренней форме, результатах психолингвистического эксперимента, мотивировочном и номинативном признаках слова, включая также специальные дополнительные справки и этимологию слова.

Ключевые слова: сопоставительная мотивология, лексикографический аспект, внутренняя форма слова, мотивационное значение, психолингвистический эксперимент.

Статья выполнена в русле современной научной дисциплины – *сопоставительной мотивологии*, которая понимается как область знания, изучающая лексическую систему двух или более языков (или форм одного языка) с точки зрения мотивированности на основе сопоставления их друг с другом. Осуществление современных сопоставительных исследований в области лексической мотивации позволило обратиться к лексикографическому описанию тематической группы наименований растений русского, английского и чешского языков.

Традиция создания многоязычных словарей связана с лексикографированием отдельных лексических и фразеологических единиц литературного языка в рамках переводного словаря (например, электронная версия словаря ABBYY Lingvo; Многоязычный словарь современной фразеологии. М., 2012), а также терминов из области юриспруденции (Словарь юридических терминов на белорусском, русском и английском языках. Беларусь, 2012), медицины (Словарь медицинских и фармацевтических терминов на 11 языках. М., 2006), техники (электронная программа Polyglossum для многоязычных словарей, содержащих алфавиты языков Восточной Азии), биологии

(Болотина А.Ю. Словарь лекарственных растений (латинский, немецкий, английский, русский). М., 2010).

Представленный в статье проект многоязычного мотивационно-сопоставительного словаря продолжает практику создания сопоставительных словарей в области мотивологии с привлечением трех и более языков на материале тематических групп наименований растений и птиц (подробнее см. [1. С. 66–75]).

Наряду с уже имеющимися фрагментом «Мотивационно-сопоставительного словаря русского и польского языков: орнитонимы» (Томск, 1996) А.Д. Адиловой, «Мотивационно-сопоставительным словарем русского и английского языков: фитонимы» (М., 2012), «Мотивационно-сопоставительным словарем русского и английского языков: орнитонимы» (М., 2012) А.С. Савенко, фрагментом «Мотивационно-сопоставительного словаря русского и английского языков: зоонимы» А.В. Шевчик (Томск, 2011) многоязычный словарь по мотивологии не только предоставляет полную информацию о внутренней форме слова, но и позволяет взглянуть на направление мотивированности лексических единиц сразу в нескольких языках в наглядной форме. «Многоязычный мотивационно-сопоставительный словарь фитонимов» содержит показания метаязыкового сознания носителей русского, английского и чешского языков, что определяет его антропоцентрическую направленность. Это связано с тем, что действительность в системе языка отражается опосредованно – через сознание говорящих людей. Именно в этом видится специфика отражения действительности в языке, доказательством чего являются различия между лексическими системами разных языков, отражающих по большей части ту же самую действительность.

Различия или интернациональный характер познания действительности находят отражение в структуре словарной статьи представленного словаря.

Структура словарной статьи мотивационно-сопоставительного словаря (МСС) русского, английского и чешского языков включает следующие компоненты:

- 1) латинское наименование растения с переводом (перевод дается в том случае, когда латинское название было найдено в латинско-русском словаре);
- 2) заглавное слово;

3) толкование лексического значения слова (ЛЗ), которое является интегральным компонентом по отношению к внутренней форме слова (ВФС) (как русского, так и английского и чешского), основанием для их сравнения. Для толкования лексического значения слов использовались толковый словарь С.И. Ожегова под ред. Н.Ю. Шведовой, академический «Словарь русского языка» в 4 томах (1981–1984 гг.), толковый словарь английского языка «Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English» A.S. Hornby, Большой чешско-русский словарь Velký česko-ruský slovník;

4) результаты психолингвистического эксперимента (ПЛЭ). Суть эксперимента заключается в следующем: группе лиц – носителей исследуемого языка – в разных формах (анкета, беседа, устный опрос) было предложено ответить на вопрос «Как Вы думаете, почему растение так называется?». Количество ЛЕ, объясняемых информантом, определялось индивидуально, в зависимости от их желания, других субъективных причин. Психолингвистический эксперимент на выявление показаний языкового сознания носителей американского английского языка (American English) проводился со студентами Университета Северной Каролины, учениками старшей школы High Scotland School of Northern Carolina, преподавателями этой школы, а также с жителями штатов Массачусетс, Калифорния, Техас. В качестве информантов – носителей русского языка были опрошены студенты разных факультетов томских вузов, ученики 11-х классов, преподаватели биологии и естественных наук, а также представители других специальностей. Среди информантов – носителей чешского языка были опрошены студенты, магистранты, аспиранты Пражского технического университета и Paneuropská Vysoká škola. Возрастной состав информантов – носителей русского, чешского и английского языков – от 17 до 65 лет (подробнее о процедуре ПЛЭ см. [2]);

5) указания на мотивированность/немотивированность лексической единицы. При *мотивированном* слове даются:

а) лексические (ЛМ) и структурные мотиваторы (СМ) согласно результатам ПЛЭ (*лексический мотиватор* – «это мотивирующее слово, выявляющее в мотивируемом им слове лексическую мотивированность, связанную с выражением мотивировочного признака» [3. С. 29]; *структурный мотиватор* – «это мотивирующее слово, выявляющее в мотивируемом им слове структурную мотивированность, связанную с выражением классификационного признака» [3. С. 29]);

б) ВФС, состоящая из мотивационной формы (МФ) и мотивационного значения (МЗ);

Например, фитоним АИСТНИК

ВФС ₁ < МФ: АИСТ/НИК МЗ: 'растение, <которое внешне напоминает> аиста'	ВФС ₂ < МФ: АИСТ/НИК МЗ: 'растение, <которым питаются> аисты'
ЛМ ₁ : аист СМ ₁ : гуляв/НИК, мордов/НИК	ЛМ ₂ : ЛМ ₁ (это означает, что мотивирующее слово ВФС ₂ совпадает с мотивирующим словом ВФС ₁) СМ ₂ : СМ ₁
ВФС ₃ < МФ: АИСТ/НИК МЗ: 'растение, <как-то связанное с> аистом'	ВФС ₄ < МФ: АИСТ/НИК МЗ: 'растение – <место обитания> аиста'
ЛМ ₃ : ЛМ ₁ СМ ₃ : СМ ₁	ЛМ ₄ : ЛМ ₁ СМ ₄ : СМ ₁
ВФС ₅ < МФ: АИСТ/НИК МЗ: 'растение, <расцветающее во время прилета> аиста'	
ЛМ ₅ : ЛМ ₁ СМ ₅ : СМ ₁	

б) указание на вид ВФС (вариантная / вариативная / невариантная, лексикализованная / нелексикализованная, метафорическая / неметафорическая). При вариантном или вариативном характере ВФС приводятся все толкования МФ и МЗ (см. пример выше). Под вариантной ВФС понимается внутренняя форма слова с неизменной мотивационной формой и варьирующимся мотивационным значением, вариативной называется ВФС с вариантной мотивационной формой и вариантным мотивационным значением. Например, фитоним ПЕРЕЛЕСКА (МЗ: '<растение, которое растет в> перелеске'), пере/ЛЕСКА (МЗ: '<растение, стебель которого тонкий, как> леска') характеризуется вариативной внутренней формой;

7) мотивировочный и номинационный признаки (МП и НП), которые могут совпадать, если у них одно и то же словесное выражение, и различаться, если НП выражен метафорически.

Например, **БОРЩЕВИК**:

ВФС ₁	<	МФ: БОРЩ/ев/ИК МЗ: 'растение, <используемое при варке> борща'	ВФС ₂	<	МФ: БОРЩ/ев/ИК МЗ: 'растение <красного, как> борщ, <цвета>'
ЛМ ₁ : <i>борщ</i>			ЛМ ₂ : ЛМ ₁		
СМ ₁ : дремл/ИК, звезд/ИК, мятл/ИК			СМ ₂ : СМ ₁		
ВФС ₃	<	МФ: БОРЩ/ев/ИК МЗ: 'растение, <как-то связанное с> борщом'	ВФС ₄	<	МФ: БОРЩ/ев/ИК МЗ: 'растение, <которое пахнет, как> борщ'
ЛМ ₃ : ЛМ ₁			ЛМ ₄ : ЛМ ₁		
СМ ₃ : СМ ₁			СМ ₄ : СМ ₁		

МП: борщ, бор (НП: используется для приготовления супов);

7) фитонимическую справку, в которой представлены один или несколько комментариев как специалистов-ботаников, так и любителей растений. Подобные справки указывают на признаки номинации растений. Фитонимические справки даются для того, чтобы подтвердить или опровергнуть данные психолингвистического эксперимента, полученные от рядовых носителей языка: в одних случаях они их подтверждают, в других – дополняют признаки номинации растений.

Например, **ГРЫЖНИК**. Фитонимическая справка: «Согласно названию применялся как наружное средство при грыже. Кстати, латинское *Herniaria* происходит от старинного названия грыжи – *hernia*» [4. С. 178].

Фитоним англ. **FOX-GLOVE** (наперстянка). Фитонимическая справка: «The plants produce alternating, ovate to oblong leaves toward the lower part of the stem, which is capped by a tall, one-sided cluster of pendulous, bell-shaped flowers» («Растения имеют чередующиеся, овальной и продолговатой формы листья у нижней части корня, который увенчан высоким, односторонним пучком висячих цветов в форме колокольчика») [5. С. 914].

8) этимологическую справку, необходимую для определения процессов ремотивации, демотивации или для подтверждения того, что синхронная мотивированность данной лексической единицы совпадает с диахронной.

Например, **ВАСИЛЁК**. Этимологическая справка: Укр. *васильок*, соответствует греч. *basilikon*, подобно тому, как сербохорв. *босильак* – ср. лат. *basilikum*. Преображенский, Фасмер принимают греческое происхождение, в то время как Брюкнер смело допускает в рус. слове преобразование из польск. *bazylika* (с XVI в.) якобы потому, что польск. *Bazyli* соответствует рус. *Василий* [6].

В рус. языке известно с XVII в. В словаре Поликарпова (1704) «василки – ‘зелие’». Возникло, по-видимому, в результате переосмысления (сближения с *Василий*, *Василько* или с *василиск* – ‘змей’) названия растения из семейства губоцветных *базилик* «душистый василек» [7].

Фитоним англ. **DAYS** (маргаритка). Этимологическая справка: Др.-англ. *dages eage* ‘глаз дня’, получило свое название за то, что закрывается желтый цветок (круг) вечером и открывается утром [5. С. 312];

9) иллюстрацию растения для наглядности.

Результаты психолингвистического эксперимента отражаются через дробь, в числителе которой – число опрошенных, мотивировавших слово, а в знаменателе – число тех, кто счел слово немотивированным.

Например, англ. **CORNFLOWER**. Результаты психолингвистического эксперимента (далее ПЛЭ):

а) «*цветок, растущий среди зерна*» – 72 чел.; «*какой-то цветок*» – 28 чел. 100/0.

Если три и более информантов назвали одно и то же слово в качестве мотивирующей единицы, то на основе их показаний вычленяется ВФС. Исходя из этого, многие мотивированные наименования растений в словаре имеют вариантную/вариативную ВФС.

Ниже приводятся пробные образцы словарных статей мотивационно-сопоставительного словаря русского, английского и чешского языков.

Рetasites (от греч. πέτασος 'широкополая шляпа')

ЛЗ: 'род многолетних трав семейства сложноцветных'

БЕЛОКОПЫТНИК	BUTTERBUR	DEVĚTSIL
Результаты ПЛЭ: а) «белый цветок, внешне напоминающий копыто» – 46 чел. «белый цветок, растущий в следах от копыт животных» – 28 чел. «белый цветок» – 14 чел. «красит копыта животных в белый цвет» – 12 чел. 100/0 б) белокопыт/НИК – 69 чел. белокопытник – 31 чел. 69/31	Результаты ПЛЭ: а) «the bar covered with fat/oil like a butter» (репей, покрытый жиром, будто маслом) – 68 чел. «some bar» (какой-то репей) – 32 чел. 100/0	Результаты ПЛЭ: а) «silná rostlina, má devět síb» (сильное растение, обладает девятью силами) – 18 чел. «devět síb» (девять сил) – 7 чел. 25/0
МФ: БЕЛ/о/КОПЫТ/НИК ВФС₁ < МЗ: 'белый цветок, <похожий на> копыто' ЛМ₁: белый, копыто СМ₁: дурниш/НИК, журавель/НИК	МФ: BUTTER/BUR ВФС₁ < МЗ: 'репей, <покрытый жиром, будто> маслом' ЛМ₁: bur – репей butter – масло	МФ: DEVĚT/SIL ВФС₁ < МЗ: '<сильное растение, обладающее> девятью силами' ЛМ₁: devět – девять síl – мощь, сила
МФ: БЕЛ/о/КОПЫТ/НИК ВФС₂ < МЗ: 'белый цветок, <растущий в следах от> копыт <животных>' ЛМ₅: ЛМ₁ СМ₂: СМ₁	МФ: butter/BUR ВФС₂ < МЗ: '<какой-то> репей' ЛМ₂: bur – репей МП: репей, масло (НП: –)	МФ: devět / SIL ВФС₂ < МЗ: '<как-то связано с> девятью силами' ЛМ₂: ЛМ₁ МП: девять сил (НП: –)
МФ: БЕЛ/окопыт/НИК ВФС₃ < МЗ: 'белый цветок' ЛМ₃: белый СМ₃: СМ₁		

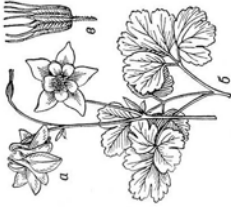
ВФС₄ < МФ: БЕЛ/о/КОПЫТ/НИК МЗ: 'растение, <красящее> копыта <в> белый <цвет>' ЛМ₄: ЛМ₁ СМ₄: СМ₁ МП: белый, копыто (НП: белые листья в форме копыта)	Фитонимическая справка: «Нижние листья белокопытника очень крупные — до 30 см, и с нижней стороны войлочно-белые, поэтому растение в народе часто называют подбелом» [8. С. 39]. «В мае развиваются мощные округлые листья на длинных черешках» [8. С. 40]. «Названием своим род обязан широким крупным листьям, по форме напоминающим отпечаток копыта лошади» [10]. Фитонимическая справка: «The name <i>butterbur</i> relates to the use of the leaves to wrap butter» (Название <i>butterbur</i> растение получило за то, что в его листья когда-то заворачивали масло). [12. Р. 116]. 	Фитонимическая справка: «Лечебных свойств у белокопытника немало: его препараты обладают потогонными свойствами, успокаивают, облегчают отхождение мокроты при кашле, понижают повышенное давление, предупреждают образование тромбов в сосудах, снимают спазмы и боли, заживляют раны. Поэтому в народной медицине он применяется давно, и при самых разных заболеваниях: при ОРВИ, кашле, лихорадке, упадке сил, ларингитах, бронхитах и бронхиальной астме; при истерии, неврастении, в начальной стадии гипертонии» [8. С. 39].
--	--	--

<u>Этимология.</u> -	<u>Этимология.</u> <u>BUR</u>: 14 в. возможно, сканд. происхождения, ср. дат. <i>burge</i> 'лопух, репей', шв. <i>kard/horre</i> 'лопух', которое может зависеть от *<i>bhrs</i> – основа слова <i>bristle</i>. <u>BUTTER</u>: др.-англ. <i>būtere</i> родственно др.-фриз., др.-верх.-нем. <i>būtera</i> (дат. <i>bōter</i>, нем. <i>butter</i>), о.-герм. из лат. <i>butyrum</i> (Плиний), которое от греч. <i>boutyron</i>, возможно, другого происхождения. Лат. слово представлено в романс., др.-фр. <i>butre</i> (современ. <i>beurre</i>), прованс. <i>buire</i>, ит. <i>Butirro</i> [8].	<u>Этимология.</u> Вид лекарственных растений. Указывается на целебные свойства этой травы (магическое число девять). Сравни нем. Neunkraut (neun – девять, Kraft – сила) [10].
-----------------------------	--	---

Аquilegia (волоподъёмный)

ЛЗ: 'род растений из семейства лютиковых, многолетняя трава с лопастными листьями и одиночным большим цветком'

ВОЛОСБОР <u>Результаты ПЛЭ:</u> а) «<i>собирает воду</i>» – 100 чел. 100/0	ВФС < МФ: ВОДО/СБОР МЗ: '<растение, которое> собирает воду' ЛМ: вода, собирать МП: вода, собирать (НП: лепестки цветка удерживают воду)	COLUMBINE <u>Результаты ПЛЭ:</u> а) «<i>the flower looks like columbus</i>» (цветок похож на голубя) – 31 чел. «a columbine flower» (голубиный цветок) – 24 чел. немотивированное – 45 чел. 55/45 ВФС₁ < МФ: COLUMB/ine МЗ: '<растение, цветок которого похож на> голубя' ЛМ₁: columbus – голубь	ORLIČEK <u>Результаты ПЛЭ:</u> а) «<i>květ svázán nejako s orlíčkem</i>» (цветок похож на клюв орлёнка) – 14 чел. «<i>květ má spojený s orlíčkem</i>» (цветок, как-то связанный с орлёнком) – 11 чел. 25/0 ВФС₁ < МФ: ORLIČEK МЗ: '<растение, цвет-ток которого похож на клюв> орлёнка' ЛМ₁: orlíček – орлёнок
--	--	--	--

	Фитонимическая справка: «Водосбор, или аквилегия (Aquillegia), получил своё латинское название от двух слов: «аква» – «вода», и «легто» – «собирать». Свое название водосбор получил из-за особенностей строения цветка, лепестки-кувшинчики которого напоминают резервуары для хранения воды и могут легко удерживать воду» [11]. <u>Этимология:</u> –
ВФС₂ < МФ: COLUMBINE МЗ: голубиный <цветок>¹ ЛМ₂: columbine – голубиный МП: голубиный, голубь (НП: цветок называется голубя)	Фитонимическая справка: «Народное английское название водосбора <i>columbine</i> ‘голубиный’ связано с обилием цветов, напоминающих голубя или какую-либо другую птицу; цветки эти имеют шпорец-видные лепестки-нектарники, привлекающие шмелей и пчел» [12. С. 49]. <u>Этимология:</u> Займствовано из ст.-фр. <i>columbin</i>, <i>-ine</i>, которое из лат. <i>columbinus</i>, форма <i>columba</i> ‘голубь’ (ср. ст.-слав. <i>golobi</i> ‘голубь’, др.-прусс. <i>golīban</i>, русск. <i>goluboi</i> ‘голубой’, <i>golub</i> ‘голубь’), субстантив. имя растений рода <i>Aquilegia</i>. 13 в. из ст.-фр. <i>columbine</i>, которое из мед. лат. <i>columbina</i> ‘растение голубя’, названо так за сходство цветка с пятью голубками, соединенными вместе [9].
ВФС₂ < МФ: ORLÍČEK МЗ: <цветок, как-то связанный с орлёнком>¹ ЛМ₂: ЛМ₁ МП: орлёнок (НП: шпорцы цветка напоминают клюв орлёнка)	Фитонимическая справка: «Название ‘орлики» водосбору, по одной из версий, дано за счет сходства шпорцев с изогнутым клювом птицы, а лепестки иногда похожи на распростертые крылья орла. По другой же версии, название орлики есть не что иное, как аквилегии, так как в переводе с латинского aquila и значит ‘орел’» [11]. <u>Этимология:</u> От орёл, которое, в свою очередь, от славян. <i>otzel</i>, рус. <i>orël</i>, ст.-слав. <i>огъль</i>. праславян. * <i>огъль</i>. Связано с лит. <i>etelis</i>, гот. <i>aga</i>, нем. <i>Aag</i>, более распространено <i>Adlet</i>, являющееся др.-нем. <i>Adel-ag</i> ‘вознесшийся орел’, др.-ирл. <i>ígar</i> – то же, греч. <i>ornis</i> ‘птица’, армянск. <i>отог</i> ‘чайка’, хеттск. <i>haga</i> ‘орел’, начиная от и.-е. *<i>от-</i> ‘великая птица, орел’ [10].

Convolvulus (извивающийся)
ЛЗ: 'вьющееся сорное травянистое растение'

ВЬЮНОК	BINDWEED	SVLAČEC
Результаты ПЛЭ: а) «<i>цветет вокруг чего-нибудь</i>» – 74 чел. «<i>на него садятся выюрки</i>» – 13 чел. немотивированное – 13 чел. 87/13 б) вьюн/ОК – 42 чел. вьюнок – 58 чел. 42/58	Результаты ПЛЭ: а) «<i>it's a bind plant</i>» (<i>вьющееся растение</i>) – 53 чел. «<i>it's a bind weed</i>» (<i>вьющаяся сорная трава</i>) – 47 чел. 100/0	Результаты ПЛЭ: а) немотивированное – 25 чел. 25/0 б) svlač/EC – 13 чел. svlačec – 12 чел. 13/12
ВФС₁ < МФ: ВЬЮ/н/ОК МЗ: 'растение, <которое> вьется' ЛМ₁: виться СМ₁: барвин/ОК, очит/ОК	ВФС₁ < МФ: BIND/weed МЗ: 'вьющееся растение' ЛМ₁: bind – виться	ВФС < МФ: svlač/EC МЗ: '<какое-то> растение' СМ: herman/EK, řebříč/EK
ВФС₂ < МФ: ВЬЮ/н/ОК МЗ: 'растение, <на которое садятся> выюрки' ЛМ₂: выюрок СМ₂: СМ₁ МП: виться, выюрок (НП: вьющееся растение)	ВФС₂ < МФ: BIND/WEED МЗ: 'вьющаяся сорная трава' ЛМ₂: ЛМ₁, weed – сорная трава МП: виться, сорная трава (НП: вью- щееся травянистое сорное растение)	

Фитонимическая справка: «Вьющееся растение» [12, С. 53]. «Вьюнок очень заметен. Заплетет ли откос насыпи, <i>обовьет</i> ли полынки или какие другие травы. Тонкие, вроде зеленой проволоочки, стебли <i>вьются</i> и тянутся, где как придется» [8, С. 73].	Фитонимическая справка: «...mostly twining, often weedy, grows from creeping, underground stems» («...главным образом вьющееся, часто сорное растение, растет от ползучих подземных корней») [5, С. 217].	<u>Этимология:</u> Праслав. *sъvolkъ от *sъvelkti 'связывать (вместе)', поскольку растение обвивается вокруг стебля и связывает в буквальном смысле собой другое растение. Сравни полобную мотивацию в svizel 'подмаренник' [10].
<u>Этимология:</u> –	<u>Этимология:</u> <u>WEED:</u> др.-англ. weod = др.-сакс. wīod, родственно др.-верх.-нем. wīota 'папоротник'; оригинал неизвестен. 16 в. форма bind + weed. <u>BIND:</u> др.-англ. bindan = др.-фриз. binda, др.-сакс. bindan, ср.-дат. binden, др.-верх.-нем. bintan, гот. bindan, от о.-герм. *bindan, форма и.-е. основы *bhendh- (сакс. bandh 'вить', греч. peisma <*bhendhsmā) [9].	

Каждая из зон словарной статьи характеризуется широкими информативными возможностями. Если *зона заглавного слова* носит репрезентативный характер, указывая на латинский вариант и лексическое значение фитонима, необходимые для соблюдения принципа номенклатурности наименования и его денотативной соотнесенности, то остальные зоны представлены в структуре словарной статьи более объемно и широко с информативной точки зрения.

Зона показаний метаязыкового сознания дает информацию для определения мотивационной формы слова и толкования его мотивационного значения. Результаты, полученные от информантов в ходе проведения психолингвистического эксперимента, находят отражение в метатекстах, высокая достоверность которых неоднократно подтверждалась в ряде работ по сопоставительной мотивологии (А.Д. Жакупова, 1996, 2011, 2012; Н.А. Тихонова, 2005; А.С. Филатова, 2004; А.В. Шевчик, 2011). Данные психолингвистического эксперимента дают материал для определения и иллюстрации процессов ремотивации, лексикализации ВФС. Показания языкового сознания говорящего позволяют определить, какова степень ремотивированности, демотивированности слова, причина их возникновения.

Справочная зона представлена сведениями из словарей и специальной литературы по ботанике на русском, английском и чешском языках (этимологические и фитонимические справки даны в переводе автора с английского и чешского языков).

Интерпретационная зона предоставляет информацию о мотивированных лексических единицах, благодаря которой выявляются особенности ВФС, ее компонентов, типов мотивированности, видов ВФС, соотношения мотивировочного и номинативного признаков, воздействия мотивированности слова, его внутренней формы на различные компоненты слова как в русском языке, так и в английском и чешском (подробнее см. [13. С. 85–94]).

Многоязычный мотивационно-сопоставительный словарь как словарь нового типа предоставляет материал для разработки теоретических и практических вопросов сопоставительной лексикологии, типологии славянских и романских языков, сопоставительной мотивологии, а его данные могут использоваться в преподавании русского языка как иностранного.

Литература

1. Жакупова А.Д. Модель словарной статьи «Мотивационно-сопоставительного словаря орнитонимов и фитонимов» // Вопр. лексикографии. – 2012. – № 2. – С. 66–75.
2. Савенко А.С. Особенности мотивационно-сопоставительного анализа: материал и методика // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – Сер.: Гуманит. науки (филология). 2005. – Вып. 3 (47). – С. 85–90.
3. Блинова О.И. Русская мотивология: учеб.-метод. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 46 с.
4. Головкин Б.Н. О чем говорят названия растений. – М.: Колос, 1992. – 192 с.
5. *The New Encyclopædia Britannica*. P.B. Norton, J.J. Esposito. – Vol. 1–27. – Chicago : Encyclopædia Britannica, Inc., 1994.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1964.
7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. – 2-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1994.
8. Стрижев А.Н. Русское разнотравье : справ. – М., 1995. – 575 с.
9. Onions C.T, Friedrichsen G.W.S, Burchfield R.W. *The Oxford dictionary of English etymology*. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 1025 p.
10. Jiri Rejzek. *Česky etymologický slovník*. – Praha : Leda, 2001. – 752 s.
11. <http://www.greeninfo.ru>
12. *The Oxford Illustrated Encyclopedia*. – Vol. 2. – The Natural World. Oxford University Press, 1993. – 396 p.
13. Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков как источник лингвокультурной информации // Вопр. лексикографии. – 2012. – № 1. – С. 85–94.

A PROJECT OF THE MOTIVOLOGICAL COMPARATIVE DICTIONARY OF RUSSIAN, ENGLISH AND CZECH: NAMES OF PLANTS.

Tomsk State University Journal of Lexicography, 2014, 1 (5), pp. 76-91.

Savenko Anastasiya S., Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: saven@mail.ru

Keywords: comparative motivity, lexicographic aspect, inner form of word, motivational meaning, psycholinguistic experiment.

The article points to the lexicographic experience of interpreting the word motivation conception in the comparative aspect with use of the thematic word groups of plants (on the basis of the Russian, English and Czech languages). The models of a dictionary entry of a motivological-comparative dictionary of the three languages are considered from the position of their information and source value.

The purpose of the motivological-comparative dictionary is to present motivated, semi-motivated and non-motivated vocabulary as a system as well as to give broad information about motivated lexical units.

The structure of an entry consists of the Latin name of a plant with its translation, a plant name and its lexical meaning, the results of the psycholinguistic experiment, a mark of a motivated/ non-motivated lexical unit, motivation and nomination features, phytonymic and etymological references.

This dictionary is a source for the research of lexicological and lexicographic problems. It also allows examining lexical units of the compared languages from the linguocultural point of view. This information is in the inner form of a word and in a set of motivation features of plant names. Comparison of motivated phytonyms allows defining the peculiarities of the national character and national culture of a particular ethnos that have been manifested in motivation features and in the inner form of these names.

Every zone of a vocabulary entry has broad informative and source study possibilities. The headword zone is representative. It shows the Latin variant and the lexical meaning of a phytonym. They are necessary for the nomenclature of the name and its denotative correlation.

The zone of metalinguistic consciousness statements informs about the motivational form of a word and interprets its motivational meaning. The data of the psycholinguistic experiment give some material for qualification and illustration of remotivation and lexicalization of the inner form of a word.

The referential zone consists of dictionary information and data from botany literature in Russian, English and Czech.

The interpretation zone informs about motivated lexical units, which allows analyzing the peculiarities of the inner form of a word, its components, types of motivation, correlation of motivation and nomination features, word motivation influence on different word's components in Russian, English and Czech.

Multilingual motivological-comparative dictionary as a dictionary of a new type gives information for elaboration of theoretical and practical problems of comparative lexicology, typology of Slavic and Romance languages and comparative motivology.

References

1. Zhakupova A.D. Dictionary entry model of Ornithonyms and Phythonyms Motivological Contrastive Dictionary. *Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*, 2012, no. 2, pp. 66–75. (In Russian)
2. Savenko A.S. Peculiarities of motivational comparative analysis: material and methods. *Vestnik TGPU. Seriya: gumanitarnye nauki (filologiya) – Tomsk State Pedagogical University Bulletin. The Humanities (Philology)*, 2005, no. 3 (47), pp. 85–90. (In Russian)
3. Blinova O.I. *Russkaya motivologiya* [Russian motivology]. Tomsk, Tomsk State Univ. Publ., 2004. 46 p.
4. Golovkin B.N. *O chem govoryat nazvaniya rasteniy* [What do plant names tell about?]. Moscow, Kolos Publ., 1992. 192 p.
5. The New Encyclopedia Britannica: in 32 vols. V. 1-27. Chicago, Encyclopedia Britannica, Inc., 1994.
6. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. In 4 vols. Moscow, Progress Publ., 1964.
7. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language]. In 2 vols. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1994.
8. Strizhev A.N. *Russkoe raznotrav'e: spravochnik* [Russian Herbs: A Guide]. Moscow, Drofa Publ., 1995. 575 p.

9. Onions C.T, Friedrichsen G.W.S, Burchfield R.W. The Oxford dictionary of English etymology. Oxford, Clarendon Press, 1996. 1025 p.
10. Jiri Rejzek. Český etymologický slovník. Praha, Leda, 2001. 752 p.
11. *Tsvety – The Flowers Magazine*. Available at: <http://www.greeninfo.ru> (accessed 08.04.2013).
12. The Oxford Illustrated Encyclopedia. Vol. 2. The Natural World. Oxford University Press, 1993. 396 p.
13. Savenko A.S. The Motivological Comparative Dictionary of Russian and English as a source of linguo-cultural information. *Voprosy leksikografii – Journal of Lexicography*, 2012, no. 1, pp. 85–94. (In Russian)

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК: 81'373.232

М.Г. Рыгалина

РУССКИЕ ФАМИЛИИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИИ

В статье рассматриваются русские фамилии как объект лингвокультурологического направления современной лексикографии. Обосновывается необходимость выработки специальных методов выявления и репрезентации историко-культурных сведений, транслируемых русскими фамилиями, анализируются различные виды и способы обнаружения экстралингвистической информации в структуре антропонимов. С учетом комплексного подхода к изучению языковых фактов осуществляется попытка создания полиаспектной структуры словарной статьи для «Лингвокультурологического словаря русских фамилий», проектируемого на материале официально-деловой письменности Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.

Ключевые слова: лингвокультурология, русские фамилии, лингвокультурная информация, семантико-мотивационный анализ, структура словарной статьи.

Среди многообразия отраслей, выделяемых сегодня в российской лексикографии, особое место занимает лингвокультурологическое направление, или лингвокультурология [1]. К лингвокультурологическим словарям относятся лексикографические работы, «в которых сочетаются лингвистические сведения с информацией об обозначаемых языковыми единицами культурных реалиях, а также фиксируются вербализованные представления, образы, ассоциативные связи, существующие в сознании носителей русского языка» [1. С. 306]. Не являясь совершенно новым, лингвокультурологическое направление представляет собой этап развития выделявшейся ранее лингвоэнциклопедической лексикографии, модифицируемой за счет обогащения круга объектов описания и источников фактического материала, углубления методов анализа описываемых объектов и т.д. Расширение корпуса и типологии лингвокультурологических словарей напрямую связано с активизацией исследовательского внимания к изучению языковых явлений в контексте проблематики «язык и культура» в современной отечественной лингвистике.

К одной из разновидностей лингвокультурологических словарей, по справедливому замечанию Н.А. Лукьяновой, относятся ономастики, поскольку в них «выявляется этимология исконных, заимствованных слов, субстратной лексики, а следовательно, воссоздаются первичные, прототипические представления и образы, которые связаны с тем или иным конкретным онимом или группой онимов» [1. С. 308]. Однако, создаваемые с помощью традиционного лексикографического инструментария описания языкового материала, они не преследуют специальных задач экспликации лингвокультурной информации, которая в случае необходимости извлекается аналитически. В лингвокультурологических ономастических словарях акцент на сведения историко-культурного порядка является жанрообразующим элементом, который предполагает создание специальных методов представления экстралингвистической информации, транслируемой именами собственными. Несмотря на подчеркиваемый исследователями высокий историко-культурный потенциал данных языковых объектов, разработка приемов их лингвокультурного описания, как и производство ономастических словарей собственно лингвокультурологического типа, редко оказываются в поле зрения российских исследователей.

Одним из наиболее проблемных в этом плане объектов ономастики являются русские фамилии, лексикографирование которых в последние десятилетия оказалось в центре внимания многих ономастологов ([2–9] и др.). Сложность лингвокультурнографической репрезентации фамилий связана со значительным разнообразием характера и способов обнаружения в их структуре экстралингвистической информации. Так, на самом внешнем уровне семантики языкового знака – уровне ассоциативного фона, связанного с фамилией, может быть выявлена информация лингвострановедческого плана: наличие известных носителей фамилии, прецедентный характер семейного имени. Образцы словарных статей, включающих в свою структуру дополнительную, ассоциативную информацию, вызываемую в сознании носителей языка тем или иным антропонимом, представлены в работах [10, 11] и др.

При исследовании исторического контекста бытования фамилий эксплицируются экстралингвистические сведения социолингвистического характера. Изучение их географической и социальной закреплённости позволяет оценить межтерриториальные связи, про-

следить пути миграции населения, выявить особенности общественного устройства, хронологию и специфику протекания экономических процессов. Данная информация включается в словарную статью, как правило, в виде иллюстративного материала, извлеченного из архивных актов и отражающего соотнесенность фамилии с социальным статусом, этнической и территориальной характеристикой ее носителя (см. работы [12, 13] и др.).

Но историко-культурная специфичность фамилий, как и других имен собственных, не сводится только к закреплению за ними фонетической информации. По общему признанию исследователей, наиболее ценной с точки зрения лингвокультурного потенциала составляющей в имени собственном как «знаке вторичной номинации» (термин В.Н. Телия [14]) является его мотивирующая основа, т.е. внутренняя форма. Поскольку в акте номинации при выделении признака, который лежит в основе наименования, большую роль играют материальная и духовная культура, в контексте которых возникает данное обозначение [15. С. 58–59], то внутренняя форма слова трактуется как выражение национальной специфики языка, определенного видения мира, свойственного тому или иному народу. Такое понимание внутренней формы позволяет рассматривать этимологический анализ как один из основных методов «выявления идиоэтнической специфики имени, базирующегося на рассмотрении глубинных конструктивных принципов организации ономастического» [16].

При этом лингвокультурный потенциал основ русских фамилий, восходящих в большинстве своем к исконной апеллятивной лексике, может быть обнаружен на самых разных уровнях семантики мотивирующей основы. Это согласуется с современным взглядом на границы сферы значения слова, в которые включаются не только элементы, получившие формальное языковое воплощение, – денотат, лексические коннотации, но и не нашедшие отражения в языке – культурные коннотации [17. С. 162].

В существующей практике лексикографирования русских фамилий их этимологическая реконструкция чаще всего ограничивается выявлением денотативного компонента значения апеллятива, к которому восходит та или иная описываемая фамилия. На его основе эксплицируется информация этнографического характера, а антропонимы рассматриваются как хранители архаических, исчезнувших из быта и языка народа или локально ограниченных слов и понятий.

В словарях русских фамилий данные сведения находят отражение в форме этимологической справки, традиционно являющейся неотъемлемым компонентом словарных статей подобных работ.

Попытка выйти на более глубокий уровень сосредоточения в фамилиях внеязыковой информации, ее поиск на уровне коннотаций проявляются во включении в словарную статью комментария по поводу экстралингвистических причин использования того или иного мотивирующего признака в номинации (см. словари [5, 7] и др.) При этом неоднократно подчеркиваемый факт безвозвратной утраты связей фамильных основ с контекстом номинации не останавливает ономастологов, увлеченных идеей «проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир» [18. С. 45]. В связи с этим довольно часто в словарях русских фамилий используется «метод догадки о мотиве номинации» на основе жизненного опыта и знаний исследователя, который, разумеется, не может дать научно значимых результатов [19. С. 115].

В то же время представляется, что для экспликации лингвокультурного потенциала фамильных основ, обнаружения глубинных конструктивных принципов фамильной номинации могут применяться и иные, более продуктивные, методы, например семантико-мотивационный анализ корпуса антропонимов. Теоретико-методологической основой данного метода является мысль о том, что отношения производности в языке характеризуются системностью, повторяемостью и регулярностью, которые проявляются «в существовании мотивационных моделей, охватывающих не единичные пары слов, а целые классы» [20. С. 114]. Согласно заявленному методу русские фамилии на основе обобщения семантики их основ, выявляемой путем этимологической реконструкции, группируются в семантические мотивационные модели, понимаемые как схемы наименования человека в одной из его сущностных характеристик. В соответствии с базовым тезисом антропоцентрической лингвистики о том, что «чем важнее в культурном отношении понятие, тем больше и детальнее оно параметризовано» [18. С. 45], выделяются более и менее аксиологически значимые образы и понятия, отраженные в основах русских фамилий. При этом установление связи между фактом активности использования в номинации одного и того же знака и сферой этнокультурных ценностей сопровождается лингвокульту-

рологическим комментарием, т.е. обращением «к экстраязыковым сущностям – ментальным образам, мифологическим представлениям, ритуальной сфере или практическому опыту» [20. С. 121].

Однако стоит отметить, что изложенный метод не претендует на статус единственно возможного при лингвокультурологическом и лингвокультурографическом описании русских фамилий. Напротив, современный комплексный подход к изучению языкового материала предполагает использование различных оптимальных средств и способов его интерпретации, что обусловлено пониманием структуры языкового знака как многоуровневого явления, а следовательно, разнородности лингвокультурной информации, обнаруживаемой на разных ее уровнях.

Данному подходу соответствует особая полиаспектная структура словарной статьи, которая разработана нами для «Лингвокультурологического словаря русских фамилий». В качестве источников эмпирической базы данного проекта использованы рукописные памятники официально-деловой письменности Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в., находящиеся в Центральном хранилище архивных фондов Алтайского края¹. Обращение к историко-

¹ В работе использованы: Именные списки Барнаульского уезда Белоярской слободы. 1782 г. На 426 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 188; Именные списки крестьян и мещан, живущих по уездам в деревнях Колыванской губернии 1782 г. На 97 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 184; Именные списки купцов, мещан и их семей, живущих в Бийском уезде. 1796 г. На 227 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 874; Именные списки населения Барнаульской слободы Колыванского наместничества. 1795 г. На 311 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 811; Именные списки населения Бийского уезда Колыванской губернии. 1795 г. (Боровлянская слобода). На 223 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 818; Именные списки населения Шадринской слободы Колыванского наместничества. 1795 г. На 282 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 832; Именные списки переписи населения Колыванской губернии по 4-й ревизии. 1782 г. (г. Барнаул). На 248 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 226; Ревизские сказки переписи населения Колыванской губернии по 5-й ревизии. 1795 г. На 136 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 822; Ревизские сказки переписи населения Колыванской губернии по пятой ревизии. 1795 г. (Тальменская слобода). На 260 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 834; Ревизские сказки переписи населения по 5-й ревизии Колыванской губернии. 1795 г. (Белоярская слобода). На 368 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 819; Ревизские сказки переписи населения по 5-й ревизии Колыванской губернии. 1795 г. (Бийская слобода). На 216 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 825; Ревизские сказки переписи населения по 5-й ревизии Колыванской губернии. 1795 г. (Усть-Чумышская слобода). На 226 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 833; Списки населения Колыванской губернии по переписи 4-й ревизии. 1782 г. (Бийская слобода). На 394 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 231; Списки населения Колыванской губернии, составленные 4-й ревизией 1782 г. (Белоярская слобода). На 399 л. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 221.

региональным языковым фактам обусловлено сложившейся в современной антропонимике тенденцией освоения не исследованного ранее территориально и хронологически локализованного антропонимического материала. Это не только содействует составлению отсутствующего до сих пор полного инвентаря русских фамилий, но и позволяет представить содержательное своеобразие регионального антропонимикона.

В структуру словарной статьи, призванной наиболее объемно отразить экстралингвистический потенциал рассматриваемых фамилий, включены следующие информационные блоки:

- заголовочная единица;
- блок историко-региональной информации;
- этимологический блок;
- лингвокультурологический блок.

В качестве заголовочной единицы выступает русская фамилия, которая приводится в форме мужского рода именительного падежа единственного числа. Отсутствие указания ударения в фамилиях, грамматических, лексических, стилистических и других помет вызвано спецификой лексикографируемого материала.

Блок историко-региональной информации открывается иллюстративным примером бытования фамилии в документах Кольваново-Воскресенского горного округа конца XVIII в. В иллюстрирующий фрагмент текста включаются: полная антропонимическая формула носителя фамилии, его административно-территориальная прикреплённость в момент фиксации данных в памятнике письменности, время создания документа и ссылка на свидетельствующий источник. Иллюстративный материал, как и фамилия, вынесенная в заголовок словарной статьи, представлены в аутентичной орфографии памятников официально-деловой письменности конца XVIII в. В данный блок словарной статьи включены также сведения о более ранней фиксации фамилии и ее основы в других регионах Российского государства. Их составляют данные о месте (город, регион) проживания носителей фамилии и времени фиксации фамилии в документе, извлеченные из словарей русских фамилий, прозвищ и некалендарных имен. Содержание блока историко-региональной информации позволяет восстановить социокультурный фон бытования фамилии, сделать предварительную оценку уникальности / вторич-

ности описываемой фамилии, а в связи с этим уточнить возможные направления внутренней миграции ее носителя.

Этимологический блок информации словарной статьи содержит одну или несколько гипотез о характере основы фамилии и ее семантической реконструкции. Для установления семантики апеллятива, к которому восходит ее основа, источниками являлись толковые, исторические, диалектные, этимологические, антропонимические словари. Посредством справки об этимологии фамильной основы в словарную статью вводится информация о материальной культуре, отраженная на денотативном уровне апеллятива, к которому восходит описываемая фамилия. Ее составляют преимущественно этнографические и исторические сведения об определенных реалиях, предметах, профессиях, социальных характеристиках и др., понятия и названия которых вышли из общего употребления. Их подача заключается в объяснении того или иного историзма или архаизма, содержащих необходимый минимум экстралингвистической информации о понятии. В случае если фамильная основа образована от неличного наименования, в данный блок могут быть включены переносные значения слова, т.е. лексические коннотации, сопровождающие апеллятив и отраженные в словарях. На основе данных значений делается предположение о возможных мотивационных признаках номинации – различных чертах и свойствах личности именуемого.

Лингвокультурологический блок информации отражает выводы о этнокультурной значимости, гипотетических причинах использования лексики с тем или иным значением в фамильной номинации. Основным мотивом ее регулярности признается актуальное информационное пространство языковой общности – географический и социальный контекст народной жизни, этические и эстетические нормы этнического коллектива. О данных мотивах можно говорить постольку, поскольку «специфика местных условий жизни накладывает особый индивидуализированный отпечаток на ономастику <...> народа, придавая неповторимость ее спектру» [21. С. 18]. Однако не меньшее значение для объяснения продуктивности использования определенных групп лексики в номинации человека могут иметь внутренние причины соотношения человека с тем или иным понятием или образом, восходящие к мифопоэтической народной традиции. О том, что основы русских фамилий – некалендарные имена,

прозвища – являются проводниками культурно обусловленных смыслов реалий этнической жизни, свидетельствуют глубинные связи между именем, имянарекением и мифом, установленные древним мифологическим мышлением [22]. Источниками лингвокультурологического комментирования фамильных основ являлись материалы словарей, энциклопедий и монографических трудов, статей по истории России, русского быта и нравов, славянской мифологии.

В качестве примера лингвокультурографического описания русских фамилий жителей Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в. представим образцы отдельных словарных статей.

Баюнов Иван Андреев Баюнов, д. Баюновой Белоярской слободы, 1782 г. (Д. 221. Л. 4). Факты более ранней фиксации фамилии и ее основы: в 1680 г. на Урале [13]¹.

Основа фамилии восходит к апеллятиву *баюн* – «говорун, рассказчик» (Перм., 1848 г., Вят., Твер., Яросл., Влад., Костром., Ворон., Урал., Якут.); «прозвище говорливого человека, красная» (Курган., Тобол., 1896 г., Том., Перм., Олон., Вят., Волог., Твер., Яросл., Костром., Новг., Казан., Нижегород.) [23. С. 166].

Наименования человека по его речевым особенностям обладают высокой продуктивностью в качестве основ русских фамилий, поскольку данные качества осмысляются как наиболее универсальные и типичные в поведении человека. В сфере прагматического народного восприятия понятие, выражаемое глаголом *баяти* – «рассказывать басни, вымыслы» (XV в.); «говорить, болтать» (XVII в.) [24. С. 83], от которого образовано слово *баюн*, могло оцениваться негативно, как интеллектуальная ущербность, препятствие для продуктивного труда, обеспечения жизни. Подтверждение этому находим в русских паремических текстах эпохи, близкой ко времени оформления фамилий. Ср., например: *Много знай, да мало бай! Много баить не подобает; Складно бает, да дела не знает* [25. С. 255–261]. О мифопоэтических значениях данной номинации свидетельствует особая значимость говорения в народной традиции. Процесс говорения представляется древним творческим началом: «произнесенное слово заключало в себе образ тотема», и акт называния детерминировал его прибытие, его живое присутствие [26. С. 36–37]. Данный

¹ Здесь и далее номера ссылок, приведенных в примерах словарных статей, соотнесены с общей нумерацией источников списка литературы настоящей статьи и могут не совпадать с соответствующими номерами ссылок в проектируемом словаре.

факт подтверждается наличием у слова *баяти*, к которому восходит указанный апеллатив, помимо значений говорения, более древнего значения, указывающего на соотнесенность говорения с магической практикой, ср. *баяти* – «ворожить (наговорами, заклинаниями)» (1073 г.) [24. С. 83]. Ср. также в связи с этим имя фольклорного персонажа: *Кот-баюн* (Арх., Вят.) [23. С. 166].

Бердников *Михаило Савинов Бердников г. Барнаула, 1782 г.* (Д. 226. Л. 104). Факты более ранней фиксации фамилии и ее основы: в 1623, 1647 гг. в Приуралье [7. С. 30], в 1627 г. в Белеве [27. С. 36], в 1629 г. в Болхове [28. С. 47], в 1680 г. на Среднем Урале [13], в 1668–1719 гг. в Зауралье [6. С. 56].

Основа фамилии может восходить к одному из омонимичных апеллативов. 1. *Бердник* – «бердный мастер» (1500 г.) [24. С. 140], т.е. мастер, изготавливающий берда – «детали ткацкого стана, род гребня, для прибоа утока, для чего каждая нить основы продета в набор или зубья берда» [29. Т. 1. С. 121]. 2. *Бердник* – «войсковой начальник у татар» (1660 г.) [24. С. 140–141]. Учет историко-культурных оснований номинации позволяет оценить первую этимологическую гипотезу как более достоверную.

Наименования человека по его «профессиональной» характеристике широко распространены в русской антропонимической номинации в силу ее большой социальной идентифицирующей роли. Особую продуктивность среди них имели названия ремесленников, которые в традиционной культуре связывались с наличием уникальных знаний, «закрытых», тайных для непосвященных, что нередко порождало мифологические представления об отдельных традиционных занятиях [30. Т. 4. С. 423–424]. Статус ремесленных профессий определялся представлением о магических свойствах предметов, которые обрабатывались, создавались в процессе деятельности или при помощи которых воздействовали на вещество. Такое положение в традиционной культуре мог занимать образ бердника, который, с одной стороны, являлся обработчиком дерева – наиболее ритуализированного природного материала: предметы из него выполняли в обрядности продуцирующую, профилактическую и апотропеическую функции [30. Т. 2. С. 65]. С другой – он был изготовителем берда – детали ткацкого станка, гребня, служащего для разделения нитей основы, которое, как и другие орудия ткачества, являлось инструментом народной магии [30. Т. 1. С. 154]. В связи с этим назва-

ние бердника могло содержать культурные коннотации, использоваться в качестве оберега.

Блинов *Афонасей Петров Блинов, д. Талицы Белоярской слободы, 1782 г.* (Д. 188. Л. 278). Факты более ранней фиксации фамилии и ее основы: в середине XV в. [27. С. 40], в 1485–1505 гг. [28. С. 49], в 1518–1519 гг. в Карелии [5. С. 49], в 1623 г. в Приуралье [7. С. 32], в 1663–1719 гг. на Урале [13], в 1710 г. в Зауралье [6. С. 62].

Основа фамилии восходит к апеллятиву *блин* – род хлебного из жидко растворенного пресного или кислого теста, поджаренного лепешкой на сковороде, изготавливаемого из пшеничной, ячневой, овсяной, гречневой муки [29. Т. 1. С. 134]. Фамильная основа может характеризоваться как неязыковой мотивированностью, так и условностью номинации. В пользу того, что фамилия восходит к метафорически мотивированной основе, выступает распространенность в языке употребления слова *блин* по отношению к человеку, например, по его внешним данным, ср. *рожа, что блин* (Карел.) [5. С. 49]; *От лени губы блином обвисли*; по поведенческим особенностям, ср. *Блином масляным в рот лезет, льстит*; *Как блины, со сковороды, наподхват* [29. Т. 1. С. 134–135]. Условность номинации подтверждается историческими данными: ср. семантические пары в антропонимических формулах, которые свидетельствуют о традиционном характере называния, *Оладья Блинов, 1498 г.* [28. С. 287–288], *Лев Данилович Оладья Блинов Монастырев, XV в.* [27. С. 230].

Использование лексики со значением блюд, продуктов питания обладает высокой продуктивностью в антропонимической номинации. Регулярность употребления данного признака обусловлена тем, что пища является наиболее близкой семантической сферой по отношению к человеку, поскольку удовлетворяет его первичные потребности. Этнокультурная уникальность «гастрономических» наименований кроется в выборе для антропонимических основ по преимуществу названий национальных, а также ритуальных блюд русской кухни, вероятно, в качестве оберегов. Апотропейной функцией могло характеризоваться и данное имя, поскольку основная символика блинов в народной традиции связана с представлением о смерти и потустороннем мире [30. Т. 1. С. 193–196].

Бобрецов *Иван Федоров Бобрецов, д. Черемной Подгорной Шадринской слободы, 1795 г.* (Д. 832. Л. 118). Фамилия и ее основа

не отмечены ни в одном из проанализированных источников, содержащих документированные сведения.

Основа фамилии восходит к апеллятиву *бобрец*, образованному от *бобр* – «бобр» (1389 г.); «шкурка, мех бобра» (1279 г.) [24. С. 253] и суффикса *-ец*, с помощью которого в древнерусский и старорусский периоды отсубстантивные неличные имена возникали в качестве дублетов производящих слов [31. С. 104]. Вероятно, фамильная основа представляла собой метафорическое прозвище, мотивом которого могло послужить сближение человека с образом бобра на фоне отдельных приписываемых животному народной традицией качеств, например цветовой символики, ср. зафиксированное в говорах *бобр* – «прозвище человека (за черный цвет волос)» (Яросл., 1899 г.) [32. С. 38], или психических особенностей: в восточнославянском фольклоре бобр наделяется добротой (возможно, основано на ассонансе *доброта бобра*) и плаксивостью [30. Т. 1. С. 200].

Использование «зооморфной» лексики отличается высокой продуктивностью в антропонимической номинации, что является ономастической универсалией, т.е. справедливо для большинства национальных языков и культур. Своеобразие зооморфных образов в национальных ономастиконах состоит в выборе названий животных, наиболее распространенных и значимых в фауне той природной зоны, на территории которой человек проживает. Бобр, представляющий ценность для охотничьего хозяйства, пушного промысла, занимал важное место в материальной культуре русского народа. Однако в антропонимии название бобра могло использоваться и в связи с рядом культурных значений, закрепленных в славянской традиции за данным животным, среди которых – брачная и эротическая символика [30. Т. 1. С. 199–200]. Они могли послужить основой для охранительного и пожелательного наименования.

Специальное привлечение русских фамилий в качестве объекта словаря лингвокультурологического типа представляет собой взаимное обогащение сразу нескольких ведущих отраслей современной лингвистики. Ономастика является «поставщиком» свежего фактического материала; в русле лингвокультурологии создаются новые теоретические основы и методы анализа имен собственных; посредством лексикографии разрабатываются принципы презентации их лингвокультурологического потенциала перед общественностью.

Литература

1. Лукьянова Н.А. Лингвокультурология в системе современной российской лексикографии (90-е гг. XX – начало XXI в.) // *Texne grammaticae* (Искусство грамматики). – Новосибирск, 2006. – Вып. 2. – С. 303–326.
2. Житников В.Ф. Фамилии уральцев и северян: опыт сопоставления антропонимов, образованных от прозвищ, в основе которых лежат диалектные апеллятивы. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1997. – 172 с.
3. Королева И.А. Словарь фамилий Смоленского края. – Смоленск : Смол. гос. пед. ун-т, 2006. 368 с.
4. Короткевич М.А. Словарь фамильных образований владимирских и рязанских памятников письменности XV–XVII вв. – Уфа : Вагант, 2009. – 112 с.
5. Кюришнова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. – 672 с.
6. Парфенова Н.Н. Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII веков (по архивным источникам Зауралья). – М. : Синергия, 2005. – 480 с.
7. Полякова Е.Н. К истокам пермских фамилий: словарь. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1997. – 276 с.
8. Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь : Книжный мир, 2005. – 462 с.
9. Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: этимологический словарь. – Вологда : Волог. гос. пед. ин-т : Русь, 1995. – 122 с.
10. Митрофанов В.А. Современные русские фамилии как объект лингвистики, ономастики и лексикографии : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 226 с.
11. Отин Е.С. Иванов // *Русская ономастика и ономастика России: словарь* / под ред. О.Н. Трубачева. – М. : Школа-Пресс, 1994. – С. 91–92.
12. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М. : Наука, 1979. 279 с.
13. Мосин А.Г. Словарь уральских фамилий [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2000. – Режим доступа: <http://www.okorneva.ru/proishojdenie-familiy-kamyshlovskogo-uezda-slovar-uralskih-familiy/>
14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
15. Кияк Т.Р. О «внутренней форме» лексических единиц // *Вопр. языкознания*. – 1987. – № 3. – С. 58–87.
16. Березович Е.Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987–1998 гг.) [Электронный ресурс] // *Изв. Урал. ун-та. Екатеринбург*, 1999. – Режим доступа: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0013%2801_02-1999%29&xsln=showArticle.xslt&id=a11&doc=../content.jsp
17. Толстой Н.И., Толстая С.М. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. **vessel*-) // *Славянское языкознание. XI Междун. съезд славистов: докл. рос. делегации*. – М., 1993. – С. 162–186.
18. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового создания // *Вопр. языкознания*. – 2002. – № 4. – С. 42–72.

19. Еремина Е.С. Отражение диалектных черт в современных русских фамилиях (на материале фамилий жителей г. Волгограда) : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 300 с.
20. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3). – С. 112–127.
21. Суперанская А.В. К проблеме типологии антропонимических основ // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М. : Наука, 1988. – С. 8–19.
22. Топоров В.Н. Имена // Мифы народов мира : энцикл. – М., 1980. – Т. 2. С. 508–510.
23. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М.; Л. : Наука, 1966. – Вып. 2. 316 с.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз.; АН СССР. – М. : Наука, 1975. – Вып. 1. – 372 с.
25. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М. : ЭКСМО-Пресс : Изд-во ННН, 2002. – 616 с.
26. Маковский М.М. «Картина мира» и миры образов: Лингвокультурологические этюды // Вопр. языкознания. – 1992. – № 6. – С. 36–53.
27. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М. : Наука, 1974. 382 с.
28. Туников Н.М. Словарь древнерусских личных имен. – СПб., 1903. – 857 с.
29. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 2 т. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
30. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012.
31. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / Академия наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1984. – 248 с.
32. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Л. : Наука, 1968. – Вып. 3. – 360 с.

RUSSIAN SURNAMES AS AN OBJECT OF LINGUISTIC CULTUROGRAPHY.

Tomsk State University Journal of Lexicography, 2014, 1 (5), pp. 92–107.

Rygalina Mariia G., Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: bochmariya@yandex.ru

Keywords: linguistic culturography, Russian surnames, linguocultural information, semantic-motivational analysis, structure of dictionary entry.

The article considers Russian surnames as an object of linguistic culturography, which is a linguoculturological branch of modern lexicography. This branch supposes a combination of the linguistic data with the information about cultural realia which are represented by language units. The linguoculturological potential of surname dictionaries is confirmed by their focus on the recreation of the underlying, prototypal notions and images connected with one anthroponym or another. Herewith, arguments are given for the need in the elaboration of specific methods which will allow revealing and representing historical and cultural data translated by surnames.

The reason of the difficulty of the linguistic culturographic description of surnames is connected with the diversity of types and ways of explicating extralinguistic information in the surname structure.

Among them, the motivating basis of surnames, their inner form, is acknowledged to be the most valuable source of historical and cultural data. In modern linguistics this inner form is considered to be the expression of the language national specificity, certain view of the world characteristic for a nation.

The article describes one of the methods of explication of historical and cultural data which are translated via different semantic components of surname stems – the semantic-motivational analysis of anthroponyms. Its theoretical and methodological basis is the idea that there is a system of derivative relations in the language and there is a connection between the repeated use of one and the same sign in nomination and the sphere of ethno-cultural values. The conclusions made with this method are taken into account when writing dictionary entries for *The Linguoculturological Dictionary of Russian Surnames* which is designed on the basis of the formal written language of the Kolyvan-Voskresensk mining district of the end of the 18th century. A special poly-aspect structure was created in order to most fully reflect the extralinguistic potential of the surnames studied. Aside from the headword, a dictionary entry contains:

- a historical regional information block which allows revealing the socio-cultural background of the surname being;
- an etymological block which introduces ethnographic and historical information;
- a linguoculturological block which contains conclusions about the productivity, axiological significance, hypothetical ethno-cultural reasons of the vocabulary usage with one meaning or another in surname nomination.

The article presents samples of certain dictionary entries as an example of linguistic culturography description of Russian surnames of the Kolyvan-Voskresensk mining district residents of the end of the 18th century.

References

1. Luk'yanova N.A. Lingvokul'turografiya v sisteme sovremennoy rossiyskoy leksikografii (90-e gg. 20 – nachalo 21 v.) [Lingvo-culturography in the system of modern Russian lexicography (1990th – early 21st century)]. *Texne grammatike (Iskusstvo grammatiki)*. Novosibirsk, NGU, Orthodox Gymnasium of St. Sergius of Radonezh Publ., 2006, no. 2, pp. 303–326.
2. Zhitnikov V.F. *Familii ural'tsev i severyan: opyt sopostavleniya antroponimov, obrazovannykh ot prozvishch, v osnove kotorykh lezhat dialektnye apellyativy* [Surnames of Uralians and Northerners: comparison of anthroponyms derived from the nicknames that are based on dialect appellatives]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 1997. 172 p.
3. Koroleva I.A. *Slovar' familii Smolenskogo kraya* [The Dictionary of Surnames of Smolensk Region]. Smolensk, SGPU Publ., 2006. 368 p.
4. Korotkevich M.A. *Slovar' famil'nykh obrazovaniy vladimirskikh i ryazanskikh pamyatnikov pis'mennosti XV–XVII vv.* [The Dictionary of Surname Formations in Vladimir and Ryazan Literary Texts of the 15th – 17th centuries]. Ufa, Vagant Publ., 2009. 112 p.
5. Kyurshunova I.A. *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvishch i famil'nykh prozvaniy Severo-Zapadnoy Rusi XV–XVII vv.* [The Dictionary of Non-Calendar Personal Names, Nicknames and Family Names in Northwest Rus' of the 15th – 17th centuries]. Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2010. 672 p.

6. Parfenova N.N. *Slovar' russkikh familiy kontsa XVI–XVIII vekov (po arkhivnym istochnikam Zaural'ya)* [The Dictionary of Russian Surnames of the late 16th – 18th centuries (by Trans-Urals archival sources)]. Moscow, Sinergia Publ., 2005. 480 p.
7. Polyakova E.N. *K istokam permskikh familiy: slovar'* [To the origins of the Permian surnames: dictionary]. Perm, Perm Univ. Publ., 1997. 276 p.
8. Polyakova E.N. *Slovar' permskikh familiy* [The Dictionary of Perm Surnames]. Perm, Knizhnyy mir Publ., 2005. 462 p.
9. Chaykina Yu.I. *Vologodskie familii: Etimologicheskii slovar'* [Vologda Surnames: An Etymological Dictionary]. Vologda, VGPI, Rus' Publ., 1995. 122 p.
10. Mitrofanov V.A. *Sovremennye russkie familii kak ob"ekt lingvistiki, onomastiki i leksikografii. Dis. kand. filol. nauk* [Modern Russian surnames as the object of linguistics, onomastics and lexicography. Philol. Cand. Diss]. Moscow, 1995. 226 p.
11. Otin E.S. *Ivanóv* [Ivanov]. In: *Russkaya onomastika i onomastika Rossii. Slovar'* [Russian onomastics and onomastics of Russia]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1994, pp. 91–92.
12. Baskakov N.A. *Russkie familii tyurkskogo proiskhozhdeniya* [Russian surnames of Turkic origin]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 279 p.
13. Mosin A.G. *Slovar' ural'skikh familiy* [The Dictionary of Ural Surnames]. Ekaterinburg, 2000. Available at: <http://www.okorneva.ru/proishozhdenie-familiy-kamyshlovskogo-uezda-slovar-uralskih-familiy/> (accessed 08.04.2014).
14. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 288 p.
15. Kiyak T.R. O "vnutrenney forme" leksicheskikh edinits [On the inner form of lexical units]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 1987, no. 3, pp. 58–87.
16. Berezovich E.L. *Etnolingvisticheskaya problematika v rabotakh po onomastike (1987–1998 gg.)* [Ethnolinguistic issues in works on onomastics (1987 – 1998)]. *Izvestiya Ural'skogo Universiteta. Gumanitarnye nauki*, 1999, no.13, pp. 128–142.
17. Tolstoy N.I., Tolstaya S.M. [Word in the ritual text (cultural semantics of the slav. *vessel-)]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XI Mezhdunarodnyy s"ezd slavistov. Doklady rossiyskoy delegatsii* [The 11th International Congress of Slavists "Slavic linguistics". Reports of the Russian delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 162–186. (In Russian).
18. Vendina T.I. Slovoobrazovanie kak istochnik rekonstruktsii yazykovogo soznaniya [Word formation as a source of linguistic consciousness reconstruction]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 2002, no. 4, pp. 42–72.
19. Eremina E.S. *Otrazhenie dialektnykh chert v sovremennykh russkikh familiyakh (na materiale familiy zhitel'ey g. Volgograda). Dis. kand. filol. nauk* [Dialectal features as reflected in modern Russian surnames (based on the surnames of Volgograd residents). Philol. Cand. Diss]. Volgograd, 2005. 300 p.
20. Tolstaya S.M. Motivatsionnye semanticheskie modeli [Semantic-motivational modals]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2002, no. 1 (3), pp. 112–127.
21. Superanskaya A.V. *K probleme tipologii antroponimicheskikh osnov* [On the problem of typology of anthroponomical bases]. In: *Onomastika. Tipologiya. Stratigrafiya* [Onomastics. Typology. Stratigraphy]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 8–19.
22. Toporov V.N. *Imena* [Names]. In: *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the world: An Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1980, vol. 2, pp. 508–510.

23. Filin F.P., Sorokoletov F.P. (eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Vernaculars]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, Issue 2. 316 p.
24. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.: v 28 tomakh* [The Dictionary of the Russian Language in the 11th–17th centuries. In 28 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1975, Issue 1. 372 p.
25. Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Russian proverbs]. Moscow, EKSMO-Press Publ., NNN Publ., 2002. 616 p.
26. Makovskiy M.M. "Kartina mira" i miry obrazov: Lingvokulturologicheskie etyudy ["Picture of the world" and the worlds of images: Linguoculturological sketches]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1992, no. 6, pp. 36–53.
27. Veselovskiy S.B. *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvishcha i familii* [Onomasticon. Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 382 p.
28. Tupikov N.M. *Slovar' drevne-russkikh "lichnykh" imen"* [The Dictionary of Old Russian Proper Names]. Saint-Petersburg, I.N. Skorokhodov Publ., 1903. 857 p.
29. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. In 2 vols.
30. Tolstoy N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995–2012.
31. Azarkh Yu.S. *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo yazyka* [Word formation and form-building of nouns in the Russian language history]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 248 p.
32. Filin F.P., Sorokoletov F.P. (eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Vernaculars]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, Issue 30. 360 p.

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 811.161.1.374

О.И. Блинова

ВИКТОР АСТАФЬЕВ О СЛОВЕ И СЛОВАРЯХ¹

Автор статьи, опираясь на широкий круг источников (художественную прозу, очерки, письма Виктора Астафьева и личные встречи с ним) раскрывает читателю взгляды великого писателя на СЛОВО и СЛОВАРИ, на восприятие и оценку слова, разговорного, бытового и художественного поэтического.

Ключевые слова: слово, роль слова, поэтическое слово, словарь.

Настало время ценить... самое дорогое,
что у нас еще есть, – наше родное слово –
основу основ нашей жизни.

Виктор Астафьев

Дорогие друзья – Томичи!

Дорогая О.И. Блинова!

Лёгкая у вас рука у всех и добрый характер. «Словарь»² вы мне прислали к самому разу – я работаю над второй книгой романа³ и ваш труд очень мне поможет, да и уже помогает в работе. Живу я сейчас и работаю в деревне, всего из города не захватишь, и вот как вы ловко мне помогли.

Спасибо, спасибо!

Рад, что несмотря на все неурядицы научная работа продолжается и вы делаете Богом назначенное дело. Низко кланяюсь всему вашему коллективу, работающему над словарем. Не забывайте меня, а я с чувством благодарности думаю о вас и желаю вам доброго здоровья, исполнения всех ваших желаний и творческих поисков.

Храни вас Бог!

Ваш Астафьев.

21 июня 1993 г. С. Овсянка [1. С. 444].

¹ Под этим названием предлагается читателю расширенный вариант ранее опубликованной статьи автора в кн.: Астафьевские чтения (ноябрь 2008). Время «Весёлого солдата»: Ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. Пермь, 2009. С. 47–61.

² Имеется в виду «Полный словарь сибирского говора» (ред. О.И. Блинова. Томск, 1992. Т. 1).

³ Роман «Прокляты и убиты».

Содержание письма, с которого началась наша переписка, и предваряющего статью эпиграфа говорят не только о трепетном отношении писателя к словарному труду, но и дают высшую оценку СЛОВУ: «ОСНОВЕ ОСНОВ нашей жизни».

В связи с этим уместно напомнить слова А.С. Пушкина: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства». Они применимы ко всему, что оставил потомкам Астафьев, – к строкам его художественных произведений.

Предваряющий статью эпиграф явился толчком к постановке проблемы астафьевского слова – главного средства его творчества, исследование которого позволило бы дать хотя бы частичный ответ на ряд вопросов: каковы истоки астафьевского слова, оценка и отношение к слову, роль слова в обществе и в литературных произведениях и многие-многие другие, системное изучение которых по тем или иным направлениям, проблемам, аспектам приблизило бы к постижению «многогранной личности великого поэта России, писавшего прозой» [2. С. 224].

В комментарии к двенадцатому тому собрания сочинений Астафьев с сожалением отметил: *«Вот составил книгу и обнаружил, как мало писал и беседовал я о нашем русском языке... совсем мало писал о театре и музыке, а ведь жил ими, укреплялся ими, да и существовал, обогащаясь духовно»* [3. Т. 12. С. 605].

Ответы на поставленные вопросы об астафьевском слове даст его богатое художественное наследие, а высказывания писателя о слове придется собирать по крупицам в ранее названных источниках. Редкое исключение в этом плане представляет очерк Астафьева «Очарованные словом» [3. Т. 12. С. 83–93], составивший основной источник для настоящей статьи.

Поводом к появлению очерка стала просьба автора статьи, обращенная к писателю, принять участие в общественном обсуждении работы диалектологов Томского университета, выдвинутой на соискание Государственной премии РФ 1997 г. Работа «Комплексное исследование русских говоров Среднего Приобья (1964–1995 гг.)» включала ряд среднеобских словарей, с которыми В. Астафьев был хорошо знаком. Очерк был впервые опубликован в 1997 г. в газете «Российские вести», перепечатан в журнале «Студенческий меридиан», а затем включен в собрание сочинений писателя.

Материалы очерка, огромное литературное наследие писателя позволяют составить представление о том, что есть для Астафьева СЛОВО – слово обыденной речи и слово художественное – и как он оценивал роль СЛОВАРЕЙ.

* * *

Каждый человек начинается с детства. Детство Вити Астафьева прошло в селе Овсянка Красноярского края, в окружении сибирской природы, на берегу могучего Енисея с его скалистыми берегами. Обладая уникальной памятью, мальчик вынес из детства знание образной сибирской речи, впитал крестьянскую материальную и духовную культуру, усвоил трепетное отношение, любовь к природе. В детстве произошла знаковая для будущего мастера слова встреча с учителем-словесником Игнатием Дмитриевичем Рождественским, пробудившим и воспитавшим в мальчике дар «очарования словом».

«В тридцатых годах, – вспоминает писатель, – в далекой заполярной игарской школе появился высокий чернявый парень в очках. <...> Он начал нам рассказывать о русском языке, о его красоте, богатстве и величии. Нам и прежде рассказывали обо всем этом, но так тягуче и скучно... что в наши удалые головы ничего не проникало и сердца не трогало.

А этот учитель говорил, все больше распаляясь, читал стихи, приводил пословицы и поговорки, да одну другой складнее, и, дойдя до слова "яр", усидеть на месте не мог, метался по классу, горячо жестикулировал... и выходило, что слово "яр" есть самоглавнейшее и красивейшее слово на свете и в русском языке, ведь и название городов – Ярославль, Красноярск – не могло обойтись без "яра", и берег обрывистый зовется яр, да и само солнце звалось Ярило, яровое поле – ржаное поле, яровица, ярица, которую весной сеют, ярый, яростный человек... а ярка, с которой шерсть стригут? <...> Поняли мы: без слова "яр" не то что ни дыхнуть, ни охнуть, но и вообще дальше жить невозможно...

"Очарование словом" – не сразу, не вдруг определил я чувство, овладевшее нами, учениками школы...» [3. Т. 12. С. 83–84].

Это чувство ляжет в основу эстетического кредо писателя, воплотившись в опозитизацию слова обыденного и художественного [4–6].

Характеризуя состояние русского языка второй половины XX в., Астафьев с болью говорит о таких уродливых явлениях, как безудержная жаргонизация и криминализация устной речи, бездумное заимствование иностранных слов («инаугурация» и др.), втаптывание в грязь исконных слов языка (например, слова «блин»), бедный запас слов. *«Ох, как больно, порой трагично народу нашему обходиться всяческая забывчивость и предательство впитанного с молоком матери родного языка»* [3. Т. 12. С. 89].

«Тюремно-лагерно-ссылному сленгу» Астафьев противопоставляет родной язык, родное слово, не раз обращаясь к речи сибиряков.

Астафьев подчеркивает роль сибирского диалекта как источника, питающего литературную речь: *«Мы ведь говорим много, неинтересно, длинно и путано оттого, – сокрушается писатель, – что не знаем своего родного языка, не умеем, не научены им толком пользоваться, в то время как сибирские старообрядцы, не подверженные новомодным влияниям, сохранили чистейший, образный русский язык»* [3. Т. 12. С. 87].

Сибирский диалект для писателя был символом малой родины: *«...землячество объединяло всех сибиряков и на фронте. В толчее армейской, в окопном скопище поговору узнавали чалдоны друг друга и так светло радовались этому – язык объединял нас, роднил... То же и в литературе. Сергей Павлович Залыгин, Николай Николаевич Яновский, Сергей Сартаков, Владимир Чивилихин, тот же Виль Липатов, Василий Фёдоров, Аскольд Якубовский, Ефим Пермитин и многие другие, оказавшись жителями столицы, за счастье считали встретиться, пообщаться, потолковать о Сибири "по-сибирски"»* [3. Т. 12. С. 90].

В творчестве Виктора Петровича сибирской деревне посвящено значительное число повестей и рассказов. С этим связано его широкое обращение к сибирской речи как средству художественной изобразительности. В этом он находил поддержку у читателей, литературных критиков, редакторов.

Он вспоминает о словах главного редактора Пермского издательства Б.Н. Назаровского, долго жившего в Сибири, который сказал: «Виктор Петрович, пой свою родную Сибирь: не подделывайся под Урал, не надо, не получится, язык-то один, русский, но произношение, но характер разные» [3. Т. 12. С. 90].

Писатель осознавал, что диалектная лексика трудна для перевода на другие языки. Он отмечал, что во Франции, Чехословакии, Польше и ещё в ряде стран переводили «Царь-рыбу», мучаясь с переводом как самого витиеватого, непереводаемого названия. В одном из интервью по поводу перевода повести «Последний поклон» на английский язык под названием «Кивок головы» он заметил: *«Думаю, что мои труднопереводимые названия книг и язык, изобилующий местной речью... переводить буквально нельзя»* [7].

Трепетно и с любовью относился Виктор Петрович к сибирским диалектным словарям. С большинством из них он был знаком, некоторые использовал как дополнительный источник в своей работе. Вот ряд его определений, относящихся к словарям: *уникальный, бесценный труд; хранители отечественной культуры; святое, патриотическое, нужное народу дело; благородное, творческое дело; словесные клады* [3. Т. 12. С. 90–92].

Писатель, выражая признательность за присылаемые ему словари, высказал пожелание: *«...комплименты, которыми меня осыпают критики и читатели за знание родного языка, надо бы адресовать на кафедры русского языка Томского университета и в Красноярский пединститут»* [3. Т. 12. С. 90]. Следует заметить, что сибирские словари служили лишь дополнительным подспорьем в работе писателя, прекрасно знавшего сибирский диалект.

Хочу привести еще два высказывания В. Астафьева. Первое, уже приводившееся, но без сокращений: *«Настало время ценить и поощрять тех, кто помогает сохранить и вернуть нам самое дорогое, что у нас еще есть, – наше родное слово, основу основ нашей жизни»* [3. Т. 12. С. 91]. И второе, уже цитировавшееся: *«Когда такие люди... стерегут русское слово, быть ему живу и России воскреснуть. Живое слово – живой народ»* [3. Т. 12. С. 91]. Комментарии, как говорится, излишни.

Виктор Петрович не оставил нам работ о том, каким он видел художественное слово. Об этом красноречиво говорят его творчество, его размышления, разбросанные в комментариях к отдельным томам собрания сочинений, встречающиеся в его интервью, в тексте повестей и рассказов.

Одна из ярких особенностей идиостиля Астафьева, как уже отмечалось, привлечение в художественные произведения значитель-

ного диалектного пласта. Диалектный пласт в прозе Астафьева, словно пласт сибирской земли, – это одно из языковых средств живописания Сибири, ее природы: цветов и трав, деревьев и кустарников, рек и ручьев, возвышенностей и низин, ее людей, их быта, промыслов, обрядов и обычаев.

Следуя лучшим традициям русской литературы, Астафьев идет в эстетическом освоении диалектного пласта дальше, расширяя его роль и художественные функции. Диалектизмы в астафьевской прозе не экзотика, не случайные вкрапления в литературную речь, а полноправные слова, которые не берутся в кавычки, крайне редко поясняются, они *живут* в поэтическом тексте, *живут* как единственно возможные, единственно необходимые для воплощения художественного замысла: *«Дом мальчика стоял лицом к реке, зависая окнами и завалинкой над подмытым крутоярьем. заросшим шептун-травой, черныбыльником, всюду пролезающей жалией»* [3. Т. 8. С. 9].

В традициях русской литературы функциональные характеристики диалектных элементов укладываются в следующий набор: диалектизмы как средство реалистического изображения крестьянской жизни; средство создания местного колорита, социально-речевого портрета; средство стилизации под народную речь; реже – как средство создания образности. В прозе Астафьева диалектизмы характеризуют его идиостиль: создание поэтичности, насыщенной образности, звукописи, музыкальности, мелодики и ритмики; кроме того, диалектизмы связаны с эстетическим отражением народной культуры – духовной и речевой [8. С. 178–183].

Концентрация, насыщенность художественного текста образными единицами языка – метафорами, сравнениями, антропоморфизмами – одна из ярких черт идиостиля Астафьева. В нижеприведенном тексте насыщенность диалектными словами – 6 на 6 строчек отрывка: *«Тлен прошлогодней травы, закисающих болот и умершей хвои плотно прикрывало ароматами новоцветья. На смену сыплющимся на угреве жаркам, свернувшейся медунце слепило золотом курослена, по оподолью кустов и каменных гряд шел в дудку дедольник – так в здешних местах по-детски ласково называли медвежью пучку»* («У золотой карги»).

Диалектное слово в прозе Астафьева может выражать не одну, а несколько фигур речи. Не однажды встречающееся на страницах его

произведений слово «оподолье» с обыденным значением «кромка подола [платья, юбки]», овеянное фольклорной традицией, обретает метафорическое значение берегов кромки, кромки «каменного платья» могучей сибирской реки. Одновременно это слово вплетено в рамки приема синтаксического параллелизма, создающего ритмику отрывка: *«Река одетая / в каменное платье, / украшенная / по оподолью / то тяжелыми блестками алмазов / вечной мерзлоты, / то жарким пламенем цветов / по берегам-бечевкам, / то мысом, / вспененным пушицею, / галечными заплёсками»* («Туруханская лилия»).

Диалектизмы выполняют важную и «ответственную» функцию – функцию заголовка, наполненного образно-символическим смыслом. Один из замечательных астафьевских циклов, объединяющих около двухсот авторских «собеседований с собой и с людьми», назван диалектным словом «Затеси». Семантику его писатель объясняет в первой из семи тетрадей цикла «Падение листа», в рассказе «Поход по метам»: *«Затесь – сама по себе вещь древняя и всем ведомая – это стёс, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом... белеющая на стволе дерева мета была видна издалека, и ходили по тайге от меты к мете...»*

В разных концах России название мет варьируется: «зарубы», «затёсины», «затёски», «затёсы», по-сибирски – «затеси» <...> Название таёжных мет врубилось в мою память... прочно и... надолго» («Поход по метам») [3. Т. 7. С. 8].

Обретя всероссийскую известность, слово «затеси» наполнилось глубоким философским смыслом: это не только мета на дереве, но и, по выражению писателя, на «древе жизни», «зарубки на сердце о нашей с вами жизни, о прошлом, о войне».

Диалектным словом названы и другие короткие рассказы писателя: «Хлебозары» (цикл «Падение листа»), «С кусоцкём», «Чужая обутка» (цикл «Игра»), «Бритовка» (цикл «Рукою согретый хлеб»), «У золотой карги», «Туруханская лилия» (повесть «Царь-рыба»), «Заберега» («Последний поклон»), повесть «Стародуб».

Особого внимания заслуживает название повести «Стародуб». В комментарии ко второму тому собрания сочинений, куда включена повесть, В. Астафьев пишет о том «наваждении», той магии, которая исходит от цветка: *«...цветок стародуб, как первая любовь, не расцветает на бумаге, сиял в моём сердце и требовал или, может, нашептывал мне о себе во сне и наяву, чтоб я никогда не забывал о*

нём и о родине его – Сибири, чтобы непременно рассказал людям о лесных чудесах и таинствах, поделился тем богатством, которое цвело в моей душе, согревая ее, наполняя светом любви ко всему существующему и красивому, подаренному Создателем нам, грешным людям» [З. Т. 2. С. 488].

В начале повести устами охотника-старообрядца раскрывается история названия цветка *стародуб* (от дуба), который в ходе развития сюжета обретает разные символические значения – от символа стойкости до символов родины, несбывшейся любви к женщине, добра и любви к людям. Слово «стародуб» наделяется статусом ключевого и выполняет в повести функцию обрамления.

В. Астафьев чуток к внутренней форме слова, особенно диалектного, и нередко прибегает к использованию приёма оживления его внутренней формы, что неизбежно ведёт к созданию языковой образности.

Так, сибирское название купальниц *жарки* с огненным цветом их лепестков (за что в среднеобских говорах они получили название *огоньки*) писатель сопоставляет с жаркими углями, используя мотивационную связь: *«Дотлела зорька. Темнота обступила костер. Вокруг него виднеются бледные пятна цветов. Эти жёлтые цветы на Урале и в Подмоскowie называют купавками, а в Сибири – жарками, потому что в Сибири они огненно-яркого цвета и светятся в траве, что жаркие угли»* («Ах ты, ноченька»). В другом случае название *жарки* он оживляет с помощью также диалектного слова *отгар* – «то, что отгорело»: *«Купыри и морковники силились пойти в дудку, жарки тут, на солнцепеке, уже сорили по ветру отгаром лепестков...»*. («Монах в новых штанах»).

Избранная тема и в малой степени не может быть раскрыта, освещена в рамках журнальной статьи. За её пределами остается многое из высказанного великим художником слова о слове при его жизни: в его романах, повестях, рассказах и «затесях», в письмах и автографах на подаренных им книгах, в выступлениях на конференциях и «литературных встречах в русской провинции», во время встреч с томскими диалектологами – «словарниками», как он нас называл. В какой-то степени это может быть восполнено в разных публикациях, часть которых предлагается в конце статьи и в цитируемых ссылках списка литературы.

Виктор Петрович воспринимал слово не только как звучаще-смысловую сущность, призванную обслуживать нужды общения в различных сферах – коммуникативной, экспрессивной, эстетической и др. Он был убеждён, что слово и выражаемая им мысль обладают «материальной, вещественной» силой, способной к самореализации. И я дважды была тому свидетелем.

Первый раз – когда наша делегация томских диалектологов, участников Международного съезда русистов в Красноярске, была приглашена в гости к Астафьевым (случилось это памятное событие 2 октября 1997 г.). Мы были покорены радушием хозяев. Встреча раскрыла простоту и человечность Виктора Петровича, богатый духовный мир, широчайшую эрудицию. Он делился с нами воспоминаниями о поэтах и прозаиках, которых он лично знал, – о Н. Рубцове, В. Белове, В. Быкове и др., читал свои рассказы, познакомил с богатейшей домашней библиотекой, с зарубежными изданиями своих книг, переведённых на разные языки мира. Он пел с нами и для нас песни, блистал остроумием, подарил всем нам по экземпляру журнала «Студенческий меридиан» с автографом (в журнале был очерк «Очарованные словом»). Узнав, что я увлекаюсь рыбалкой, подарил мне свою знаменитую «Царь-рыбу» с шутливым автографом: «Ольге Иосифовне Блиновой с любовью мою «Царь-рыбу» на уху». Я так была переполнена счастьем от той встречи, что сказала Виктору Петровичу о том, что на этом вечере можно бы поставить мою жизненную точку. Виктор Петрович буквально обрушился на меня: «Никогда так не говорите: слова материальны!»

Второй раз – в феврале 1999 г. На пресс-конференции в Томском университете Виктор Петрович в ответе на заданный вопрос «Что для вас смерть в прошлом и сейчас» вернулся к утверждению о материальном характере мыслей и выражающих их слов: *«О смерти говорите осторожно, никогда не примеряйте её к себе, – ответил он. – Мысль о смерти вещественна. Будьте молодыми и жизнерадостными. Грязь в свою душу не пускайте и дурные мысли в свою голову не берите».*

Последняя встреча с Виктором Петровичем произошла в феврале 1999 г. По моему вторичному приглашению он приехал в Томск, предварительно высказав два пожелания: встретиться с томскими «словарниками» и студентами Томского университета, который он боготворил и считал «святым местом».

Можно представить, с каким нетерпением мы ждали этого визита, чтобы поблагодарить Виктора Петровича за годы дружбы, поддержки, высокой оценки нашего и не только нелегкого словарного труда, за присланные в дар книги. Волнующая встреча диалектологов с дорогим и желанным гостем состоялась на кафедре русского языка. Длилась она более пяти часов, пролетевших незаметно, и произвела неизгладимое впечатление: Виктор Петрович познакомился с диалектными картотеками, собранными в течение полувека, с основателями и представителями Томской диалектологической школы, рассказывал истории из своей жизни, много шутил, смеялся, слушал в исполнении диалектологов образцы сибирской речи, о том, как собираются народные слова. В завершение встречи он прочел вслух по нашей просьбе три своих рассказа.

На следующий день в конференц-зале университета Виктор Петрович провел блистательную пресс-конференцию для студентов и преподавателей, ответив на многочисленные вопросы. На прощальном ужине у нас в доме он говорил о том, что осталось в его душе после пребывания в Томске. Сердечный приём у диалектологов кафедры русского языка ТГУ, волнующая пресс-конференция, беседа в ректорате университета, экскурсии по Томску и многое другое воодушевили его. На перроне вокзала Томск-1 мы с сыном провожали Виктора Петровича. Он обещал непременно посетить Томск, еще раз, добавив: *«Пока Марья жива, и я жив буду. Обязательно приеду»*.

В центре изучения творчества Виктора Астафьева (центр открыт в Библиотеке-музее села Овсянка) есть стеллаж, на одной из полок которого стоят все среднеобские словари, присланные или привезённые томскими словарниками в дар писателю. Один из них – «Словарь образных слов и выражений народного говора» с посвящением: «Виктору Петровичу Астафьеву, ценителю и знатоку народного слова» – вышел в свет 29 ноября 2001 г., в день его кончины.

Причисленность к лику очарованных словом Виктор Петрович доказал своим творчеством, всей своей жизнью.

Литература

1. *Томские письма Виктора Астафьева* / публ., коммент. и примеч. О.И. Блиновой // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха», 28–30 апреля 2009 г. – Красноярск, 2009. Вып. 5. – С. 441–456.

2. Солнцев Р. Астафьев // «И открой в себе память...»: Материалы к биографии В.П. Астафьева. – Красноярск, 2005. – С. 218–234.
3. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. – Красноярск : Офсет, 1998. – Т. 12.
4. Бобкова Ю.Г. Живое слово народной речи в художественном стиле В.П. Астафьева // 1-е Астафьевские чтения, 17–18 мая 2002 г. – Пермь, 2003. – С. 37–38.
5. Подюков И.А. Эстетика народной речи в поэтике В.П. Астафьева // 1-е Астафьевские чтения, 17–18 мая 2002 г. – Пермь, 2003. – С. 7–14.
6. Блинова О.И. Очарованный словом: Заметки об идиостиле Виктора Астафьева // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века: сб. материалов 1-й Междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В.П. Астафьева, 7–9 сентября 2004 г. – Красноярск, 2005. – С. 116–118.
7. Шлёнская Г. Взаболь. Отрывки воспоминаний // «И открой в себе память...»: Материалы к биографии В.П. Астафьева. – Красноярск, 2005. – С. 254–290.

VIKTOR ASTAFIEV ON THE WORD AND DICTIONARIES.

Tomsk State University Journal of Lexicography, 2014, 1 (5), pp. 108-119.

Blinova Olga I., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: blinova_11@mail.ru

Keywords: word, role of word, poetic word, dictionary.

Drawing on a wide range of sources, among which are fiction, essays, letters and personal meetings with Viktor Astafiev, the author tells the reader what this great writer thought about the WORD and DICTIONARIES, the perception and evaluation of the colloquial, everyday and artistic, poetic word.

The article describes Astafiev's childhood memories about his meeting with the teacher who revealed to the student the greatness of the WORD, its poetry and value. The writer refers to the phenomenon of word poetization as an enchantment, as he would later write in his essay "Enchanted with the word". In this essay he tells about those who collect and compile dictionaries that are "the keystone of our life". Full of pain, he describes the status of the Russian language in the second half of the 20th century, speaking about its vulgarization and emphasizing the life-giving role of Siberian dialects for the development of the literary language.

With tenderness and love Astafiev treated the dictionaries of Siberian dialects that he used in his works. According to the writer, dialects form "the Siberian land stratum".

Astafiev supported the State Prize nomination of the series of dialect dictionaries compiled by Tomsk researchers. He found the arguments to address the Council on State Prizes when the nomination was under discussion, after which Tomsk researchers rose to the first place from the 4th in the nomination list of a hundred contenders.

The article draws attention to the variety of functions dialectisms perform in Astafiev's works. The writer continues the tradition of the Russian literature in attracting the following functional characteristics of dialectal elements: dialectisms as a means of realistic depiction of rural life, of creating local color or sociolinguistic portraits; of folk speech imitation and, sometimes, of creating imagery. He goes further by expanding the role of folk speech elements considering them as equal to the units of literary language. He uses the folk word as a means of artistic expression.

Astafiev emphasized the untranslatability of the folk word into foreign languages.

In the final part of the article the author tells about the meetings the writer had with Tomsk dialectologists in Krasnoyarsk, in his home. Astafiev also visited Tomsk and was invited to the Russian Language Department of Tomsk State University, where he communicated with Tomsk dialectologists and showed genuine interest in the card indices of dialects and dialectal texts. This meeting lasted for five hours. The next day Astafiev held the press conference for the students and professors of Tomsk State University and answered a lot of questions. Viktor Petrovich expressed a high opinion of Tomsk State University and the level of philological education demonstrated by students.

Finally, Astafiev visited the Blinovs, where he met with famous writers Vadim Maksheyev and Eduard Burmakin. He was deeply satisfied with his visit to Tomsk and gave a promise to visit Tomsk and Tomsk State University again.

The article ends with the words: "Viktor Petrovich proved his belonging to those enchanted with the WORD by all his works and the whole life".

References

1. Blinova O.I. [Tomsk letters by Viktor Astafiev: contributions, comments and notes]. *Yubileynye Astafevskie chteniya "Pisatel' i ego epokha"*. [Commemorative Astafiev Readings "The writer and their era"]. Krasnoyarsk, 2009, Issue 5, pp. 441 – 456. (In Russian).
2. Solntsev R. *Astafev* [Astafiev]. In: *"I otkroy v sebe pamyat'..." : Materialy k biografii V.P. Astafeva* ["And find memory within you": the biography of V.P. Astafiev]. Krasnoyarsk, 2005, pp. 218–234.
3. Astafiev V.P. *Sobranie sochineniy: V 15 tomakh* [Collected works: In 15 Vols.]. Krasnoyarsk, Ofset Publ., 1998. Vol. 12.
4. Bobkova Yu.G. [The Live word of vernacular speech in V.P. Astafiev's artistic style]. *1-e Astafevskie chteniya (17-18 maya 2002 goda)* [The First Astafiev Readings (May 17-18, 2002)]. Perm, 2003, pp. 37–38. (In Russian).
5. Podyukov I.A. [Aesthetics of folk speech in V.P. Astafiev's poetics]. *1-e Astafevskie chteniya (17-18 maya 2002 goda)* [The First Astafiev Readings (May 17-18, 2002)]. Perm, 2003, pp. 7–14. (In Russian).
6. Blinova O.I. [Enchanted with the word: Notes on Viktor Astafiev's idiosyncrasy]. *Fenomen V.P. Astafeva v obshchestvenno-kul'turnoy i literaturnoy zhizni kontsa XX veka: Sb. materialov 1-y Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennyy tvorchestvu V.P. Astafeva* [Phenomenon of V.P. Astafiev in the socio-cultural and literary life of the late 20th century. Proc. of the 1st International Research Conference dedicated to V.P. Astafiev's oeuvre]. Krasnoyarsk, 2005, pp. 116–118. (In Russian).
7. Shlenskaya G. *Vzabol'. Otryvki vospominaniy* [In troth. Fragments of memories]. In: *"I otkroy v sebe pamyat'..." : Materialy k biografii V.P. Astafeva* ["And find memory within you": the biography of V.P. Astafiev]. Krasnoyarsk, 2005, pp. 254–290.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

З.И. Резанова

УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ТОМСКИХ ЛЕКСИКОГРАФОВ

Рецензия на книгу: Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – Т. 1: А–З. – 358 с.; 2007. – Т. 2: И–О. – 338 с.; 2009. – Т. 3: П–Р. – 324 с.; 2012. – Т. 4: С–Я. – 366 с.

Словарь представляет собой первый опыт полного лексикографического описания лексикона одной языковой личности – Веры Прокофьевны Вершининой, 1909 г. рождения, носителя

традиционного сибирского старожильческого говора с. Вершинино Томской области. Он включает всю зафиксированную у информанта в течение 23 лет лексику и фразеологию – не только собственно диалектную, но и просторечную и общерусскую, экспрессивную и нейтральную, новую и устаревающую, отражает ее системные связи и особенности словоупотребления, позволяя впервые исследовать в относительно полном объеме лексикон рядового носителя языка XX – начала XXI в.

Для научных работников, студентов, учителей-словесников, писателей, всех, кто интересуется русской культурой и народной речью.

Писать рецензию на «Полный словарь диалектной языковой личности» – задача и простая, и сложная одновременно. Простая – потому что замечательные свойства этого масштабного лексикографического проекта очевидны, сложная – и потому, что знакомство с

ним вызывает желание обсудить не только его особенности, но и многие теоретические и практические вопросы современной лексикографии, что, в свою очередь, обращает нас к обсуждению важных тенденций в развитии не только современной диалектологии, но русистики в целом, и потому, что этот словарь неизбежно побуждает читателя к рефлексии общих особенностей Томской лексикографической школы.

Ценность рецензируемого лексикографического труда, на наш взгляд, определяется такими его характеристиками: 1) представляемым эмпирическим материалом; 2) избранными аспектами научной интерпретации; 3) ее уровнем; 4) востребованностью материала и направлений его анализа в соответствующей социокультурной ситуации. Первые три характеристики словаря непосредственно взаимообусловлены и в совокупности предопределяют его четвертое свойство.

Словарь, подготовленный под научным руководством и редакцией Е.В. Иванцовой, представляет собой закономерное воплощение тенденций развития отечественной лексикографии в целом и ее диалектологического сегмента в частности. Томские диалектные словари являются, на наш взгляд, образцовым отражением базовых этапов развития лексикографии и диалектологии, характеризующихся особыми методиками сбора материала, его лексикографической обработки и интерпретации, и как результат – созданием особых типов словарей. Словари первого этапа – толковые дифференциальные – имели, как правило, этнографическую направленность, были ориентированы на фиксацию собственно диалектной лексики с отражением прежде всего лексико-семантических и грамматических свойств слова, собирались по опросным листам с фиксированным количеством вопросов, с записями «от руки». Классический образец словарей такого типа – все выпуски «Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» и дополнений к нему [1–3]. Словари этого типа и их картотеки послужили основой создания масштабных проектов подготовки недифференцированных словарей, реализация которых была связана с необходимостью решения задачи многоаспектного *системного* описания говора, осуществленной при подготовке выпусков «Полного словаря сибирского говора» и «Вершининского словаря» [4, 5], а также серии узкоспециализированных словарных трудов, репрезентирующих связанные опреде-

ленным типом системных отношений лексемы. В этом ряду необходимо назвать прежде всего словари мотивационно связанных слов и образных слов и выражений, выполненные, как и большинство других словарей томских диалектологов, под научным руководством О.И. Блиновой [6, 7].

Эти словари являются ярким проявлением еще двух чрезвычайно важных характерных особенностей работы томских лексикографов: их значительные лексикографические проекты всегда непосредственно связаны с развитием теории, и зачастую они представляют первый опыт лексикографической интерпретации языковых объектов в избранном аспекте.

Десятилетия полевых исследований, кропотливая многоаспектная обработка материалов экспедиций привели к формированию обширной текстовой базы. При этом уровень отражения особенностей всей палитры языка в естественных условиях стал принципиально иным при использовании возможностей аудиозаписей. Значимыми представляются и иной уровень текстовой фиксации особенностей синтаксического строя, фонетики диалекта, и возможность исследователя возвращаться к звучащей речи при решении возникающих новых проблем интерпретации ранее расшифрованного и описанного материала.

Накопление эмпирических данных, обретение опыта его разносторонней лексикографической интерпретации обусловили возможность развития традиции в новом аспекте. Имею в виду создание полного словаря одного говора в системе среднеобских диалектов – вершининского, а затем – как закономерное развитие идеи – полного словаря диалектной языковой личности, носителя вершининского говора среднеобской диалектной подсистемы русского языка.

Десятилетия интенсивного развития научной школы привели к формированию постоянно пополняемого высокопрофессионального коллектива исследователей, объединенных одной идеей и в то же время разрабатывающих в ее пределах частные задачи. Этот коллектив включает исследователей, как правило – выпускников аспирантуры кафедры русского языка Томского государственного университета, ныне работающих в разных областях и даже странах постсоветского пространства, но сохраняющих связи с *alma mater* в научной деятельности.

Мне представляется важным отметить, что профессионально необходимыми качествами лексикографа-диалектолога являются не только его компетентность практически во всех важнейших аспектах анализа языка (так как в слове все закономерности языкового существования особым образом проявляются, а следовательно, они должны быть отражены и в его лексикографической интерпретации), не только умение улавливать основные тенденции в развитии языкознания (словарь должен отвечать и закономерно изменяющимся ожиданиям его пользователей-ученых в связи с необходимостью решения новых актуальных задач), но и способность к совмещению «кабинетных» и «полевых» этапов работы, и особые человеческие качества, позволяющие успешно воплотить методику «включения в языковое существование говорящего» в качестве основной на всех этапах собирания и осмысления материала.

Все отмеченные черты томской научной школы диалектной лексикографии проявлены в деятельности авторского коллектива «Полного словаря диалектной языковой личности», включающего 40 человек, и его руководителя – Екатерины Вадимовны Иванцовой.

Словарь отвечает актуальным тенденциям в развитии русистики – тенденциям к функционализму, антропоцентризму, междисциплинарности, реализует эти тенденции в качестве проекта, не имеющего аналогов в российской лексикографии. Его уникальность определяется прежде всего вводимым в научный оборот материалом, представляющим многие аспекты обыденного языкового существования рядового носителя диалектной формы русского языка. Полагаем, что осуществления еще одного проекта подобного типа вряд ли можно ожидать в обозримом будущем, потому что он являет собой результат интерпретации материала, который собирался десятилетиями, обеспечивая действительно полный лексикографический портрет языковой личности. Приведем весьма убедительные, на наш взгляд, цифры: словарь основывается на дешифрованных записях звучащей речи информанта объемом около 10 000 печатных страниц и картотеке, включающей свыше 100 000 карточек.

Уникальность материала сочетается с высоким уровнем научной разработки и общей концепции словаря и всех вытекающих из данной концепции решений частных лексикографических проблем. Высокий уровень представления лексикона языковой личности диалектоносителя определяется прежде всего тем, что автор идеи словаря,

его редактор, Е.В. Иванцова – создатель целостной самостоятельной лингвоперсонологической концепции, представленной ею научному сообществу в монографиях, учебнике и серии статей, и тем, что ряд членов авторского коллектива также успешно разрабатывают частные проблемы описания языковой личности, среди которых прежде всего хотелось бы отметить Л.Г. Гынгазову, выявившую яркие особенности концептосферы, метафорического слоя языка, и О.А. Казакову, исследующую речевые жанры В.П. Вершининой. Отметим, что списки работ, посвященных исследованию идиолекта сибирской крестьянки, приведенные в первом и четвертом томах словаря, включают более 150 статей и монографий. И вновь хочется подчеркнуть, что авторский коллектив развивает важную черту томской лексикографической школы, в которой теоретические исследования, как правило, завершаются лексикографической интерпретацией исследуемого языкового материала, а лексикографические проекты становятся стимулом к постановке и решению теоретических проблем.

«Полный словарь диалектной языковой личности» демонстрирует высокую культуру лексикографической обработки языкового материала, формировавшуюся многие годы существования научной школы, в которую новые ее члены обычно входили уже в начале студенчества (как это и было с основными авторами словаря).

Говоря о лексикографической интерпретации материала, хотелось бы особо выделить систему помет словаря, а среди них – стилистические и функционально-стилистические пометы. В экспрессивно-стилистических, функционально-стилистических, собственно функциональных пометах, на наш взгляд, как в капле воды, отражаются общие установки авторов словаря, объединяющих следование и классическим традициям отечественной лексикографии, и традициям, сложившимся уже в пределах научного направления (например, использование введенной О.И. Блиновой пометы «сниходятельное», которая отражает сложную эмоциональную оценку, сочетающую положительный и негативный компоненты), и поиск новых интерпретаций функциональной стороны слова. Так, авторы словаря вводят новую помету «смягченное», характеризующую употребление слова с негативным коннотативным компонентом, который в соответствии и с речевым этикетом, и с общими этическими установками Веры Прокофьевны смягчается («заочно – если субъект

оценки вызывает симпатию говорящего, и очно, чтобы не обидеть грубым словом, резким суждением собеседника» [8. С. 15]).

Необходимость вводимых помет обусловлена специфическим объектом описания (идиолектная система), а возможность – не только новыми средствами автоматической фиксации звучащей речи, но в первую очередь тем, что материал собирался методом включенного наблюдения в условиях абсолютно раскрепощенной естественной коммуникации информанта в различных языковых ситуациях, что, в свою очередь, было достигнуто в результате многолетнего личного общения основных авторов словаря Е.В. Иванцовой и Л.Г. Гынгазовой с Верой Прокофьевной. Такой сбор материала явился основой выделения ядра и функциональной периферии лексикона диалектной языковой личности. Применение комплексной методики (учитывались интонационное оформление фрагмента текста, типичные речевые жанры, темы говорения, особенности внеязыковых условий актуализации той или иной семантики, показания языкового сознания) позволило авторам быть убедительными при квалификации элементов периферии, при введении и использовании помет «в чужой речи», «детское», «официальное». В соединении с этими методическими установками временны'е рамки сбора материала – более 20 лет – позволили дифференцировать лексемы на «окказиональные», «новые», «устаревающие», «устаревшие».

При том что словарь в соответствии со своей жанровой формой «ответствен» прежде всего за представление лексико-фразеологического слоя языка, «Полный словарь диалектной языковой личности» благодаря глубоко продуманной системе помет, отбору иллюстративных контекстов действительно, как пишет редактор словаря во Введении к первому тому, «предоставляет базу для комплексного анализа языка и культуры в современном обществе» [8. С. 20]. Глубоко проработанный обширный эмпирический материал позволяет по-новому взглянуть на «сложившиеся представления об объеме словарного состава рядового носителя языка... на проблему полярности элитарной и традиционной народно-речевой культуры... специфики языковой картины мира диалектоносителя, концептосферы русской языковой личности и мн. др.» [9. С. 356].

Безусловно, «Полный словарь диалектной языковой личности» отвечает самой исследовательской идеей, принципами отбора материала, в том числе иллюстративного, научным запросам нашего

времени. Однако, как высокопрофессионально выполненный проект, он находится в известной степени «вне времени», в том смысле, что он будет интересен и многим последующим поколениям исследователей языка и культуры, и вообще всем, кому небезразличен «язык и дух» русского народа.

Работая на одном факультете с основными авторами словаря, будучи рецензентом докторской диссертации Е.В. Иванцовой и в разные периоды – статей членов авторского коллектива, я не понаслышке знала, что сбор материала и описание языковой личности диалектоносителя давно переросли позицию «научного проекта». И словарь является еще одним ярким подтверждением этого, он отражает не просто соприкосновение его авторов с судьбой Веры Прокофьевны Вершининой, но полное соучастие в ней, став значительным фактом личной жизни и Екатерины Вадимовны Иванцовой, и Людмилы Георгиевны Гынгазовой. Думаю, что работа с текстами Веры Прокофьевны не могла не оказать влияния на мысли и чувства других соавторов, хотя, может быть, и в разной степени.

В заключение хотелось бы сказать следующее: несмотря на то, что, преодолевая жанровые ограничения, «Полный словарь диалектной языковой личности» способен сформировать целостное представление о многих характерных особенностях русской языковой личности XX в., думаю, что знакомство с ним должно вызвать у его читателя потребность в знакомстве с другими работами авторского коллектива. Надеюсь также, что завершение столь масштабного проекта подвигнет авторов не только к созданию аспектных словарей, интерпретирующих идиолексикон Веры Прокофьевны Вершининой, но и к созданию электронного корпуса текстов, который мог бы быть интегрирован в качестве самостоятельного сегмента в Национальный корпус русского языка.

Литература

1. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби* / авт.-сост. О.И. Блинова, Ф.П. Иванова, В.В. Палагина и др.; под ред. В.В. Палагиной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964–1967. – Т. 1–3.
2. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: дополнение* / авт.-сост. Н.В. Жураковская, В.В. Палагина, Е.М. Пантелеева и др.; под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. – Ч. 1–2.

3. *Среднеобский словарь: дополнение* / авт.-сост. Л.Г. Гынгазова, Т.А. Демешкина, Н.Г. Нестерова и др.; под ред. В.В. Палагиной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983–1986. – Ч. 1–2.
4. *Полный словарь сибирского говора* / авт.-сост. О.И. Блинова, В.В. Палагина, С.В. Сыпченко и др.; под ред. О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992–1995. – Т. 1–4.
5. *Вершининский словарь* / авт.-сост. Т.Б. Банкова, О.И. Блинова, Е.В. Иванцова и др.; под ред. О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999–2002. – Т. 1–7.
6. *Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А.* Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 307 с.
7. *Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья* / авт.-сост. О.И. Блинова, В.В. Палагина, С.В. Сыпченко и др.; под ред. О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982–1983. – Т. 1–2.
8. *Иванцова Е.В.* Введение // *Полный словарь диалектной языковой личности* / авт.-сост. Т.Б. Банкова, Е.В. Бельская, К.В. Гарганеева и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – Т. 1. – С. 9–20.
9. *Иванцова Е.В.* Послесловие // *Полный словарь диалектной языковой личности* / авт.-сост. Т.Б. Банкова, З.М. Богословская, В.П. Васильев и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. – Т. 4. – С. 356–357.

A UNIQUE PROJECT OF TOMSK LEXICOGRAPHERS. REVIEW OF THE COMPLETE DICTIONARY OF A DIALECT LANGUAGE PERSONALITY EDITED BY YE.V. IVANTSOVA

Tomsk State University Journal of Lexicography, 2014, 1 (5), p. 116–124.

Rezanova Zoya I., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: resso@rambler.ru / resso@mail.tsu.ru / rezanovazi@mail.ru

References

1. Blinova O.I., Ivanova F.P., Palagina V.V. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [The Dictionary of Russian Old Settlers' Dialects of the Middle Part of the Ob Basin]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1964 – 1967, vols. 1 – 3.
2. Zhurakovskaya N.V. Palagina V.V., Panteleyeva Ye.M. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi: dopolnenie* [The Dictionary of Russian Old Settlers' Dialects of the Middle Part of the Ob Basin. Addition]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1975, parts 1 – 2.
3. Gyngazova L.G., Demeshkina T.A., Nesterova N.G., et al. *Sredneobskiy slovar': dopolnenie* [The Middle Ob Dictionary. Addition]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1983 – 1986, parts 1 – 2.
4. Bankova T.B., Blinova O.I., Ivantsova Ye.V., et al. *Polnyy slovar' sibirskogo govora* [Complete Dictionary of the Siberian Dialect]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1992 – 1995, vols. 1 – 4.
5. Bankova T.B., Blinova O.I., Ivantsova Ye.V., et al. *Vershininskiy slovar'* [Dictionary of the Vershinino Village dialect]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1999 – 2002, vols. 1 – 7.

6. Blinova O.I., Martynova S.E., Yurina Ye.A. *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [The dictionary of figurative words and expressions of folk speech]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2001. 307 p.

7. Blinova O.I., Palagina V.V., Sypchenko S.V., et al. *Motivatsionnyy dialektnyy slovar': Govory Srednego Priob'ya* [The Motivational Dialect Dictionary. The Middle Ob Dialects]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1982 – 1983, vols. 1 – 2.

8. Ivantsova Ye.V. *Vvedenie* [Introduction]. In: Bankova T.B., Belskaya Ye.V., Garganeyeva K.V., et al. *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Complete Dictionary of the Dialect Linguistic Personality]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2006, vol. 1, pp. 9–20.

9. Ivantsova Ye.V. *Posleslovie* [Postface]. In: Bankova T.B., Bogoslovskaya Z.M., Vasilyev V.P., et al. *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Complete Dictionary of the Dialect Linguistic Personality]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2012, vol. 4, pp. 356–357.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЛИНОВА Ольга Иосифовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: blinova_11@mail.ru

ЗАХАРОВА Людмила Андреевна – канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: vikzah@yandex.ru

КОЗЫРЕВ Владимир Алексеевич – д-р пед. наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: 47kozyrev@rambler.ru

ЛУКАШАНЕЦ Елена Глебовна – канд. филол. наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета (Белоруссия).

E-mail: elukashanets@rambler.ru

ОГАРКОВА Татьяна Викторовна – магистрант кафедры языкового и литературного образования ребенка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: energua2009@mail.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета; профессор кафедры русского языка Томского политехнического университета.

E-mail: resso@rambler.ru / resso@mail.tsu.ru / rezanovazi@mail.ru

РУЖИЦКИЙ Игорь Васильевич – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: konnitie@mail.ru

РЫГАЛИНА Мария Гамлетовна – аспирант кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

E-mail: boch-mariya@yandex.ru

САВЕНКО Анастасия Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета.

E-mail: saven@mail.ru

ЧЕРНЯК Валентина Даниловна – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: vdcher@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит 2 раза в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 41276 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2227-4200).

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал
ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОГРАФИИ
JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2013. № 1(5)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Каишур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 16.04.2014 г. Формат 60х84 ¹/₁₆.

Печ. л. 8,0; усл. печ. л. 7,3; уч.-изд. л. 7,3.

Тираж 500 экз. Заказ № 297

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Учебно-производственная типография ТГУ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 66